

Зильфия

ТАКОЕ СЕРДЦЕ
У МЕНЯ

Зульфия

ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ

Стихотворения и поэмы

Издательство
литературы и искусства имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1978

Художник И. Кириакиди

3 $\frac{70403-225}{352(06)-78}$ 77—78

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978 г. (составление, оформление), перевод стихотворений, вошедших в раздел «Ночь полна стихов».

*Разве верность нуждается в чьем-то
участье?
Если б не было верности — не было б
счастья.*

*Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

**ПРИЗНАНИЕ
ТАЕТ СНЕГ
ЗЕРКАЛО ПРОЗРАЧНЫХ РОДНИКОВ
ТЕПЛОТА
РАЗДУМЬЯ
ВЕСЕННИЙ ВОДОПАД
НОЧЬ ПОЛНА СТИХОВ**

ПРИЗНАНИЕ

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супа* под яблонею земляная,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой.
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркальца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепья.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла,
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули**,

---

* С у п а — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

** С у н б у л ь — цветок.

То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза:
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза*.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждою возмездья пламенела.

Я верила, что светлый день придет —
Исчезнут эти тучи с небосвода,
И жизнь опять счастливо зацветет'
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

И, верю незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

---

* С а з — музыкальный инструмент.

ПРИЗНАНИЕ

Ты отяжел, юноша правдивый,
Полюбив, ты втайне не горишь.
Черноглазый мой, карноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтילה
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы —
Силы не нашла сильней любви,
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ВОСПОМИНАНИЕ

Любимая, ты помнишь праздник Мая,
Когда с тобой мы встретились в саду?
Над нами ночь склонилась голубая,
Шептались тихо тростники в пруду.

В струистых сонных водах отражаясь,
Качалась одинокая звезда.
Мы рядом шли, и мне тогда казалось,
Что вместе мы с тобою навсегда.

Была ты в белоснежном длинном платье,
В венке из ранних огнецветных роз.
В ту ночь тебя невестою стал звать я,
Весь свет души своей тебе принес.

Как струны, нам под ветром волны пели,
Звенели, ударяясь в парашет.
На ветках соловьи роняли трели,
И сердце откликалось им в ответ.

В траве луны серебряные слитки
Сверкали под горой у наших ног.
Мне не забыть прощанье у калитки...
Не знали мы тогда с тобой тревог.

Сейчас, любимая, я от тебя далеко.
Вокруг меня в дыму лежат снега.
Сил не щадя в сражениях жестоких,
Повергнуть в прах поклялся я врага.

Бесстрашно встал я на переднем крае
Своей отчизны, честь ее храня.
Пиши на фронт мне чаще, дорогая,
Не плачь напрасно, помни про меня.

2. ВЕРНОСТЬ

Мой друг, твое письмо издалека
Доставила мне почта полевая.
В нем дышит лаской каждая строка.
Правдивая, сердечная, живая.

У нас весна... Лежат в цвету долины.
Прозрачна даль, спокойна и ясна.
Над нашим садом стала голубиной
Твоих родных небес голубизна.

На берегу пруда, где были встречи наши,
Пылают розы заревом зарниц.
Роса звенит в их лепестковых чашах
От дружных криков перелетных птиц.

В саду с твоею маленькой сестренкой
Мы бережно растим твои цветы.
В ее чертах, задумчивых и тонких,
Легко узнать, мой друг, твои черты.

В аллеях там, ко мне склоняя ветви,
Твоим дыханьем дышат тополя.
Твои слова мне повторяет ветер,
Твои следы там бережет земля.

Разлука долгодневная скрепила
Любовь и дружбу нашу навсегда.

Тебе верна по-прежнему я, милый,
Твоим гвардейским мужеством горда.

Вниманьем и заботой неустанной
В селенье я своем окружена,
Везде и всюду ты со мной, желанный,
Моя душа всегда тобой полна.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,
Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

ЗВЕЗДА

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

Звезда, далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
«Подруга, я с тобой, с тобой любовь большая».

* * *

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне нужен ты!
Поговорю с тобою, посижу я.
Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забуть ли дни любви, горенья и труда!
Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.
Лишь радость видел ты в моих глазах всегда.
Теперь ты даже слез моих не видишь.

МОЯ ПЕЧАЛЬ, ТВОЯ БЕДА...

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня,—
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней!
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженней,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней,
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

* * *

Счастливую любовь он воспевал, мой саз.
Смерть занесла кинжал, и песнь оборвалась.
Как лед разлуки, стал мой потускневший голос.
Неужто цвет увял и пламень мой погас?!

**ПРИШЛА ВЕСНА,
СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ**

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурею, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?»,
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей.
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог!

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвество,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть!

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ?
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

ЗАЦВЕЛ УРЮК

«Зацвел урюк наш у окна», —
Так ты писал, когда был жив.
Урюк цветет. Живу одна,
На сердце камень положив.

О, если бы могли года
Огонь разлуки погасить!
В изнеможении сюда
Пришла свиданья я просить.

Протосковавши вечер весь,
Опять в знакомый дом вошла,
Одна заночевала здесь,
Где я с тобой вдвоем жила.

Рекой добра и теплоты
Здесь наша молодость текла.
Здесь счастье было. Здесь был ты.
Здесь я тобой полна была.

Здесь в доме каждый уголок
Напоминает ночи те,
И прежней песни уголек
Нет-нет и вспыхнет в темноте.

Здесь, глядя в милые черты,
Притихнув, молча я ждала,
Пока стихи допишешь ты
И оторвешься от стола.

Здесь ты их первой мне читал:
Ты, я и больше никого...
И поднимал глаза, и ждал
С немym вопросом: «Каково?»

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось.

Горжусь, что ты писал при мне.
Пусть каждая строка твоя
Давно завещана стране,
Но первой слушала их я.

До смерти не забуду — нет! —
Тех прежних, тех счастливых нас.
Уже зарозовел рассвет,
Так и не дав сомкнуть мне глаз.

Твой голос, как глухая боль:
«Зацвел урюк наш у окна...»
И со свидания с тобой
Опять я уйду одна.

М Е Ч Т А

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,
Выпрямишься с прежней прямоюй,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица.
Но, когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта — как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил.
И того приводит нас на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала —
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум,
И яснее времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом,
В каждом камне вижу я цветок.

Каждая былиночка прекрасна;
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву:
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновеньем назову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

* * *

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли;
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце! Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: «Найди ты друга вновь!»

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенной стократ.

О, если бы навло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресли б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

ГДЕ ТВОЙ ПРИВЕТ?

Пламенем зари земля согрета,
Пробуждаются и звук, и цвет.
Каждый день — я не забыла это —
Начинался с твоего привета.
Нет тебя. Но где же твой привет?

— Здравствуй!— Твоего ждала я слова.
Так земля ждала: придет рассвет.
Ты — начало бытия земного,
Ты — во мне, в моем стихе, и снова
Я хочу услышать твой привет.

Солнце не скупится на свеченье,
Нам его даруя с давних лет.
Иль моя любовь, мое мученье
Потеряли для тебя значенье,—
Что же ты скупишься на привет?

Ищет астроном звезды незримой,—
Даже днем,— далекий, слабый свет.
Так ищу твой свет неугасимый,
Спутник юности моей, любимый,
Жажду я услышать твой привет.

Разве больше не пылают зори,
И надежды нет в глубоком взоре,
И любви на свете больше нет?
Разве в непогоду иль весною
Встретиться не хочешь ты со мною?
Мой поэт, о где же твой привет?

* * *

В сердце много песен — я пишу
По стихотворенью ежедневно.
Как земля, работаю, дышу,
Но слова звучат ли задумчиво?

Жизнь вобрав, на миг я к ней глуха,
Я не вижу и не слышу мира,
Лишь граню, граню алмаз стиха
С яростью и страстью ювелира.

Написав последнюю строку,
Я уже стихам своим не рада,
Но свою надежду иль тоску
Всей вселенной мне поведать надо.

ПАМЯТНИК

*В колхозе имени Хамида
Алимджана Аккурганского
района Ташкентской области
сооружен памятник поэту*

Снова люди движутся к поэту,
Где, среди просторов полевых,
Виден памятник добру и свету,
Виден камень, превращенный в стих.

Люди говорят ему, как сыну:
«Встань, Хамид, в сиянии зари,
Посмотри на гору и долину,
На поля, на нас ты посмотри.

У тебя в глазах — горенье слова
И бумага в каменной руке,
Словно жизнь вернуть решил ты снова
Звонко оборвавшейся строке...»

Здравствуй! Как должна благоговеть я
Перед теми, кто воздвиг тебя.
Четверть мы не виделись столетья.
О, как я состарилась, любя!

А тебя, как прежде, молодого,
Эти не состарили года,
И твой стих звучит свежо и ново,
Он — как свет, как хлеб и как вода.

Ты, как прежде, нашей далью дышишь,
И дыханьем нашим ты согрет,
И сейчас живую жизнь опишешь,—
Ту, что ты не видел столько лет.

Как стихи, лелеет здесь хлопчатник
Славный соименник твой — колхоз.
Ты сюда вернулся, как соратник,
В помощь людям песню ты принес.

Новые родились поколенья,
Но не стал ты и для них чужим,
Их свершенья, как стихотворенья,
Сочетались с именем твоим.

На родной земле, как зрелый колос,
Ты стоишь с бессмертием вдвоем.
Голосом долины стал твой голос,
В сердце не смолкающий моем.

БЕЗ ТЕБЯ

Целую жизнь без тебя (о, как время бежит!),
Целую жизнь без тебя прожила уже я на свете.
В день, когда, к гробу припав, я рыдала навзрыд,
Подняли с пола меня и поставили на ноги дети.

Вот и стою, словно щит. И лица своего не прячу
Ни от весен и зим, ни от радостей, ни от страданий.
Если хоронят другие — с ними я вместе плачу.
Свадьбу справляют другие — резвлюсь веселее лани.

Все изменяется вдруг, чуть я одна осталась:
Горло мне разъедает горечь непролитых слез.
Слабость вдруг нападает. На плечи ляжет усталость,
А на губах неотвязный, единственный мой вопрос:

«О, почему при жизни,— спрашиваю напрасно,—
О, почему при жизни ты не ушел к другой?!
Пусть даже к самой стройной, самой прекрасной,
страстной...
Лучше б меня ты бросил, только б ты был живой!»

Люди мне говорили: горше смерти — разлука.
Душу палит измена — эта обида обид.
Верю... Но я бы стерпела, вынесла эту муку,
Только бы знать, что где-то голос родной звучит!

Только бы знать, что где-то ты существуешь в мире,
В жизни той, что дарит нас или томит, казня.

Только бы знать, что шаги твои — все уверенней,
шире.

О, почему при жизни ты не бросил меня?!

Ревность меня душила бы. Мучило оскорбление.
Я бы кляла другую... Да и тебя со зла.
Но за тобою все же не побрела бы тенью,
А по праву любви, молча тебя б ждала.

В снах моих — самых тайных! — были бы мы все же
вместе,

И от тебя, живого, я поджидала б вести!

...Счастье творить все труднее сердцу, уму моему,
Связанным нераздельно с черной твоей судьбой...
О, почему, любимый, о, почему, почему
Ты меня не оставил?..

Или не взял с собой?

У ПАМЯТНИКА

Умру — встану рядом.

К моим тридцати,
Ослепшим от слез, пусть вернут меня в камне,
Чтоб вместе нам вечной дорогой идти
Под взглядами, звездами и облаками.

TAET CHET

С Ю З А Н Е

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза.
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзине предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы чимганских гор —
И розы, и райхон*, и астра золотая
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острие мне укололо руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.

---

* Р а й х о н — мята.

— Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой! —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзанае.
Ладонью проведу по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И, словно сквозь узор, глядят глаза твои,
И на шелку стежки — как строчки на бумаге.
И это сюзанае — письмо моей любви.
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзанае мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг;
Он ярк, словно сад во время листопада, —
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

САДОВНИК ДАЛЕКО

Когда я тебя провожала, любимый,
Стояли морозы. А нынче — весна;
В саду распускаются нежные розы...
А сердце с тобою, а сердце без сна!

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я:
— Скажите мне, розы, скажи мне, мой сад,
Где добрый садовник ваш, где он?! А розы
Раскроют бутоны и так говорят:

— Садовник далеко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны,

Чтоб нивам сожженным, чтоб сломанным розам
Восстать, возродиться, расти и цвести,
Чтоб в дыме пожарищ мятущимся птицам
В гнездовья вернуться и гнезда сплести;

Чтоб ложь перед правдой смирилась навеки,
Чтоб девичьи очи не гасли от слез,
Чтоб юноша девушке нежные розы
Рукой, победившей врага, преподнес.

Он там, твой любимый, он там, где герои
За дело свободы сраженья ведут.
Так пусть же отважным героям народным
Их девушки розы свои отошлют.

И ты отошли нас в подарок герою,
Гонцами негаснущей страсти пошли,
Чтоб в непогодь злую, в лихую опасность
Любовью твоей мы его сберегли.

Чтоб нежностью нашей, чтоб нашим дыханьем
Дышать ему в тяготе дымных боев,
Чтоб львиная в сердце вливалась отвага,
Чтоб слава с ним рядом — на веки веков!

Вот так, на рассвете, я слушала речи
Цветов обновленных, и, сердце раскрыв,
Припала я к розам, тобою возвращенным,
Всю душу мою в поцелуй перелив.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ И В ШИНЕЛИ

«Мы тесним врага все с той же силой.
Вдохновляет нас великий гнев...
Что же ты не пишешь?.. Позабыла,
Длительной разлуки не стерпел?»

«Не пишу?!» О, сколько я писала!
Нежным письмам не было числа!
Но для чувств моих бумаги мало,
Ведь любовь в разлуке возросла.

«Позабыла?!» Разве я из камня?
Верь, для сердца нет пути назад!
Нынче каждая звезда близка мне:
Гляну в небо — вспомнится твой взгляд.

По тебе тоскую, мой любимый!
Вспомни, милый, о моей судьбе!
Да, разлука стала нестерпимой,
И сегодня еду я к тебе.

Позади земля Узбекистана!..
Ива тонкая, джида, прости!..
Тосковать о родине я стану,
И сейчас я слезы лью в пути.

«Где же он?» — взываю к птичьей стае.
«Близко!» — отвечают голоса.

Гладят волосы мои, лаская,
Светлые России небеса.

Милый! Буду я с тобою рядом.
Станет нежная рука стальной.
Если я сражу врага снарядом,
Родина гордиться будет мной.

МЫ ВСТРЕТИМСЯ!

Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти.

М. Исаковский

Я слышу, Татьяна, твой голос, твой стон,
Что рвет мое сердце на сотни частей.
Где смех твой, где юности чистой расцвет?
Чьей жертвой ты стала? Кто подлый злодей?

Мы жили, заветных мечтаний полны,
Как свойственно людям в счастливом краю.
Не зная невзгод, твой народ процветал,
Лелея заботливо юность твою.

Но кружится смерть над твоей головой.
И слезы твои — кипятка горячей.
Земля содрогается, слыша твой плач
И видя глумленье твоих палачей.

Но — жертва насилья — во вражьем плену
Душою отвергла ты рабства позор.
Татьяну рабынею сделать нельзя,
И смерть палачам твоим — наш приговор!

За шелк твоих кос, что топтали враги,
За то, что касалась их вражья рука,
За каждую горькую капельку слез —
Прольется их крови поганой река.

Пусть хищник вонзил свои когти в тебя, —
И в хищных когтях — избавления жди.
Возмездия руку простер твой народ, —
Крепись, набирайся терпения — жди.

Да, жди — хоть бы к горлу приставили нож!
Мы вырвем тебя из палаческих лап,
Из пасти драконьей мы вырвем тебя,—
Клинок наш остер и кулак наш не слаб!

К тебе наши грозные танки пойдут,
Гудя, самолеты к тебе полетят,
Отважные всадники пустятся вскачь,—
Врагам отомстят, а тебя защитят.

Погибнуть в плену мы тебе не дадим.
Крепись — и свободу желанную жди!
Ты косы цветами украсишь опять,—
Мы встретимся с нашей Татьяною,— жди!

ТАЕТ СНЕГ

Солнце сыплет пригоршни огня,
Тает снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалика.

Проплывает белая гряда,
Разбиваясь в голубой волне.
У подножий прилегли стада,
Прядают газели в вышине.

На ветвях — зеленые чалмы,
На стеблях — цветистые глаза.
Скоро, скоро, сбросив плен зимы,
Запоеет любовная гроза.

Ветерок, над пашней потянув,
Пробуждает воинов полей,
Приложив к алмазной флейте клюв,
Их в поля сзывает соловей.

Флейта будит мужество в груди:
«Хочешь ты, чтоб милый победил,—
Гневным плугом землю борозди!
Ты нежна, но руки полны сил.

Помни, мать, чей сын ушел туда,
Помни, девушка моей страны:
Коль иссякнет мужество труда,—
Оскудеет мужество войны.

Каждый грозно вскинутый кетмень
Нам сулит великий урожай.
Призывай победоносный день,
В ночь расплаты — дьявола ввергай!♦

Слово клятвы облетает круг
Над землей, стряхнувшей зимний сон.
Человек сурово движет плуг.
«Смерть врагу посею!» — шепчет он.

Солнце сыплет пригоршни огня.
Тает снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалека.

О Т В А Ж Н Ы М

Делегатам-фронтовикам

Вестники победы, вам — привет!
Как своих, встречаем вас, друзья.
Жен, невест беспечных больше нет.
Дышит фронтом каждая семья.

Это вы про славные дела
Нам рассказ впервые привезли,
Полные разлуки и тепла,
Нам слова родные привезли.

Вы — в глазах у всех и у меня.
Видим: тает недругов толпа.
Ваша месть с высокого коня
Мечет смерть во вражьих черепа.

Вы в бою не дрогнете. В сердцах
Не угасла дедовская честь.
Есть у вас и крыльев гордый взмах.
И отвага пламенная есть.

Наша встреча светлая близка,
Час победы — верю — недалек.
Каждый взлет родимого клинка
Зажигает на земле цветок.

И чем больше гибнет тех зверей
От руки отважной, боевой,
Чем их больше гибнет, — тем скорей
Стужа смерти сменится весной.

Мы вас ждем. Глаза истомлены,
Ночь разлуки душу обожгла.
Мы вас ждем. Не надо нам луны:
Вашей славой наша ночь светла.

Мы вас ждем, отважные. В саду
Засверкали ветки миндаля.
Сон бежит от девушек. Труду
Раскрывает грудь свою земля.

Мы вас ждем с победой. Этот час
Снимет с сердца бремя всех тревог.
Будет праздник радости у нас,
Будут розы цвести у ваших ног!

О Т О М С Т И

Вчера домой с заката весть пришла
И сердцу, что надеялось и ждало,
Гася надежду, горе принесла.
И мир померк, и в мире тесно стало.

Лишилась сына мать, дитя — отца.
Любимого любимая лишилась.
Отчаяньем растерзаны сердца.
Опора милой жизни сокрушилась.

Израненный, он в плен захвачен был,
Но — даже по локтям веревкой скручен —
Врага, как пулей, каждым словом бил
И на допросе зверски был замучен.

В нем ненависть без края и конца
Жила к врагам. Ничья не властна сила
Была над ней. И сердце храбреца
Рука палачья злобно поразила.

Хоть лютых пыток было снести невмочь,
Он снес, ни стоном честь не опозоря.
И плачет мать теперь и день и ночь,
Потух очаг, и домом правит горе...

Горит в костре неутолимых мук
Замученного юная подруга.
Месты! Только месты! О, выслушай, мой друг!
Лишь в мести исцеленье от недуга!

Так отомсти за них, могучий мой,
За раннее вдовство сестер прекрасных.
За каждого малютку, сиротой
Родящегося, и за всех несчастных.

Мсти, мой бесценный, месть твоя свята,
Как слово клятвы, как огонь молитвы.
И братьев лава грозная густа,
Летящая грозой на поле битвы.

Мсти, мой любимый! Чтоб под мирный кров
Шипящим гадом горе не вползало,
Чтоб само семя племени врагов
Иссохло, чтобы в мире их не стало!

П Е С Н Я

Прославляю тебя, воспеваю,—
Бесконечно ты мне дорога.
На равнине от края до края
В золоченых ларцах жемчуга.

Это хлопок блестит пред тобою.
Озаренный полдненным лучом,
Словно счастье твое золотое,
Словно радость во взоре твоём.

Ты коробочкам хлопка раскрыться
Помогаешь, свой труд полюбя.
Прославляю тебя, мастерица,
Воспеваю, сестрица, тебя.

Вдохновительница урожая,
Ты в поля уходила с зарей.
На работу тебя провожая,
Угасали звезда за звездой.

Мы гордимся тобой, героиня,
Бесконечно твой подвиг велик:
Где когда-то желтела пустыня,
Там теперь серебрится цветник.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Как я люблю тебя, о золотая осени!
Рассветный холодок, росой омытый сад,
Деревья, что глядят в темнеющую просинь,
Их пламенеющий обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжев и неистов
На землю упадет листвы сплошной ковер,
И девочки, собрав охапки ярких листьев,
Перебирают их в причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Я не устану, нет, глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшею корой.

Когда же вновь сверкнут лучи за облаками,
Нахлынет синева и радость вместе с ней,
А небо зашумит широкими крылами
Летающих солнцу вслед веселых голубей.

Как дышится легко... Ни зноя, ни пылинки,
На солнце сушит клен шелка одежд своих.
И капли круглые, дрожащие дождинки,
Переливаются на листьях золотых.

О как они блестят! Как будто ожерелья
Жемчужные в неподвижности своей.
Я не могу сдержать внезапного веселья
И капли не стряхнуть с опущенных ветвей.

Как я люблю свои осенние долины,
Седые вечера и розы поутру,
Деревья, что стоят, как пышные павлины,
И перья пестрые роняют на ветру.

Павлиньих перьев блеск.

Небес открытых просинь.

Нечаянный налет холодных ветерков...
Как я люблю тебя, о золотая осень,
Задумчивости дни, мгновения стихов!

МОЕ ДИТЯ

Ну как же мне его не ласкать,
Как не шептать:

— Мой светик, я тут...—

Слова любви текут с языка,
И, как от меда, сладко во рту.

Малыш мой, радость, солнце семьи,
Взошедшее на небо из тьмы!
Едва откроешь глазки свои,
Вокруг тебя вращаемся мы.

Смех, лепет, шум ребячьей возни —
Все в душу проливает восторг:
На вечной ниве жизни возник
Еще один бесценный росток!

Защитой от вражды и от лжи
Дитя в моих объятьях лежит...
Вот этих щек, ручонок, волос,
Что может быть прекрасней, скажи?

Дитя мое, никто никогда
Не сможет мне тебя заменить,
Тобой я, как наградой, горда,
Твой голос в моем сердце звенит.

Глазенки твои черные, но
Их взглядом светлый мир сотворен.

НА ВСТРЕЧУ

Потупившись, идет по пыльному Ташкенту
Средь праздничной толпы суровая вдова...
Старушка на букет повязывает ленту,
И пахнет розами густая синева.

Знамена алыми струятся парусами,
Колышется людской взволнованный прибой,
И арбы, крытые пунцовыми коврами,
И гулкие авто спешат наперебой.

К вокзалу все спешат, пылая нетерпеньем,
И плача, и смеясь, и вороша цветы...
Вдова глядит им вслед. И горестным смятеньем
Искажены ее спокойные черты.

И входит в дом она, где в теплых бликах солнца
Глазами строгими глядит навстречу ей
Большой портрет того, кто с битвы не вернется
И не осветит дом улыбкою своей.

Облита холодом внезапного страданья,
Как будто на портрет взглянула в первый раз,
Стоит она без сил и словно без дыханья,
И слезы крупные текут из черных глаз.

— Они идут встречать... Чтоб встретиться с тобою.
Весь мир бы я прошла послушною стопой,
Я жизнь бы отдала счастливую рукою
За краткий миг один свидания с тобой!

О как цветы цветут! Все горести и беды,
Разлуки тяжкий мрак, давивший столько лет,—
Сгорели, сгнули в сиянии победы,
И воинов своих встречает наш Ташкент.

Они шагали в бой плечом к плечу с тобою,
Делили хлеб и соль, атаку и привал,
Они тебя, родной, засыпали землю,
Освободив село, где ты в сраженье пал.

Встречает их народ. А я, согнувши плечи,
Потухшие глаза от светлых прячу звезд,
Одна стою... Цветы и те цветут для встречи,
И даже птицы к ним летят из тихих звезд.

Решимостью полна, в цветник она вбегает,
Хозяйкою идет по пояс меж цветов
И розы яркие по цвету подбирает,
Стряхнувши капли рос с румяных лепестков.

На площади толпа шумит веселым ливнем —
Подходит эшелон! Подходит он, смотри!..
...И женщина стоит, обняв за плечи сына,
С охапкой красных роз в сиянии зари.

З Е Б О

I

Уж не во сне ли песни птиц звучат?
Откуда эти звонкие рулады?
Не гарь лесов и не сраженья чад,
А запах трав в дыхании прохлады.

И юноша проснулся. Луч дневной
Слепит, улыбкой губы озаряя,
Мать поливает двор, и синевой
Уже оделся день родного края.

Как хорошо глядеть в простор — туда,
Где блещут горы, в ледники одеты.
Бой отгремел, отхлынула беда,
И мирный день летит на крыльях света.

Как много в мире красок и красот,
Как вольно дышит грудь, а даль все шире.
И юноша из комнат в сад идет
И напевает песенку о мире.

II

И на широких молодых плечах
Танцует луч, пробившийся сквозь кроны.
Весь сад цветущий в солнечных лучах,
Наполнен светом каждый лист зеленый.

Разросся сад, он весь в листве густой,
Раскинули деревья лапы веток.

Не их ли он сажал своей рукой?
Теперь они в плодах, как в самоцветах.

Так все светло, все радостно вокруг!
Журчит арык, задорен бег потока.
Вот персики, там сливы, здесь урюк —
Большие налитые чаши сока.

Не наглядеться на дары земли.
Чу! Голоса девичьи за оградой.
Все ближе. Слышно — песню завели,
Гляди — срезают грозди винограда.

Ай девушки!.. Газели, серны гор!
Как в сказках, вы нежны и яснооки.
Волшебная краса чарует взор,
И почему-то запылали щеки...

III

Умолкла песнь. Лишь отзвуки летят,
Лишь эхо проплывает по округе.
Неся в корзинах спелый виноград,
Идут навстречу парню две подруги.

И юноша смутился, оробел,
Он все слова, должно быть, перепутал.
А виноград так сладок, сочен, спел;
А сердце так тревожно почему-то.

Вдруг улыбнулись девушки ему,
Гроздь подарили, но о винограде
Вмиг позабыл он: видно по всему,
На белое лицо, на косы глядя.

Неужто это правда? Ведь пред ним
Стоит Зебо, соседская девчонка!
Газели нежный взор неповторим,
И сердце бьется весело и звонко.

Сейчас он видит лишь ее — Зебо!
Он все забыл, он знает — счастье рядом.
И платье яркое твое, Зебо,
В глазах его сверкает майским садом.

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

И снова ночь ползет едва,
И снова сои нейдет.
От мыслей пухнет голова.
Подушка щеку жжет.

Луна недвижимая — в окне,
Лучи — подобьем струн...
Вздохну и отвернусь к стене.
И там, гляжу, на сюзане
Горят пять пестрых лун.

Давно молчания печать
На лик друзей легла...
Но вдруг я чувствую:

печаль

От сердца отошла.

Как будто жизнь, дохнув теплом,
Тоске сказала «нет».
Смотрю, за голубым стеклом
Наметился рассвет.
И вновь не отвести мне глаз
От блеска бытия.

Душа, ликуй!

Звени, мой саз!

Жизнь, я опять твоя!

О, как сверкают крылья птах!
Как травы пьют росу!
Я ветвь, и в солнечных лучах
Я вновь тянусь, расту...

СИРЕНЬ

Сирень,
                  сегодня в утреннем тумане
Я видела, как легкий ветерок
Своим прохладным шелковым дыханьем
Погладил каждый твой листок.

Ты шевельнулась, дрогнула листвою,
Бутоны превратились вдруг в цветы.
Так что же он сказал тебе такое,
Что расцвела, что засияла ты?

Я знаю, он пришел к тебе с приветом,
Который передал любимый друг.
Ты озарилась радостью и светом
Любви, не знавшей горя и разлук.

Ты замирала и качалась снова,
Ты долго ветерку смотрела вслед...
Когда же мне от друга дорогого
Счастливый ветер принесет привет?

ДВЕ ПОДРУГИ

Розовеет синий край небес,
Всходит солнце на крутые горы,
Хлопка, вновь раскрывшегося, блеск
Затопил широкие просторы.
Раздвигая пышную листву,
По волнам зеленого прибоя
Девушки не ходят, а плывут,
Соревнуются между собою.

Хороша красавица Гульшан,
Сдержанна она и молчалива,
А подруга, бойкая Айша,
Своевольна, как поток, шумлива,
И порой остра на язычок...
Хоть подруги меж собой не схожи,—
Так они близки, что волосок
Между ними проскользнуть не может.

И прилежно трудятся они,
Хлопка хлопья белые собирая.
Поле все покрылось в эти дни
Белизной от края и до края.
А над ними — алый небосклон,
Пробужденья голос соловьиный,
И коробочек чуть слышный звон,
И далекий шелест тополиный.

Выпрямив высокий, стройный стан,
Засучивши рукава по локоть,

Говорит Айша: «Смотри, Гульшан,
Как сегодня в поле много хлопка.
В дни войны с зари и до зари
Хлопок собирали мы да дети,
А теперь — на поле посмотри!
И джигиты за колхоз в ответе...»

В отдаленье тополей листва,
Как узор тончайший, серебрится...
Хлопка вороха подняв едва,
Двинулись к хирману мастерицы.
А хирман — все выше, все белей,
Словно снежная гора сияет.
На вершине, в пламени лучей,
В час полудня солнце отдыхает.

Зазвучавши где-то за горой,
Песня огласила поднебесье,
И, от солнца заслонясь рукой,
Девушка заслушалась той песни.
На подругу глянула Айша:
«Как поет! Как звонко и высоко!
И в труде — широкая душа,
И на фронте смелым был, как сокол,
Наш Камиль».

«Нет... это Туляган», —
Торопливо молвила Гульшан.
«Эй, подружка! Что любовь скрываешь?
Стуком выдают ее сердца...
Как же это ты не отличаешь
Голоса известного певца?
То Камиль поет, тебя любя,
Разум отнимая у тебя».

За работой спорой минул день,
За сердечным этим разговором;
Сумерки окутывают горы,
Как джиды причудливая тень.
Днем удачным табельщик доволен:
Полновесен хлопок, труд высок.
Девушки идут тропинкой с поля;
С гор летит навстречу ветерок.
Под луною в ручейке лучатся
Струи света сквозь просвет теней.
Девушкам луна желает счастья,
Доброй ночи и веселых дней.

.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ДОРОГА

Они идут пустыней впятером ;
Длинна дорога, и тяжел их путь.
Песок на их губах, песок кругом.
Жара кругом. Ни сесть, ни отдохнуть.

Пять человек идут, и никому
Не видно ни жилища, ни следа,
Лишь где-то вдалеке блестит Аму,
То, может быть, мираж, а не вода.

Был труден путь их.

Был их путь далек,
Вздымался к небесам песчаный шквал,
И люди молча падали в песок,
И с головой песок их засыпал.

Пред ними было восемь дней пути,
И ветер злился и песком шуршал:
«В мои владенья кто посмел прийти?
Кто разрешил им, кто им право дал?»

И люди отвечали: «Эй, пусти!
Пусти, пустыня, нас и не пугай!
Да, мы осмелились сюда прийти,
Чтоб оживить бесплодный этот край.

Что говорить, пустыня, ты сильна,
Но мы тебя сильнее: мы — народ!
Мы знаем, будешь ты удивлена,
Когда здесь первый паровоз пройдет».

В пустыне снова тишина и зной,
И людям снова по жаре идти.
За ними вежи линией прямой
Рисуют трассу нового пути.

Здесь ничего покуда не растет,
Покуда только солнце землю жжет.
Пока кругом ни тени, ни воды.

Но через год пустыня зацветет —
Отсюда только в трех часах езды
Прекрасный город будет через год.

Нет, не напрасно по пескам одни
Шли эти люди, обжигая грудь.
По вехам, что поставили они,
Строители продолжают новый путь.

И скоро в этом выжженном краю
Прорежет воздух поездной гудок.
И здесь пройдет одна из тех дорог,
Что в коммунизм ведут страну мою.

НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег,
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье — друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
«На мои ты плечи обопрись»,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: «Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!»

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род!
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
«Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!»

**ЗЕРКАЛО ПРОЗРАЧНЫХ
РОДНИКОВ**

НЕВЕСТА

Пейте, гости!
Ешьте что угодно.
Разве мало плова и вина!
Свадьба в нашем кишлаке сегодня.
Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси
Смотрит на невесту, чуть дыша,
Как блестит на тюбетейке бисер,
Как невеста нынче хороша!
Девушка и смущена, и рада,
С плеч спадают две косы тугих.
Смотрят гости, не отводят взгляда.
Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,
Может, в третий иль четвертый раз,
Отражались в налитых пиалах
Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,
Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..
И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,

Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая,—
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастью быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья...
Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

МОТЫЛЕК

Девочка Хулькар, в пахучем
Я расту саду.
С мотыльком быстролетучим
Разговор веду:

«Высоко летишь иль низко —
Трудный путь далек.
На минуту опустишься-ка,
Милый мотылек.

Мы в саду тревог не знаем,
Весело живем,
И стихи мы сочиняем
Вместе с соловьем.

Видишь розу в белом платье?
Что, хорош наряд?
В красном праздничном халате
Ждет тебя гранат.

Удивительно душисты
Ирис и джида,
Так со мною подружись ты,
Прилети сюда!»

Мотылек слетел впервые
К девочке Хулькар,
И ему цветы живые
Принесла я в дар.

Я стихи ему читала
В шутку и всерьез,
Я гнездо ему сплетала
Из красивых роз.

«Этот сад,— сказал он,— чудо!
Здесь я жить хочу!
Никуда теперь отсюда
Я не улечу!»

...Солнце гаснет на закате,
Все деревья спят,
В красном праздничном халате
Задремал гранат.

Я сказала: «Ты бы лучше
До утра прилег.
До свиданья, друг летучий,
Милый мотылек!»

НА МОСТУ

В прохладный вечер на мосту
Блестят глаза двоих,
Обходит месяц высоту,
Оберегая их.

Раздвинул месяц облака,
Потупил ясный взор
И слушает издалика
Чуть слышный разговор.

«Хоть верь, подруга, хоть не верь,—
Так юноша твердит,—
Но для меня весь мир теперь
В тебе единой слит».

Он ждет ответа. Но в ответ
Струится тишина.
А девушка — ни да, ни нет
Не говорит она.

«Боишься ты моей любви?
Кто огорчил тебя?
Скрывать огонь в своей крови,
Кто научил тебя?»

Он ждет ответа. И звезда
В ручье отражена.
А девушка — ни нет, ни да
Не говорит она.

«Скажи, что любишь, мой цветок.
А если слова нет,
Пускай хоть милый твой глазок
Слегка мигнет в ответ!»

И месяц в облаке блестит,
Как в серебре алмаз.
Но тихо девушка стоит,
Не поднимая глаз.

Но вот взглянула. И очей
Уже не отвела.
Румяной красотой своей,
Как роза, расцвела.

И виноградная лоза
Склонилась у волны.
И яркой юности глаза
В ручье отражены.

В ПОЛЕ

Ранняя осень пахнула дыханьем тревоги,
Листья хлопчатника съежились, словно от боли,
Туча приблизилась, пыль поднялась на дороге...

В поле, друзья!
Дорогие товарищи, в поле!

Сборщики хлопка, хоть солнце еще за горами,
Двинулись в поле в холодной предутренней рани.
Поле зелеными, влажными плещет волнами,
Стан полевой — словно парус в зеленом тумане.
Хлопок, уже не вмещааясь в коробочек гнезда,
Белым своим рукавом машет нам издалека.

В поле друзья!
Собирайте пушистые звезды,
Белые звезды бесценного нашего хлопка!..

Вон Турсуной, председатель, стоит у навеса,
Вон Мухаббат фартук свой волокном наполняет,
Дни на учете, минута — и та полновесна.
Каждая сборщица это сейчас понимает.

В хлопке созревшем — ее годовая работа,
Тайные думы, надежды ее и отрада,
Звон кетменя, и жемчужины летнего пота,
И всенародная радость высокой награды.

Вырастить хлопок она обещала весной,
Клятва стране повседневно ее окрыляла.
Надо воды — и сама становилась волною,
Надо тепла — и сама, словно солнце, пылала.

Золотом белым, мелькающим перед глазами,—
Хлопком — рассыпано в поле обильное счастье!
День упusti — и, быть может, дождями, снегами
Хлопок погубит осеннее злое ненастье.

Нет, не дадим и пушинки одной непогоде,
И паутинки одной не оставим на поле!
Слава упорству, живущему в нашем народе,
Слава труду вдохновенному, творческой воле!..
Вон Махриба и Зухра, осторожно ступая,
Хлопок несут, словно роз белоснежных корзины,
Хлопок к хирману несут. И заря золотая
Им освещает тропу средь зеленой равнины.

СОЛОВЕЙ

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьиная льется газель.

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне несмелой моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шутивно друзья соловьем
Называют счастливца поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И плывет в лепестковую эту метель
Соловьиная наша газель.

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Сегодня на рассвете птицы пели,
Благоухали вешние цветы,
И на меня глаза твои смотрели —
Передо мной опять возникла ты.

Заря блеснула на сердечках почек,
Поднявшись над расцветшею землей.
Далекий путь зари из мрака ночи
Мне почему-то путь напомнил твой.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла.
В те времена всходило солнце поздно
И не давало света и тепла.

Но солнца свет проник в твою лачугу,
Придя из-за далеких гор и рек.
Тебе сказала Родина, как другу:
«Ты человек — живи, как человек!»

И ты впервые ощутила лето,
Свод неба ощутила голубой,
Глаза твои, отвыкшие от света,
Вдруг увидали мир перед собой.

И это было юности началом,
Началом жизни и путей больших.
В те дни заря впервые засверкала
Румянцем ярким на щеках твоих.

И ты вдохнула ветры полевые,
Ты в мир вошла, прекрасный и большой.
Он тоже увидел тебя впервые
Такой свободной, сильной, молодой.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного Пути.
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.

Твоею красотой торговали,
Тюрьмою были отчуждены края;
Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

Ты не жила, ты мучилась веками.
Но вот исчезла над тобою мгла,
И сильными, свободными руками
Ты горячо всю землю обняла.

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших.
Ты смотришь ввысь и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

В науке и труде ты неустанна,
Ты говоришь о жизни, о мирах.
Ты все законы библий и коранов
Наукой жизни обращаешь в прах.

Твоя судьба безбрежна, словно море;
Чисты твои стремленья и дела.
И пусть в пути с тобой встречалось горе —
Пряма твоя дорога и светла.

Война тебя не смяла, не сломила.
Когда она пришла в огне, в дыму,
Ты мужа в путь-дорогу проводила,
«С победою вернись!» — сказав ему.

Пусть волосы твои украсил иней
Немного раньше срока. Ничего!
Ты молода, и в сердце не остынет
Огонь большого чувства твоего.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, излучая свет сама.

И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван*.

И свет доходит к ней сквозь мрак
проклятый,
Неся частицу твоего тепла.
И ждет его она, как ты когда-то
Во мраке ночи этот свет ждала.

---

* Ч а ч в а н — сетка из конских волос, закрывающая лицо.

НА ОЗЕРЕ

На озере кто из вас не был?
Спешите сюда!
Вода здесь, как небо...

А небо

Синей, чем вода.

Дыхание свежей прохлады,
Касанье ветвей...
Вы видели озеро?

Надо

Увидеть скорей!

Здесь лодки — в упругом движенье.
И водная гладь
Качает кустов отраженье
Опять и опять.

И солнце, начав на рассвете
Свой путь голубой,
Помедлит над зеркалом этим,
Любуясь собой.

Раскинулась праздником ярким
Природа вокруг,
Приняв драгоценный подарок
Из дружеских рук.

Вздымаются весла проворно,
Играет волна

На озере том рукотворном,
Прозрачном до дна...

Раздолье тут песням счастливым.
И, слушая их,
Притихли плакучие ивы,
И берег притих...

Утешено жадное зренье...
Как это — в тиши,
Рождается стихотворенье
В глубине души.

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Поднялась луна из-за горы,
Берег озарив мало-помалу.
Посреди причудливой игры
В зеркало реки
луна упала.

И очнулась я, пробуждена
Речкой, ветерком,
иной ли силой?..
Встречу с ним напомнила луна,
Душу мне волнение стеснило.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Лучей дневных последний взмах,
И стих курортный гул.
На низких южных небесах
Свет первых звезд блеснул.

В туман закуталась река,
Зубцы вершин и скал...
Но — миг... И бор издалека,
Белея, засверкал.

Туманы тихо разошлись,
Открылся небосвод,
И сосны-свечи смотрят ввысь,
Где лунный лик плывет...

Все спит вокруг... Но в этом сне
Жизнь все-таки слышна,
Она в сторожкой тишине,
В листве затаена.

Слагают жизни тайный гимн
Деревья, присмирив.
Уснули птицы. Снится им
Предутренний напев.

Смотрю с балкона, с высоты
На узкий лунный путь.

Трепещут иглы и листы,
Река блестит, как ртуть.

Луна бросает на меня
Серебряную нить.
Да, эта ночь сиянью дня
Не хочет уступить!

ЛУКАВООКАЯ

Она беспечно нежилась в волнах,
Как вдруг кольцо скользнуло в глубь потока.
Смятенье мыслей — вихрем, боль и страх:
Несчастье грозит лукавоокой.

И — рыбьим холодом сковало стан,
Взор ищет дна, глаза полны слезами.
Подарок мужа! Счастья талисман!
Сулил любовь, блестя на перстне, камень.

Вот баловню судьбы какой урок!
Удача — прочь причудою шальнойю.
Упустит ведь... Смотрите — кто б помог,
Ужель любви погибнуть под волною?

А над кольцом потоки волн со дна
Вздывают камни выплеском игривым,
И женщина следит, пригвождена:
Блестящий камень...

кольчатым извивом,

Улиткою — ползет, манит на дно.
И женщина — в поток, послушна зову.
Пускай кольцо теченьем снесено,
Она за ним на полюс плыть готова.

А белый палец след кольца хранит,
Пронзает сердце болью отупелой.

Поток грохочет, алчной злобой взмыт,
Ударами как будто крошит тело.

Врезая цепи волн, она плывет,
Преследует, преследует потерю...

А дома — муж. Он дням теряет счет.
Он ждет лукавооую. Он верит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нагрелся воздух. Марево. Жара.
Под знойным небом развернулось поле.
Хлопчатник жадно пьет лучи с утра.
Растут кусты, тепла набравшись вволю.

А мы в тени. Под ветки, в холодок,
Заходит председатель на мгновенье.
Хоть у него достаточно тревог,
Но все же он в хорошем настроенье.

— Сегодня снова нормы превзошли
И сдали государству добрый кокон... —
Поднялся, что-то углядев вдали:
— Обед не запоздал бы ненароком!

Заботлив наш раис, — сказал сосед, —
Все в хлопотах, дай бог ему здоровья!
Чуть что не так: работа ли, обед —
Он с помощью, с советом наготове.

В сторонку председатель отошел,
Глядит на поле: каждый кустик дорог!
А я смотрю вокруг: лучи — как шелк, —
На небе облака — что хлопка ворох.

Раис уходит по дороге вниз,
И марево над ним струится зыбко...
— О всех печется добрый наш раис, —
Мой собеседник продолжал с улыбкой.

— Есть девушка у нас. Быстра, умна.
Доярка знаменитая в округе.
Стать доктором задумала она,
Учиться хочет, исцелять недуги.

Кто может нынче юным помешать?!
Цветут как розы средь большого сада.
А перед этой выросла преграда:
Не хочет слышать об учебе мать!

Как видно, правду говорит народ:
«Боль не пройдет, пока не лопнет чирей».
Не сразу созревает каждый плод,
Остались пережитки в нашем мире.

Старуха дочку мучает любя:
«Что ты придумала, скажи на милость!
Нет, птичка! В город не пущу тебя!
Живи со мною! Хватит, поучилась!»

А дочка слезы льет и день, и ночь,
В доме у них нехорошо и шумно.
Беда!.. Но девушке взялся помочь
Раис, наш председатель многодумный.

Да нет, он применять не вздумал власть,
Нет, он старуху убеждал с любовью,
С терпением. И старая сдалась:
«Пусть едет!» Но поставила условие:

«Пусть учится. Так, верно, суждено.
Но не пущу девчонку в одиночку.
Умрямицу отправишь в город, но...
Отправишь двух, раис: меня и дочку».

Что делать?

Согласился наш раис.

Он приложил немалые усилия,
И мать и дочка в город подались,
Неразделимы, словно птичьи крылья.

Студентка в общежитии живет,
А мать вахтером служит в общежитье.
Да все ж в колхоз вернулась через год:
Не городская, сами посудите!

Мать разрешила дочери: «Учись!»,
Однако беспокоится немного.
Глядите, к ней направился раис:
Потолковать, унять ее тревогу...

Чтоб совладала со своей тоской,
Не помешала б счастью дитяти...
...Теперь вы сами видите, какой
Большой души раис, наш председатель!

ЖЕНЩИНА В ПАРАНДЖЕ

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загара меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательно вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле.

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? Погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди!

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековый,
На тебе не просто ведь чачван,
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

ВОЗЛЕ ФОНТАНА

Над вершинами деревьев — луна,
Свет всех лампочек затмила она.
И бессонны двух влюбленных сердца —
Тишина их стуком оглушена.

И клокочет, и вскипает фонтан,
Жемчуга в траву роняет фонтан,
Украшает он весельем воды
Миг счастливый, что двоим нынче дан.

Вот луна погасла.

Вспыхнул рассвет.

Скрылись двое,

ни души в парке нет.

Пусть же радость этой чистой любви
Освещает их судьбу много лет!

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой,
Хвои намокшей глотаю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные жители тени —
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь среди мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум!

Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦАМ

Победительницы, девушки мои,
Героические девушки, — привет!
Вдохновительницы, девушки мои,
Счастлив вашею победою поэт.

Пусть простят герои-юноши мне вновь,
Что о вас мои стихи и в этот раз.
Что же делать, если вы — моя любовь,
Если песни сами пишутся для вас?

Я тропинками стихов, пропетых вам,
Всю республику могла бы обойти,
Всем колхозам, кишлакам и городам
Розы красные сегодня поднести.

Поздравляю, хлопкоробы-мастера,
Победительницы хлопковых полей:
К солнцу высится алмазная гора —
Хлопок солнечной республики моей!

Эту гору мы поднимем на руках,
И ее мы поднесем отчизне в дар.
Вот — сокровище, возвращенное в полях,
Крепость мира, по его врагам удар.

Строки рапорта спокойны и просты,
В них взволнованно увидела я вдруг
Образ вашей благородной красоты,
Вдохновенье и проворство ваших рук.

Вы сумели степи трактором поднять, —
В Мирзачуле вы прошли по целине,
Знали вы, что хлопок весь с полей собрать, —
Это значит объявить войну войне.

О красавицы республики моей,
Героини неустанного труда,
О любимицы отцов и матерей,
Пусть украсит Золотая вас Звезда!

И сверкает хлопка белого гора!
От земли и до небесной вышины.
Это — щит наш, хлопкоробы-мастера
Охраняющий отчизну от войны.

МАТЬ

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля,
В колыбели ребенок — как облачко белое! —
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпением ее ожидали здесь,
И как нежно ребенка она обняла!..
Материнская грудь пахла горною мятою,
Словно летнее солнце, горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный,
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И, как ветер, уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..
Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые,
О, трудом заработанный час тишины!
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде.
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель
хлопчатника,
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца,
А душе материнской покой не знаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы
Этот мальчик впитает с ее молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —
Видит этот колхоз в красоте, в изобилии,
Видит сына хозяином новых полей.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды кремлевские
Незакатные звезды горят в вышине.

ВЕСНА

Небо ярко-голубое,
Тучки не увидишь в нем.
Вся земля передо мною
Расцветает с каждым днем.

Роща зеленеет снова,
Сад зеленый яснолик.
От тюльпанов степь пунцова,
И не степь она — цветник.

И фиалка молодая,
Расцветая в тишине,
Звонких соловьев скликая,
Говорит им о весне.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льется песня соловья.

Заглянуло солнце в горы,
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отрадный труд.

Над землей весны дыханье,
Выйти в поле — самый срок.
На поля идут дехкане,
Их ласкает ветерок.

Черноглазы и румяны
Девушки среди степей,
Словно нежные тюльпаны,
Сердце радуют людей.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Дышат утренней порою
Сотни, тысячи цветов.
Расцветает все живое,
Нет для чувства берегов.

Видя весь расцвет природы,
Все цветы и все цвета,
Просиял белобородый
Уважаемый ата.

Блещет небо голубое,
Блещет степь. Простор широк.
В час весны прекрасней вдвое
Счастья нашего цветок.

Ч А Б А Н

Прослушавши обыденное чудо —
«Последние известья» из Москвы,
Чабан Наркул, большой, широкогрудый,
Из юрты вышел в царство синевы.

Как хороша весна степного края!
Растаял снег не только на бугре,
То тут, то там проталина парная
Темнеет, словно чернь на серебре.

Запели чабаны, звенят дутары,
Все ярче первых всходов изумруд,
И, песней опьяненные, отары
К нему, как волны серые, текут.

На степь родную в блеске первозданном
Глядит Наркул; он сердцем к ней прирос.
Как звездам — нет числа его баранам,
Которых поручил ему колхоз.

Он рад, чабан — близка весны отрада.
Он рад, чабан, что в жилах кровь бурлит,
Что грузный ход породистого стада
Миры великих радостей сулит.

Отстав от маток, ранние ягнята
По пастбищу забавно семят...
Где в мире край, что ценит труд так свято?
Кто в мире так каракулем богат?

Он рад, чабан,— на благо всей Отчизне
Растут его колхозные стада.
Он рад, чабан, он рад счастливой жизни —
Достойному венцу его труда.

Есть у него подружка в комсомоле:
Любимая любимому под стать
На хлопковом необозримом поле...
Страна растит их, как родная мать.

Идет весна — пора любви и славы,
Прекрасна жизнь, и ясен небосвод.
На свежие нетоптанные травы
Чабан отары тучные ведет.

ДЕВУШКА-ЗООТЕХНИК

Нет конца джайлау*, нет начала,
Как протяжной песенке степной...
Сердце у джигита застучало:
Топот он услышал за спиной.

Знал он: это прискакала снова
Гостья — зоотехник Ойджамал;
Тоже дочка чабана простого —
Ей колхоз образование дал.

Любит Ойджамал карабаира**
И лавины племенных отар,
Трудится для родины и мира,
Отдавая делу сердца жар.

Молодой чабан был сух и краток
(Только очи черные горят):
«Думаю от каждой сотни маток
Получить сто тридцать пять ягнят».

Верит зоотехник: быть победе!
Есть у парня опыт, мастерство —
И глаза... Глаза его в беседе
Были убедительней всего!

* Дж а й л а у — горное пастбище.

** К а р а б а и р — порода лошади.

Девушка учила, чуть краснея:
«Овцематок надо поберечь.
С каждым днем их бремя тяжелее,
Не гоняй их, кормом обеспечить».

И, баранов глядя без опаски,
На ходу дала приказ она:
«Выделить им лучшие участки,
Где вода чиста, трава сочна!»

«Рад повиноваться, дорогая»,—
Мысленно чабан ей отвечал,
Молча и почтительно шагая
Позади ученой Ойджамал.

Отбыл зоотехник...
Но, пожалуй,
Ей чабан успел шепнуть тайком:
«Чтобы каждый день ты приезжала,
Запружу всю степь молодняком!»

С Н Е Г

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду,
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы,
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля,
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сновиденьях птиц.
Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока.
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
«Где близкие мои в потоке многолюдном?»
И солнце ласково сказало мне в ответ:

«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда проснулось,
Вот близкие твои, товарищи твои!»

И мне представилось:

там, на подъемном кране,
Туркменка трудится, и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане —
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!

И мне представилось: там, на реке в Сибири,
Электростанцию возводят мастера,

Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины!

Как ни был бы далек:
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей!
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных:
Они живут во мне.

И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.

С НОВЫМ ГОДОМ!

В эту ночь не слипаются глаз твоих щелки,
Золотит твое личико звездочка елки,
А сердечко твое бьется громче, сильнее,
Радость жизни моей, гордость жизни моей!

В потолок упирается елка макушкой
И тебе улыбается каждой игрушкой,
С каждой ветки подмигивает огоньком,
А ведь дед твой был в детстве лишь
с горем знаком...

Новый год наступает, и новое счастье
Переполнит сердечко, раскрытое настежь.
Столько благ для тебя Новый год приберег,
Что в охапку тебе не схватить их, дружок.
Пусть сияет на радость узбекским ребятам
Елка русского леса в уборе богатом,
В блеске лампочек, что зажжены Ильичем.
Так давай же друзей мы твоих созовем!
Если дом не вместит — мое сердце вместит их.
Отразись в их глазенках, восторгом омытых.
И в напевах, бесхитростно сложенных мной,
Отзовись самой юной и звонкой струной!

Бьют часы... Веселись, распевая с друзьями.
Дай-ка я поцелую твой лобик упрямый,
Белый, словно над хлопковым полем рассвет...
С Новым годом, дитя, мой последний расцвет!

МАРТОВСКИМ УТРОМ

Румяная, над снежными горами
Заря восходит, разгоняя тень.
Весенним утром с первыми лучами
Моя столица начинает день.

На тротуарах лужи просыхают,
Отсвечивая блеском золотым.
И спутница меня перегоняет:
Спешит она к ученикам своим.

Профессор — дочь узбекского народа,—
Она открыла тайны древних гор,
Глаза предвидят час восхода,
И глубь земли ее пронзает взор.

Она годами горы изучала,
Вершины, перевалы обошла.
И редкие сокровища металла
Она, досель сокрытые, нашла.

Она спешит, чтоб передать студентам
Секрет своих открытий и побед.
И ветер странствий солнечным Ташкентом
Летит по улице за нею вслед.

Румяная, над снежными горами
Заря взошла и разогнала тень.
Профессор смуглый с первыми лучами
Свой многотрудный начинает день.

ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидел аксакала.

Работа спорилась у старика
В руках, что были крепче твердой стали,
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года.
Не сгорбили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая...
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?»—
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
«Жизнь — это свет, и счастье, и свобода.
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!»

С В Е Т

Уходя, сказала мать седая:
«Дочка, спи!» — и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и цвет.
Разве не со мною мир широкий.
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?
Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.
Нас, детей, учила ты: «От века
Не было подобных Ильичу!»
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.
В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...
Грозные прошли десятилетия,—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.
Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собранье та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засияла, будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджун* — ее пожитки,
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон.
Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.

---

* Х у р д ж у н — переметная сума из ковровой материи.

Наверно, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря —
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

ТЕПЛОТА

БЕССМЕРТНАЯ МОЯ...

Мама, слышу издалека
Голос твой...
    Но сама ты — где?
Сквозь какие идешь века?
Держишь путь
    по какой звезде?

Открываешь какую дверь,
Чтоб взглянуть на дела детей?
Человечество, ты теперь
Так из космоса
    ждешь вестей.

Степь,
    гора,
        пещерный очаг...
Где ж впервые
        в заветный миг,
Возвестив начало начал,
Детский крик в тишине возник?

Но мгновений тех давних жар
И в мою проникает кровь.
Материнство дано мне в дар,
Драгоценнее нет даров!

Своему я долгу верна,
Гордый дух во мне несломим:

Я со смертью
                                во все времена
Спору всем существом своим.

Что есть тело мое?—
                                Сосуд,
Жизнью налитый по края:
Хворых руки мои спасут,
Несчастливых утешу я.

Двуедина — и мать, и дочь,—
В год любой и любом краю,
На пороге встречая ночь,
Колыбельную я пою:

«О мать моя — мое дитя,
Белы и розовы сады...
Тебя так рада видеть я
В расцвете сил и красоты.
Твой жребий тяжек и высок:
Я повитухой послужу...
Потом к созвездию Весов
Две колыбели привяжу.
В одной
                                младенец твой уснет,
В другую
                                ляжешь ты сама.

Пусть будут сладкими, как мед,
Тягучие минуты сна!
О, разреши себе прилечь,
Давно утих полдневный зной.
Пусть снимет с этих нежных плеч
Свои заботы
                                шар земной!
Мне время отдано во власть,

Я — ребенок,
твоих колен
Невесомый и сладкий груз.

Вновь бессмертье в полете лет
Мне является наяву.
Ту тропу, что хранит твой след,
Гордо Родиной я зову.

Ты — и берег, и бег воды,
Тьма и луч, победивший тьму.
Мудрость в сердце моем буди,
Тайны жизни диктуй уму.

Коль утерян знак или слог
В тексте памятном,
ничего!

Я, просеяв всю пыль дорог
Сквозь ресницы, найду его.

Если ж горести черных дней
Скроешь ты, жалея меня,
Быль дополню болью своей,
Чтобы правде не изменять.

Только мне хватило бы сил,
Разрешил отпущенный срок
Все, что разум мой воскресил,
Отчеканить в металле строк.

Твой покой нарушать
грешно:

Я вопросов не задаю.
Вот перо.

Воспоет оно
И дела, и душу твою.

СТИХИ О ТАДЖИКИСТАНЕ

I

На крыльях ветерка, с приветами, с цветами
Узбекистанскими, в Таджикистан к друзьям
Спешу, спешу... И наконец я с вами,
Вершины гор, что встали к облакам.

Меня сама заря встречала у вагона,
На пиках снежных гор рубинами горя;
На город засмотрелась я влюбленно,
Он молод был и светел, как заря.

О город юности, отваги и дерзанья,
Живой, как со скалы сбегающий поток!
На величавые твои люблюсь зданья,
На ровные лучи твоих дорог,

На желто-розовый прозрачный пламень сада,
Где ранней осени атласная пора...
Старик, укрывши корни винограда,
Мне рассказал, как тут жилось вчера.

Разгладив бороду белей снегов Памира,
Гордясь своим трудом и радуясь судьбе,
Садовник рассказал мне красочней шаира*,
Как городом стал старый Душанбе.

«Что было раньше здесь? Развалин
древних глина,

---

* Шаир — народный поэт.

Безрадостная пыль, нещадный солнцепек,
На улочках верблюдов казался исполином,
Но осенью и он тонул в грязи дорог.

Что мы видали здесь? Нужду и скорбь видали,
Бред лихорадочный, трахому и цингу;
Три деревца на площади торчали,
Но тень от них была всего с таньгу*.

Садовник поднял взгляд на город, озаренный
Сиянием земных, людьми зажженных звезд,
На тополей пирамидальных кроны,
Поднявшихся во весь могучий рост.

Своими добрыми и мудрыми руками
Он этот город-сад лелеял и растил.
И город щедрыми чудесными дарами
Садовника сегодня наградил.

II

Песне-страннице на месте не сидится,
Всей ей — путь, движенье, непокой.
Вот она качается, как птица,
Над седою вахшскою волной.

Перед ней громадой величайшей —
Скалы, скалы в синем блеске льдин,
А внизу тюльпаны, словно чаши,
На альпийском бархате долин.

Караван зеленый тополинный
По дороге к городу идет...

---

* Т а н ь г а — мелкая серебряная монета.

В горном сердце, в высоте орлиной
Ручеек серебряный поет.

Песней той на легких крыльях мчатся,
Узнавать следы богатырей,
Созидателя — народа счастье
Здесь, в стране таджиков, — перед ней.

Люди дерзко раскололи гору,
Надвое громаду рассекли.
И открылся радостному взору
Света путь во все края земли.

А в горах среди ледяных алмазов,
На Варзобе, в новом городке,
Девушка, смугла и черноглаза,
Держит силу света в кулачке.

С пульта глаз не сводит чаровница,
Мастерица золотых чудес.
Новый свет по проводам струится
К городу из этой горной ГЭС.

Вот и песня тихо опустилась
К маленькой горянке на плечо,
Отраженным светом засветилась,
Улетела, став сама лучом.

А в сияющей долине Вахша,
В той, что хлопка белого полна,
Мне припомнилась родная наша,
Хлопковая наша Фергана.

Хороша земля Таджикистана,
Мне б певцам завидовать ее,
Если б не краса Узбекистана —
Вдохновенье светлое мое!

III

Над заснеженным пиком Памира
Кумачовый вздымается флаг.
Этот флаг для трудящихся мира,
Для народов — свободы маяк.

И с надеждою братья с Востока
Сквозь снега в непроглядной ночи
Видят, как над горами высоко
Блещут нашего флага лучи.

А под флагом, вся полная света,
Созиданья и песен пора.
Собрались хлопкоробы, поэты —
Замечательных дел мастера.

Тут душою нельзя не согреться,
Доброта и внимательность тут.
И слова, что от самого сердца,
Прямо к сердцу другому идут.

Тут узбекская песня — не гостья,
А любимая с детства сестра.
Как у нас — виноградные гроздья,
Как у нас — здесь природа щедра.

Потому мы друг другом любимы,
Что под солнцем одним рождены,
Что скрепляем трудами своими
Книгу дружбы Советской страны.

IV

И в сумеречный час, когда осенней мглою
Окутаны верхушки тополей,

Я уезжаю, расстаюсь с тобою,
О город дружбы радостной моей.

И сердце полнит сладкое волнение
Внезапных расставаний, новых встреч.
Родной земли огромно притяжение,
И как любовь к ней в сердце не беречь!

Но знаем, нет для песни расстоянья,
Коль зазвонит — услышите, друзья!
И в час, когда придут воспоминанья,
То в Душанбе отправлю песню я.

НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

КОКЧЕТАУ

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна.
Отраженье в воде, как волшебную книгу читаю,
И чудесна ее новизна.

Но и этого мало: поэт с вдохновенною песней
Появился и горную даль предо мной распахнул.
Он сказал: «Ты поверь мне, что станешь моложе,
преlestней,
Если ты поглядишь в Ойнакул».

О Зеркальное озеро, камнем на дно твое лягу,
Затеряюсь я в роще твоих заплывавших берез,
Но возьми меня, властное, дай мне воспеть
твою влагу,
Ту, что мне чародей преподнес.

Смотрят два моих глаза, как два удивленных
джейрана,
На открывшийся мне с высоты беспредельный простор.
То, что виден мне мир далеко-далеко, разве странно?
У весны, у любви зоркий взор!

Все тропинки, как строки стихов, для меня
зазвенели.
О, как сердце бурлит! Нет, оно — не озерная гладь,
Жаждет песни оно от иголки каждой, как ели
Жаждут лапами солнце достать.

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной
хвое?
Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,

Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза — как родник, жаркий взгляд задушевен,
как друг.
Их молчанье — молчанье вулкана, а песня —
как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь иль
русалкам,
Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косого разреза,
В них решимость. Стоит он скалой, что не может
упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной странюю,
Мне бы тоже такую сложить!

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волнение обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умыть лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок небес, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги,
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятьях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье, —
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газели, —
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитах тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесков звенит серебро.
Перья филина, эти султаны, — как сон несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками
платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом.

Слишком грубы слова и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям». А друзья, понимаете
сами, —

Те орлы молодые, которые ждут их всегда.

ВЕЧЕР НА БАЛХАШЕ

День отдыхает, устав от гостей и забот,
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое вместо солнца пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету,
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День подарил меня влаге вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темиртау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо!
С юртой акына сравню я рыбачьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь, будто слово; вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка.

Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,
Скоро с добычей мы будем».
Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зыбко.
«Гостья, добычу бери!» — говорит мне казах.
Что там на удочке? Рыбка!

Но чешуей — серебром древних денег блестя,
Горькой полна укоризны,
Смотрит она так беспомощно, будто грустя
И умоляя о жизни.

Друг мой рыбак, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду,
Рыбку заметишь — так знай: это песня моя,
Дай же ей, рыбке, свободу!

«Ладно, — рыбак говорит. — Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

У Д О Ч К А

Мой Казахстан, ты, волшебством
Взяв удочку, забросил.
Не рыба я. Во мне огнем —
Лучей горящих россыпь.

И я на удочку любви
К тебе сама попалась
И здесь в кипенье чувств творить
Из солнца песню стала.

Распутав леску, соткала
Слова про край чудесный.
Я б в юрту белую вошла,
Чтоб в ней остаться песней...

ЗВЕЗДЫ ВУАДИЛЯ

К нам в Вуадиль приехал гость далекий.
А ночь в речном потоке
Звенит, поет,
Деревья за руки берет
И загораживает путь,
Как будто говорит: «У нас побудь!...»
Покой огромен,
Долог,
И темен-темен
Полог.

Вдруг звезды жаркие зажглись,
И пламя озарило высь,
И каждый листик на земле, и завязь...
Не так ли добрая пылает зависть,
И сердце, где друзей не молкнут голоса,
И гостя старые и умные глаза!

* * *

Наш гость в такую ночь не хочет сна.
Не принял он снотворного.
Его душа потрясена
Могучей красотой края горного
И различает взор,
Что к темноте уже приучен:
По гребням снежных и бесснежных гор,
Из-за ветвей урючин,
Листву чинар тысячелетних

То золотя, то серебра,
Плывет в одеждах легких, летних
Рассветная заря.

Пленила гостя эта прелесть!
Казалось: из-за гор
Внезапно искры разлетелись,
Рассыпался ночной костер,
Долину радует
И каждый дом,
А звезды падают
Дождем, дождем...

* * *

Бродячий ветерок, прохлада ли ночная
Повеяли, благоухая,
Но гость уснул, и спал он, как ребенок.
И вот почувствовал спросонок:
Земля с себя стряхнула сон,
И вместе с ней проснулся он.
Взглянул: по всей долине изумрудной,
Где воздуха струятся переливы,
Идет, сверкая, день работы трудной,
Горячий и счастливый.
А солнце плещется, не в силах уместиться
В сердцах людей.
Загаром кроются приветливые лица
У стариков и у детей.
Он по земле проходит древней,
Что Вуадилем названа.
Как можно Вуадиль считать деревней!
Здесь город, и живет здесь новизна
В своем стремительном сиянье!
Вот бронзовое изваянье:
Деревня на ладонях вознесла

Прославленного сына.
В плоды воплощены его дела,
И вся просторная, зеленая долина
Его благодарит за честные труды,
И на груди его три яркие звезды,
Что гостю звонко говорят,
Его чужую речь осияя:
«То звезды новые горят,
То звезды Вуадиля!»

* * *

Земля здесь трудится давно,
Видны ее трудов приметы вековые.
О, сколько мертвых здесь погребено,
Чтоб для живых работали живые!
И гость, сюда приехавший впервые,
Глядит, а сердце влюблено
В просторы эти полевые,
Где хлеб и слава — два соратника,
Где целый океан хлопчатника!
Старик, седой и смуглый,
Его лепешкой угощает круглой,
А девушки — зеленым чаем.
Глаза их звездами горят. Но мы-то знаем,
Что звезды эти —
Те самые, что на рассвете
Рассыпались над вуадильским краем!

* * *

— Так неужели здесь один колхоз?—
Гость задает вопрос.—
Здесь целый материк,
И он велик!
Хлопчатник — словно море, и оно
Деревьями окружено,
Но где же люди в море-океане!

Когда же здесь работают крестьяне?
— Час отдыха у нас.
Лишь солнце трудится без перерыва,—
Сказал старик неторопливо...

* * *

На полевом колхозном стане
Все больше девушек, парней,
И по полю рассыпались дехкане,
Как множество трепещущих огней.
Подвластна им зеленая долина,
Им подчинилась гордая машина.
Гость дышит полевым пахучим жаром.
На свете он живет давно,
Но солнце потекло сегодня, как вино,
По жилам старым.
И, сбросив тяжесть лет,
За поливальщиком пошел он вслед
И встал над яром.
Вода, не умолкая,
Как девушка, смеялась, озорная.
Казалось, говорит вода:
— Всегда, всегда
Я молода.
Иди за мной: в моем краю
Найдешь ты молодость свою.

* * *

Запомнился вечерний сад,
Где листья песню заводили,
Где вишни встали в ряд
Над гостем — вот они горят,
Как звезды Вуадиля!

Четыре девушки пришли с подарком,
Таким же ярким,
Как их Восток.
Вручают на прощание платок,
Расписан бисером он с четырех сторон.
Гость удивляется, как чуду:
— Повсюду звезды здесь, повсюду:
Украшен ими небосклон,
Они в глазах и на груди
Идущих впереди,
Они в саду, они в ночной реке,
Они на шелковом платке...

* * *

Гость покидает Вуадиль.
Его автомобиль
Покатится по улицам, одетым
Широким лунным светом.
Ночь азиатская вблизи и вдалеке
Зовет, пылает,
Счастливого пути на звездном языке
Ему желает.

Цветы у девушек в руках,
Как звезды в облаках.
Да, звезды здесь повсюду утвердили
Свои лучистые права,
И дружбы светятся слова,
Как звезды Вуадила!

СТРОКИ ПАМЯТИ

Все, что ни сбудется,
Все позабудется:
Свадеб туман, облаков колыбель;
День, когда первенцем сердце любитесь,
Час, когда горечь входит к тебе.
Друга измена,
Мука работы, юные
Годы,
Прошлые годы...

Только вовеки
любовь не состарится
И сохранится с ней рядышком та
Горечь отчаянья:
вечно останется
Смертью оставленная пустота!

Что там ни сбудется,
Но не забудется
Перед рассветом рухнувший дом
И, как вдова, безутешная улица —
В миг этот первый
с горем вдвоем.
Что там ни сбудется,
Что ни исполнится,
Стоит палаток вспомнить ряды,
Снова нам руки братские вспомнятся,
Что удержали
Над бездной беды...

Как я бродила тогда в этом городе
С сердцем разбитым, как эти дома,
В муке молчания, в горестном говоре
Общую боль

испивая до дна!

Гром из-под ног
Голосом рока
Сон наш до срока
Грозно пресек.
Швы разошлись
В мирном убежище,
В грохоте, скрежете
Разом

вчерашняя кончилась жизнь...

Слышу зловещее это гудение
И материнской тревоги слова,
Дрожью ребенка в полуночном бдении
Снова на миг

наполняюсь сама.

Взор мой скитался — бродячее пламя —
Среди обломков, трещин, руин.
Наше былое и наши планы
Словно обрушились в миг один...
Город мой древний, предков наследство,
Ты ль еще это?

Как же забыть нам братскую помощь,
Око прожектора в душную полночь
И экскаваторов добрый гром,
Братские руки, что из развалин
Снова наш город к жизни воззвали
И возвратили

рухнувший кров!..

Вот я, как прежде, брожу в этом городе,
Прямом, как водопад с горы,
Но не встречаю в уличном говоре
И отголоска горькой поры.

Улицам новым — трагедии сверстницам —
Долгая, светлая юность дана.
Окна, как очи влюбленные, светятся —
Это любовь

заселила дома!

...Тою нежданно страшною ночью
Мы увидали,

мнилось,

воочью:

Нашей судьбы закатилась звезда.
Недра взревели, спавшие немо.
Горе, как снег, нас осыпало с неба,
В сердце хозяйкой осела беда.

Но, обезумевшим силам переча,
Родина наша подставила плечи,
Ночь
К нам впустила беду, разоря, —
Дружба в наш город вошла,
Как заря!

...Пусть не случится беды повторенья.
Если же встанет над ясностью дней,
Город мой милый, город мой древний,
Ты устоишь перед ней!
В дружном усилье
Верные руки тебя возводили.
Вложено сердце в дома.
Башни, как песни, летят в поднебесье!
Строки той песни

Я повторяю сама.

Гляну — и солнце слепит мои очи...

А в ароматной ночи,
Город мой милый, город мой отчий,
Окон ловлю я лучи.
Точно жемчужины падают в руку —
И растворяются... — пусть!
Я не дарила ни дочке, ни внуку
Столько светящихся бус.

Братья-строители!

Подвиги ваши

Передо мной наяву:

Точно по Волге,

Днепру

•

или Вахшу

Реками улиц плыву.

То, что подсказано жизнью самою,

Просится в песню мою.

Реки сливаются в мощное море,

Братья — в большую семью.

Тем,

что отстроили радостный город,

Будем гранить без конца

Памятник вечный, памятник гордый —

Памятник в наших сердцах!

МОЙ РАССВЕТ

Спят поля, спокойствие храня,
Хлебом одарив страну родную,
А рассвет, что в сердце у меня,
Гонит прочь из дома тьму ночную.

Утро светит правде и добру,
Звонко утверждая справедливость.
Утро я у ночи отберу,
Чтобы утро на бумаге длилось.

Я заставлю бледную луну
Жаром стихотворным разгореться,
Я в свеченье звездное вдохну
Пламя человеческого сердца.

Прикажу, чтоб утренняя рань
Никогда не ведала ненастья,
Чтобы утро превратилось в ткань,
Ярко излучающую счастье.

То погаснет, то сверкнет роса...
Утро, утро, начинайся с ночи,
Зашумите, строчек голоса,
Наполняя долгий день рабочий!

Вот дитя заплакало... О мать,
Накорми его в тиши рассвета,—
Высоко дано ему летать,
Старая мала ему планета.

Огоньки то близко, то вдали,
В окнах возникают постепенно...
Здравствуй, утро новое земли,
Здравствуй, утро — музыка Вселенной!

Принеси покой иль непокой,
Стань моей тоской или весельем, —
Только не бесплодную строкой,
Только не безжизненным изделием.

СНОВА ЦАРИТ ВЕСНА

Сошли снега, зима почила.
Весна рукою прихотливой
На небе тучки измельчила,
Взяла у ветра вздох счастливый.

Листы раздвинулись, как перлы,
Запели птицы... А прольется
Внезапный жемчуг — дождик первый,—
Никто под крышу не забьется.

Цветы спешат: их тьмы и сонмы
Вбирают теплый воздух дола.
И солнце — мира друг бессонный —
Уносит сумерки из дома.

Горит и светит персик вешний,
Цветок девически румяный,
И гордым жемчугом черешня
Жемчужится под неустанной

Рукой природы. Не забыла
Природа-мать и сердце это:
Пришла, как юность; окрылила
Перо, вернула чувство света...

Весь мир шумит и распевает,
Восторгу нет конца и края...
Весна растенья рассеивает,
Лучи, как руки, простирая...

И вдруг... Как будто враг нагрянул,
Как будто голод... Все пропало!
И мрак настал, и свет отпрянул:
Увы! — все это царство пало!

На всех ветвях цветы завяли;
Деревья в саванах туманных
(И на руках не подержали
Своих детей благоуханных!).

Природа в снег ушла глубоко,
Но все не плачет, все крепится
И просит, молит солнце-бога
За все живое заступиться...

И вот — опять разбила льдины,
Приподняла росток согбенный,
Все капли скорби до единой
Отерла с глаз весны нетленной.

Над умершими не рыдала,
Но уцелевших обогрела,

Зеленым, розовым и алым
Всю землю маревом одела...
И снова мир благоуханен,
И вновь весна парит повсюду...

О труд мой — бог мой! Я дехканин
Пера! Я петь о чести буду!

ДОРОГА В ПОЛЕ

Когда ты, впечатленьями полна,
Легко идешь дорогой полевой,
Твоя душа — степная целина —
Так страстно хочет зашуметь листвою.

На целину, как бы на полотно,
Художник-жизнь кладет такие краски,
Что солнцем все в тебе озарено
И время движется быстрее, чем в сказке.

Вилась дорога раньше среди скал,
Ты шла, пространства прелести не зная,
Внезапно горный прогремел обвал,
И широко открылась даль степная.

В тебе сверкнула утренняя рань,
Вода в твоих каналах заблестала,
Ты вновь легка и молода, как лань,
И вновь пора цветения настала.

Изменчив осенью полей наряд:
То темным, то зеленым был давно ли?
А нынче он как снег. И говорят,
Что поле хлопка это битвы поле.

С природой человек вступает в бой,
И чем сильнее и грознее схватка,
Тем ярче и вольнее мир живой
И дышится нам весело и сладко.

Порою с морем поле мы сравним,
Гиперболу, наверно, допуская,
Но мы глядим: простор необозрим
И ширь степная — словно ширь морская.

Гумно. Хирман. Когда-то здесь гора
Белела — добрый знак рабочей чести.
Теперь ссыпают хлопок в бункера,
Не оставляя ни на миг на месте.

Под каждый бункер (время-то не ждет!)
Автомашина подставляет кузов
И доставляет прямо на завод
Белейший, драгоценнейший из грузов!

...Ступай, дыши прохладой полевой,
Учись, чтобы твой разум не заржавел:
Здесь человек вступил с природой в бой,
Но и себя, и землю он прославил.

Из хлопковых коробочек вокруг
Выглядывает жемчуг — крупный, цельный,
И ты с восторгом постигаешь вдруг,
Что выработка дня равна недельной!

Тогда-то цену познаешь труда,
Задав себе вопрос, ты ждешь ответа:
Всем существом знавала ль ты всегда
Зимы суровость и жестокость лета?

Пусть на родной равнине долог зной,
Пусть холод леденит ее дыханьем,
Мы обладаем чудною казной —
Тем золотом, что дарит нам дехканин!

О Зухраджан, на корабле твоём
На голубом позволь и мне трудиться,
Тебе я буду подражать во всем,
Твоя помощница и ученица.

Увидев брови сросшиеся, пыль
На косах, отливающих каштаном,
Пойму я: открывается, как быль,
Нам красота в сиянии нежданном.

И хлопок, озаренный светом фар,
Тобой зажженных в тихий час заката,
Я соберу, как ты, и вспыхнет дар
В душе, и стану я стихом богата!

О ВАС ПОЮ, ЗЕМЛЯКИ

Опять слова певучие легки,
Просторны нивы, солнцем залитые.
О вас пою, батыры, земляки,
Трудящиеся руки золотые.

Цветами глаз сияет поле лиц,
И белые светящиеся горы
В дали хлопковой снова поднялись,
Как каждый год, как вызов непогоде.

Благословен рабочий пот с чела
И платя холст, темнеющий от пота.
Щедра земля... О, как земля щедра!
Но ведь и руки щедры на работу...

Строка моя, представь себе, рискни
Всю ширь страды поставить пред собою:
Покажется, что взмахами ресниц
Подметено темнеющее поле.

Так безмятежна эта красота,
И осень так полна сама собою,
Как будто и не знала никогда
Труда, страды, подобной гуще боя!

Как пьяный мед, осенний день течет.
Стоят бунты под этим небом добрым.
И хлопка самый маленький клочок
Везде рукой заботливой подобран...

Усталый ветер стынет на лету.
Тяжелый плод сладчайшим полон соком.
Опять тенистой улицей иду,
Как тополиным, медленным проселком.

Встают года завесой пылевой —
Года труда, любви, разлуки, риска...
И город мой средь шири полевой—
Как взрослый сын в объятьях материнских.

И небеса пронзительно тихи,
Когда о вас, степенные сельчане,
Я начинаю новые стихи,
Слова, как сливы, обернув лучами.

Любовь моя поет во мне сама,
Дрожит струна, как сонный сад под ветром.
Дехканской славы гордые слова
Рождаются в моем волнении светлом.

Летит напев дочерней ласки той —
В грядущий гимн короткой строчкой влиться...
И в памяти восходят чередой
Прекрасные и будничные лица.

Не правда ль, все, кому пришлось встречать
Людей земли — знакомясь с их чертами,
Какой-то доброй твердости печать,
Какой-то отсвет в их чертах читали?

Как будто бы они несут в себе
Бессонный свет, спокойный, не спесивый,
Как будто вправду, стоя на земле,
Полны ее неистощимой силой!

Иль от земли невидимо берут
Не только урожай ее осенний,
А большее —

что столько отчих рук,
Все наши предки вкладывали в землю!..

Иль, может быть, разгадка проще тут,
И нам загадку разъясняет эту
Закон страды — свободный, гордый труд,
Упрямый труд от света и до света?..

Конечно же, верней ответ такой!
Ведь той же силы явит нам дыханье,
Такой же свет — рабочий городской,
Твой верный друг, твой кровный брат, дехканин!

Недаром же, в любой и день и час,
Который ты трудом упорным наполнишь,
Свою в твой труд он вкладывает часть,
Всею силою спешит тебе на помощь!

И братством тем простор родимый жив,
Когда, в страду секунды не теряя,
Шеренги всемогущие машин
Оно ведет от края и до края!..

Я мысленно опять иду в поля,
В родные дали вглядываюсь зорко,
Где синевы широкая пола
Теряется за гранью горизонта.

Какая ширь! Какая пестрота!
Какое тут обилье без обмана!
Благодарю, благодарю, страда,
За все богатства нашего хирмана.

И хлопка снег, и золото зерна,
Янтарь лозы и дынные планеты,
Каракуля бегущая волна
И нити шелка — точно пряжа неба...

И там, в потоке солнечной реки,
Что на мгновенье очи мне смежает,
Вновь предстают, как боги, старики,
Чья седина, как соль земли, сверкает.

О нет, согнуть их старость не смогла!
Весь век они трудились не боля,
И чем их кожа более смугла,
Тем волосы их кажутся белее.

Загар труда — и сетка из морщин...
Но в сетке той все так же юны очи,
Как некогда у юношей, мужчин,
Истории выдавших средоточье!

Не ими ль первый был прорыт канал —
Республики высокое заданье —
Что засухи всевластье доконал,
Сухие степи наградил садами?

Не в их ли честь карная рог трубил
И славословья слышались раскаты,
Когда с могучих гэсовских турбин
Пошел в работу первый ток Фархада?

Не ими ль эта начата пора,
Когда, задачу главную решая,
Узбекские прославились поля
Неслышанным хлопковым урожаем?..

Их молодость... Да вот она — смотри:
Повторена в такой же гордой стати!
То внуки их стоят, богатыри,
Скульптурами темнея на закате.

В них та же страсть. Что холод им и зной?
Они, как мы, готовы сдвинуть горы.
И там, где строить начали весной —
Там к осени восходит новый город...

И отдыха мне песня не дает.
Греми, строка, пусть дрогнет степь от крика!
Какое поколение встает!
Какая ширь шагам его открыта!

Какие в ней дороги пролегли...
...О юноши, кому дано так много —
Через страну волшебную любви
Еще должна вас повести дорога.

Что исподволь накоплено в груди —
И смысл и формы обретет иные.
Еще такая нежность впереди,
Которой вы не ведали донныне.

И этим, юность, не пренебреги.
Не разбазарь, не растеряй случайно.
Пойми и помни, сплетням вопреки:
В труде, в любви — одна и та же тайна.

Когда твои заполоняет дни
Твоя любовь или твоя работа —
Всю, всю тебя потребуют они,
Всю, всю, как есть, без вычета и счета.

Пристрастья не стыдись перед людьми.
Воспламенясь его высокой искрой,
Равно будь верен девичьей любви
И трепетной тревоге материнской...

О, как уходит тема из-под рук!
И все-таки, живые строки числа,
Я и до вас дошла, моих подруг,
До вас, о женщины моей отчизны!

Все начиналось, кажется, вчера —
И годы мчат, назад уходят сроки.
Свою я песню вами начала —
И снова вам выграниваю строки.

И что за диво — музыка и стих
Ничто без вас! Без вашего участия —
И ваших рук, и ваших глаз живых —
Земное вовсе невозможно счастье.

Вы — суть семьи! Внутри или вовне
Идет ваш труд, но вы — основа дома.
И трудитесь с мужчиной наравне,
И все в труде вам близко и знакомо.

Шелк или хлопок, руль или станок —
В любое дело властно вы войдете.
Порой, глядишь, и парень сбился с ног —
А женщина по-прежнему в работе.

Секрет ваш прост: нелегок день забот,
Стремительно, нерастяжимо время,
Но там, в дому, заботы вашей ждет
Грядущего родное поколенье...

Вдоль осени шаги мои легки.
Свободны мысли, солнцем залитые.
О вас пою, подруги, земляки,
Трудящиеся руки золотые.

Цветами глаз сияет поле лиц,
В душе моей восходят ваши лица,
И новый гимн торопится на лист —
В грядущий день хоть малой строчкой влиться...

Кто судьбы строчек знает наперед?
Кто песни путь предсказывает верно?
Но я свою — дарю тебе, народ,
Твоей судьбе, работе вдохновенной...

МИРАБ

Светает в поле. Побледнели тени,
Прозрачнее ночной сурьмы накрап...
Склонился, став на старые колени,
Над водами бурлящими мираб.

Вода, вскипев, прорвала тут преграду.
Он чинит... Глину смыл с усталых рук
И смотрит вдаль. И кажется, от взгляда
Коробочки набрали силу вдруг.

А на дороге жизнь уже грохочет,
Машины пробегают что ни миг,
Гудит над ними самолет...

Старик

Не слышит шума. Знать его не хочет.

Он смотрит пристально и зорко по привычке.
Как море — поле. Полю нет конца.
Бороздки — словно темные косички
Вкруг внучкиного милого лица.

Что мудрому все это грохотанье?!
Мечта мираба где-то там, вдали.
А здесь — родных сынов его создание,
Просторы обработанной земли.

И вот грядущее его тревожит:
Хорош ли будет в летний зной полив?

Порадует ли осень?

Иль, быть может,
Ударит град, посевы погубив?..

Не о своем он думает почете,
Что старику награды и почет?
Душа его — в единственной заботе:
Что весь колхоз детей и внуков ждет?

Печется он об этом ежечасно,
Работает, грядущее любя...
...И что еще на свете столь прекрасно,
Как мысль о будущем не для себя?

ТЕПЛОТА

Что ты есть,— теплота?

Где начало тепла?

В той стране, что меня с малолетства

вскормила,

В той весне, что негаданно снова пришла,

Или в музыке мира?

Что ты есть, — теплота?

Жаркий, любящий взгляд,

Чьим огнем одинокое сердце согрето,

Или это сердца многих тысяч горят

Ярким жаром рассвета?

Где начало тепла?

В пониманье людей —

Что мы вместе живем, что за всех мы в

ответе,

Или в древе людского добра, что сильнее

Ураганов столетий?

Что ты есть, — теплота?

Не моя ли ты кровь,

Не дитя ль мое милое в пору расцвета,

Не любовь ли, чудесно рожденная вновь,

Не строка ли поэта?

И куда ни пойду, и куда ни взгляну,

Подружусь ли с горами, с морской ли

глубью, —

Одиночеству ты объявляешь войну

И войну себялюбью.

А когда мы с врагами сраженье вели,
Ты вошла, теплота,
В каждый лист, в каждый колос,
И была ты и болью, и силой земли,
Как боец, ты боролась.

Охраняла ты сон стариков и детей,
Сочиняла стихи и оружие ковала.
Ты — начало победных и трудных путей,
Нашей жизни начало!

Что ты есть, — теплота?
Не дутар ли в тиши?
То ль цимбалы в саду?
То ль каналы в пустыне?
То ли поезд в глуши?
То ли поиск души?
Восхожденье к вершине?

Что ты есть, — теплота?
Предков древний огонь,
В настоящем хранящий дыханье бывшее?
Ты — строка со строкой,
Ты — с ладонью ладонь,
С сердцем — сердце родное.
Где начало тепла?
В нашей общей судьбе,
И в безбрежных космических далях, и в
звездах,
На земле, самой близкой и мне, и тебе, —
Там, где родины воздух.

БОЛГАРИЯ

Оттого, что здесь розы,
        так нежно и властно пылая,
Расцвели, словно милые розы
        узбекской земли,
Показалось мне, будто земля твоя —
        с детства родная,
Показалось мне, будто с тобою мы
        с детства росли.

Разделенные далью пространств,
        оказались мы рядом,
Возле улиц ташкентских
        отныне ты в сердце моем.
О Болгария, кажется мне,
        что над розовым садом
Сочиняешь ты песню,
        звенишь мне родным соловьем.

И так счастлива я
        узнавать твой напев соловьиный,
Что мне кажется, будто
        я ветру и свету сестра,
То ловцом жемчугов
        проникаю в морские глубины,
То, как птица, парю
        на безоблачном небе добра.

И от музыки этой,
        услышанной мною впервые,

Вдруг рождается заново чувство,
                                что жизнь хороша,
Что не умерли мертвые,
                                что молодеют живые,
И прекрасного самоотверженно жаждет душа.

И становится ясно:
                                мы, новые люди, крылаты,
Мироздания тайны
                                для наших распахнутых глаз...
О, симфония гор,
                                о долин многозвонких кантаты.
О Болгария — музыка, околдовавшая нас!

Море с небом слились
                                и блестят голубеющим сплавом,
И навряд ли отыщутся краски
                                сочней и светлей,
Но я знаю, была ты, Болгария,
                                полем кровавым,
И все розы вобрали в себя
                                кровь твоих сыновей.

Край болгарский, я знаю,
                                ты долгой борьбой не состарен,
Приподняв над землей,
                                пронеси ты меня сквозь года,

Там, где с воином русским
                                покоится рядом болгарин,
Где твоя соловьиная песнь молода-молода...

Эту песню мы всем существом, всей душой
                                своей слышим,
О, Болгария, все, что я раньше прочла о тебе,
Было только зачином, всего лишь
                                коротким двестишьем,

А теперь — ты великая песнь о великой
судьбе.

Были годы былые твои —
как тяжелые камни,
Но свобода
была и камням твоих гор дорога!
О балканское чудо, Болгария,
как ты близка мне,
Как сверкают каменья —
танантов твоих жемчуга!

Как привольно и молодо
зори твои разгорелись,
В торжестве твоем нынешнем
дедовский слышен завет.
Соловьиная песня — Болгария,
вешняя прелесть,
Крылья строчек дочерних моих
и очей моих свет!

РОДНЫЕ

Без родины дышать бы не могла я,
Была бы беспросветной жизнь моя,
Но если б из отеческого края
Не видела далекие края, —

Я не нашла бы близкое в далеком,
И стала бы душа моя бедней,
Не зная счастья, двигаться к истокам
И на чужбине находить друзей,

И узнавать, что есть большое в малом,
Что человек сильней из года в год...
Давно ль он высекал огонь кресалом!
А ныне молнию он создает
Из гнева своего.

Он ищет друга,
Ему моя отзывчивость нужна!
О время, ты — натянутая туго,
Стремительно звенящая струна.

Но музыкант не должен быть бездушен,
Он должен слушать боль и страсть земли,
Иначе будет звонкий строй нарушен
И задохнется музыка в пыли.

Земля, тебя любить не перестану,
Ты нас связуешь испокон веков,
А жизнь я уподоблю каравану:
Как дорог мне призыв его звонков!

Земные сотрясаются пределы, —
Между добром и злом идет война,
Становится багряным лотос белый,
Густою кровью даль напоена,

Но эта кровь горит и на знаменах
Бесстрашных воинств мира и труда.
Я — лишь крупинка сил разноплеменных,
Но быть такой крупинкою горда.

Свобода — солнце;

я — его частица.

Свобода — пламя;

я — лишь часть огня.

Но, часть, я страстно жажду с целым слиться,
И выше нет удела для меня.

На свет родившись в доме многодетном,
Люблю я братьев и сестер тепло,
Внимать училась голосом всесветным,
И чувство близости во мне росло.

Вы — белые,

вы — черные,

цветные,

Из ближней ли, из дальней стороны, —

О люди мира,

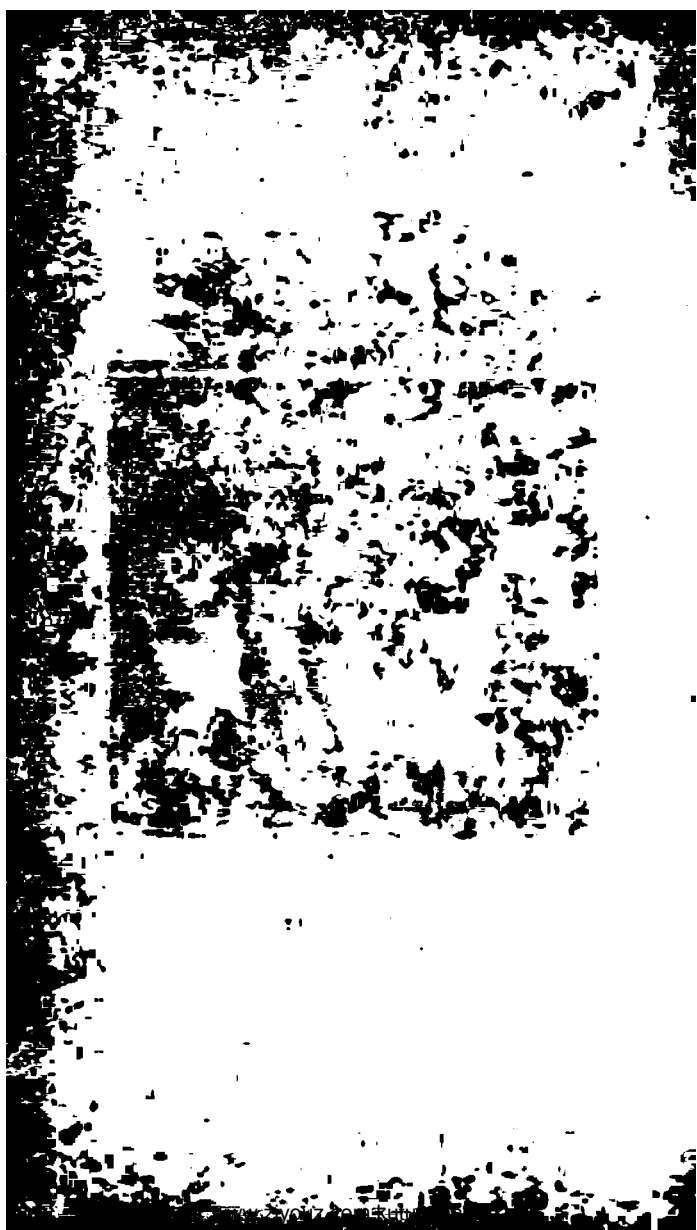
все вы мне родные,

И, как родные,

все вы мне нужны.

РАЗДУМЬЯ

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный, робкий огонек.

Сказали мне: «Гори не угасая!
Мы знаем, что губителен пожар.
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будет нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила,—
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?

Подобен океану мой народ.
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?

Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке,
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели,
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...

Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая;

Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.

Так что же зависть вызвало во мне?

Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро.
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб каждый,
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить стремился б из моей строки!

...Так вот что зависть вызвало во мне!

В ГЛАЗАХ ЗВЕЗДЫ...

«Твой лик лучисто-светел, как восход.
Не солнцем ли твое лицо омыто?
Чуть только взгляд красавицы блеснет,
Душа надломленная оживет.
Ни звезды ли в очах твоих сокрыты?»

Здесь, в Азии, лучи растят дитя,
Девчурке с детства радости пророча,
И вот она цветет, как день, света
И ночи двух миров
вбирая в очи.

Чтоб подчеркнуть со звездами родство,
Зовут ее в газелях — «луноликой»,
Красавица являет колдовство,
Любовью обвита, как повиликой.

О, эти очи! В них и свет, и тьма!
И чары не обман, не наважденье!
Здесь ни при чем индийская сурьма,
Нет, волшебство дано им от рожденья!

Огонь врожденный! Может быть, в ночи
Две звездочки в зрачки упали с детства.
Сожгли коварство звездные лучи,
Лишь верность им оставили в наследство.

Как зеркало, как чистое стекло,
Блестящий взгляд, улыбка смуглолицей.

Что на сердце, все отблеск в них нашло:
Печаль туманится, восторг искрится...

Но есть во взоре этом рубежи,
За ними боль, обиды, зло земное,
Взращенное во мраке паранджи.
Глубины глаз — что озеро ночное.

О сокровенных тайнах тех глубин
На разных языках поэты пели.
Проникнуть в них пытался не один,
Но лишь немногие достигли цели.

...Ласкал азийских девушек рассвет,
Он пеленал их теплыми лучами,
Но лишь теперь, с приходом новых лет,
Красавицы забыли о печали.

Народ — хозяин на земле своей,
И наши дочки — яблони весною.
Огонь в очах горит еще сильнее,
Струит сиянье «озеро ночное».

И впрямь как звезды девичьи глаза,
Они превыше всех похвал поэта,
А если в них порой блеснет слеза,
То разве без дождя бывает лето?..

Словно к жизни самой, я к тебе приближаюсь,
Моего поколенья ты стала судьбой,
Как при чтенье бессмертных стихов, возвышаюсь
Я душой от беседы с тобой.

Да, в чертах твоих — жизнь и высокое чувство
Счастья, мира, труда и расцвет бытия.
Напишу твой портрет: мне помогут искусство
И рабочая слава твоя.

В О К Е А Н Е

Океан. Пароход. Светлый, радостный час.
А на пальмах — гляди — обезьяны.
Словно тысячу глаз, солнце смотрит на нас,
И в сердцах — этот свет несказанный.
Вновь мы стали детьми у природы в плену.
Нет, не выпустит нас чаровница!
Песня льется, несет за волною волну.
Что ж молчишь ты? Молчать не годится!

Эта песня — как знамя, чей зыблется шелк,
Это — друг, что беседует с другом.
Мой земляк, мой товарищ, зачем ты примолк?
Почему ты охвачен испугом?
Ты, нахмураясь, не слушаешь песни слова,
А слова подозрений тех праздны.
Видно, ты позабыл, что давно я вдова,
И твои подозренья напрасны.

Не позволит он мне — тот, кто в сердце моем, —
Увести тебя тропкой тревоги,
Чтоб детей ты покинул, оставил свой дом...
Нет любви, нет на этой дороге!
Подозренье, ты мне угрожай, как прибой,
Берег бурной волной рассекая,
Но смотри, я стою, как скала, пред тобой,
Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана, —
Тот, кто в сердце моем, не умрет никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

КРАТКАЯ ВСТРЕЧА

Ты сообщил: «Лечу в твои края,
Ко мне навстречу выйди, сделай милость!»
И я в глаза сплошные превратилась,
И в воздух поднялась душа моя.

И поняла твоя стальная птица,
Что непреклонен двух сердец приказ,
Что мимо пролететь на этот раз
Ей не удастся: надо приземлиться!

Тебя от солнца я оторвала,
К самой лазури прикоснулись руки,
И сразу я забыла о разлуке:
Так наша встреча радостна была.

Скажи, ты понял, что свиданье наше
На мир полоской света пролилось!
Ты понял ли, что черный блеск волос
Становится от светлой пряди краше?

На полуслове речь оборвалась;
Мгновенья краткой встречи пролетели;
Но в двух сердцах две трепетных свирели
Не прерывали праздничную связь.

Ты улетел; но, грустный и горящий,
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильнее того огня,
Которым полон взгляд животворящий?

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его в злобе своей непреклонной,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и невзвидело свста,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

РАЗДУМЬЯ

То ли, торопясь, меня торопит
Прожитых годов нелегкий опыт?
То ли пройденных дорог наказ
Слышу каждый день и каждый час?

То ли жизнь настойчиво, как мать —
Та, которую хочу понять, —
Говорит мне: «Счастья ты просила —
Так ищи его, ищи всегда!»
То ли в сердце иссякает сила,
Будто в тихом родничке вода:
Никого не напоив как следует,
Высохла — никто о ней не ведает?

Но приказ «Трудись!» во всем мне слышится.
Оттого-то мне так жадно пишется!
Я упорно буду рыть иглою
Землю, а живой родник открою!
Если я увижу, что не светится
Пламя счастья в сердце у меня,
Вспыхну я сама — и всем, кто встретится,
Буду я источником огня!

Отниму могущество у слова,
У неугасающей звезды,
У горы, у гордой той гряды,
Что, как мой отец, седоголова,
У речной стремительной воды,
Что блестит, трепещет каплей каждою...

Я томлюсь такой же светлой жаждою,
Как пустыня, ждущая канала.
Кажется: такую мощь познала,
Что поднять легко мне шар земной.

О чудесном космосе наука
Породнила так меня с луной,
Что луну, как внучку или внука,
Будто мне планеты — дом родной,
Я возьму да посажу на плечи!

Дорог сердцу голос человеческий,
Я беру слова у всех людей,—
Капельки сливаются в ручей
И становятся судьбой народной.
Из ручья я пью и отдаю
Каждому по капле жизнь мою,
Чтобы не была земля бесплодной,

Вольно дышится, когда пою,
Жадно пишется в родном краю!
То парю я над страной, как птица,
То свой мед коплю я, как пчела.
И покуда сердце будет биться,
Для людей готова я трудиться,
И не скажет сердце:

«Жизнь прошла».

НЕБОЛЬШОЕ СЕЛЕНЬЕ

Небольшое селенье шумит, как родник,
И в язык этих мест я вникаю.
Я устала. Присесть не успела,— старик
Подает мне холодного чаю.

Ах, отец, не живая ли это вода
Мне на долю сегодня досталась,
Потому, что, как только пришла я сюда,
Так рассталась со мною усталость!

Будто внутренний голос мне властно сказал:
«Все лови своим слухом и взглядом!»
Мне гудение слышится... «Универсал»?
Значит поле колхозное рядом.

Песнь реки, словно лепет младенца, сладка,
Щебет птиц и полдненное пламя,
И похожа на легкую рябь родника
Тень, рассыпанная тополями.

Сколько дарят урючины круглых монет:
Золотых здесь не меньше миллиона!
Сквозь листву льется свет, синий свет, звонкий
свет,—

То дробится стекло небосклона.

В речке утки-пловчихи сноровкой горды,
И узбечка на велосипеде,
Словно лебедь, белеет у горной гряды
И спешит, словно весть о победе,

Говорит мне старик: «Это наш агроном.
Подчиняется ей вся долина».
Опьяненные юным, сверкающим днем,
Вышли девушки из магазина.

Агроном... Скоро ль вниз возвратится она?
Я слежу за ней пристальным глазом.
Это ты поднимаешься вверх, Фергана,
Это светится людям твой разум!

ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ

«Ты плакала?» — я слышу твой вопрос.
О, как неглубоко твое участие!
Поймешь ли, что источник этих слез
Там, где берет свое начало счастье!

Такое сердце у меня, что в нем
Как будто бьются все сердца людские.
Для счастья столько звучных слов найдем,
А скорбь и боль беззвучны, как немые.

Вот женщина: красива, молода,
Известный хлопкороб и часто речи
О ней слышны... Но к ней пришла беда:
Разлука, за которой нету встречи.

И та беда во мне отозвалась.
Что делать нам? Избавит ли от муки
Нас утешение, что боль разлуки
На свет с любовью вместе родилась?

Но горько мне, невыносимо горько!..
Течет река прозрачная с пригорка,
И камни разноцветные на дне
Как бы напоминают сюзанае,
Что юной предназначено невесте.
И мучусь я с моей подругой вместе...
«Зачем ты плачешь?» — говоришь ты мне.

Я плачу, потому что знаю: счастье —
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее пристрастье,
Со всеми боль делить, как делят хлеб,

Как будто зеркалами жизни стали
Мои глаза, что ненавидят зло.
Мне от такого счастья так светло,
Что вижу я невиданные дали!
Ты друг мой? Так на слезы не гляди,
А растворись в потоке счастья светлом.
Ты недруг мой? Так рядом не иди:
Ты захлебнешься, сломлен резким ветром.

И след, что ты оставишь на пути,
Слезами светоносными я смою...
О как полна я радостью земною!
Пусть никогда я не приду к покою,
Лишь так, и только так хочу идти!

МОРЩИНКАМИ МЕНЯ НЕ ПОПРЕКАЙ...

Морщинками меня не попрекай,
Весна моя! Цвети как можно доле,
Но знай: морщинка — что полоска в поле,
Принесшая богатый урожай.

За ней, морщинкою, огонь и лед.
Ведь наша жизнь не только ликованье.
И ты, дитя, времен изведав ход,
Иначе отнесешься к увяданью.

В плену у красоты своих детей
Не будешь замечать свои морщины,
Не осознаешь старости своей,
Гордясь расцветом дочери и сына.

Морщинки — это песни и труды.
Ты не должна за них корить беспечно!
То поколения нового следы
И память дедов, их судьбы извечной.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Зачем тебя чудесно сотворили
Из ясного, как солнце, вещества?
Зачем в тебе коварно затаили
Могущество и властность волшебства?

Пока ты нашу юность повторяешь,
Вокруг тебя мы вертимся всегда,
А отойдем, — из памяти стираешь
Тотчас же наши лица без следа.

Еще моей крови чужда усталость,
Еще живу кипеньем дней живых,
А ты, стекло, отвергнув резко жалость,
Мне о морщинах говоришь моих.

Мой возраст обнажаешь ты со злобой.
А знаешь ли о возрасте души?
Ты книгу чувств моих прочесть попробуй
И эту книгу мне перескажи.

САДОВНИК

Идет садовник. В цветнике —
Его душа.
Секатор у него в руке,
За поясом — теша*.

Плывет над садом синева,
Пронзительно блистая,
В саду есть прелая листва,
И травка молодая,
И солнце есть, и ветерок, —
Всего не счесть.
Есть бархатистый мотылек
И гусеницы есть.

Есть все, есть все, чтобы цветы
Росли кругом:
В одном — источник красоты,
Источник запаха — в другом,
А третья ради зла живет
И корень жизни рубит.

Лелеет добрых садовод,
А злых не любит.

Он действует тешой своей,
Сперва очистив

---

* Т е ш а — топорик.

Кусты и почву от червей
И прелых листьев.

Но вот уже сучков сухих
Закончена подрезка...
Не так ли создается стих —
Взыскательно и веско?

Шагает он, цветенью рад,
По солнечной дороге.
Он, как отец, глядит на сад
И как ваятель строгий.

Он долго в их вникал черты,
Смотрел проникновенно.
Пока не отобрал цветы
И бережно, и вдохновенно,
То отдаляя их от глаз,
То приближая,
Покуда в розах не зажглась
Краса земная.

Он любовался: вот сапфир,
А вот алмаз.
Казалось, в розах целый мир
Живет сейчас!

Садовник на супу принес
Охапку роз.
Охапка радовала взор,
Но он продолжил свой отбор.

Он выбрал лучшие из лучших,
Поклясться был готов:
Нет в мире более пахучих,
Приманчивых цветов!

Они достойны высшей чести
На празднествах людских:
Они достойны, чтоб невесте
Их преподнес жених!
Садовник счастлив: он уверен,
Что не был труд его потерян,
Что совершенства он достиг,
Что дар его хорош...

А ты, поэт, когда свой стих
Ты в сердце создаешь,
Когда очистишь ты сперва
Свои отборные слова
От хлама и от сора,—
Уверен ли, что мастерства
Достигнешь так же скоро?
Что твой цветник шумит листвою
И что поэзии живой
Явил ты образец?

Как только скажешь ты, поэт:
«Я создал лучший плод и цвет»,—
Тогда тебе конец.

ЖИЗНЬ ПОЛЮБИТЬ

На лице появились морщины страданья.
Хочешь в землю зарыть свою молодость вдовью?
Но не примет земля твоего увяданья,
Ибо вместе с тобой дышит новой любовью!

Задушить хочешь чувство, что зреет несмело?
Но когда наступает пора созреванья,
Надо новому чувству отдаться всецело,
Надо жизнь полюбить — нет прекрасней призванья!

Память прежней любви оскорбить ты боишься?
Но она тебе счастья желает чуть слышно.
Почему ты от ветра и ливня таишься?
Если корни крепки, листья вырастут пышно.

«Половиночка счастья,— нас учит присловье,—
Словно зеркало на две разбитое части».
Ветром жизни развей одиночество вдове,
Ибо жизнь — это цельное, полное счастье!

ВЕЧЕР

В той тишине, что всюду разлита,
Сменяется согласным звуком гласный,
И горизонта алая черта
Напоминает мне уток атласный.

Окончен день работ и день забот.
Пора домой семейным возвратиться,
А молодых в свое гнездо зовет
Таинственная, вещая жар-птица.

Там, где арык блестит стальным путем,
Как саженцы, что выростали дружно,
Беседуют влюбленные. О чем?
Мне отгадать нетрудно, но не нужно.

На всей земле они теперь одни.
Замолкни, ветер луговых раздолий,
И ты склонись, трава, и ты усни,
Трудолюбивое родное поле!

Как уголь в кузне, остывает день.
Предвестник ночи — месяц — на востоке.
Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

ЛЮБОВЬ

Когда восходит диск рассветный
Над сном полей и городов,
От всех поверий и поветрий
Освободиться мир готов.
Сдается мрак, и сумрак тает,
И все, что полночи к лицу.
Мир, пробуждаясь, обретает
Неизъяснимую красу!
Так и любовь... До срока дремлет
Во всем — бессмертном и живом;
Ее огонь, как время, древний
В себе несем, пока живем.
Он скрыт в нас, как искра в камне.
Но стоит ей сверкнуть хоть раз,
Все безразличье разом канет,
Вся холодность покинет нас.
И счастья лик, едва разгадан,
Глядит из каждого окна,
И сердца солнцем незакатным
Любая даль освещена.
А ты шагал по жизни строго,
Весь этот пыл тебе претил.
Силков не ставил по дорогам,
По тайным тропам не бродил;
Всем ухищреньям нежным чуждый,
С расчетом трезвым заодно,
За раковину жемчужной
Не опускался ты на дно.
За годом год стремился, ровен;

И ночь — как ночь, и день —
как день...

Так на каком же повороте
Тебе открылась эта даль?
Когда, имен не называя,
Ворвался в сердце ветер, свеж,
И встала туча грозовая,
Вся исторгающая свет?
И тенью крыл своих покрыла,
И без сраженья покорила,
И, покоривши, вознесла...

Любовь!

Она не просто слово,
Что, может быть, других звучней,
Ты в ней не повторишь другого,
И сам не повторишься в ней.
Она не дрогнет пред грозой —
Она сама и есть гроза,
И не прельстится красотою —
Она сама и есть краса.
Она сквозь пошлость,
ложь
и косность

Стремит пронзительный полет
И в искренность тебя, как в космос,
Всей сердца силою пошлет.

ВИШНИ

Это вишни выстроились в ряд?
Нет, костры в одном ряду горят!
Утром прелесть вишен обожгла меня.
Показалось: ветви — в белом пламени —
С солнцем говорят!

Днем у вишен свадебный наряд.
Отчего их лица так горят?
Свадьба ль комсомольская готовится?
Вишенки пред зеркалом становятся,
Выстроились в ряд.

Вечером, когда плывет закат,
Вишни, что в одном ряду стоят,
Караваном хлопковым мне кажутся...
О мой день, как ты прекрасен вновь!
Пусть навек в моем сознание свяжутся
Труд, цветы, любовь.

ПЛОВЕЦ И МЕЧТА

Как солнце жидкое на юге,
Переливается вода,
Где плавают мои подруги.
Я им завидую всегда.

Им в море весело резвиться,
А я стою на берегу
И чувствую с тоской: я птица,
Но полететь я не могу.

Я вижу: девочка надела
Спасательный воздушный круг,
И в море маленькое тело
Вошло неспешно и несмело,
И волны расступились вдруг
Пред этой детской отвагой,
Что спорила с морской влагой,
Мужая в торжестве своем.

Так в море жизни мы плывем.

Плывем и не глядим с испугом
На синь, что всюду разлита,
И благородная мечта
Спасательным нам служит кругом.

И на какой бы широте
Валы морские ни шумели,
Пловец, доверившись мечте,
Достигнет заповедной цели.

ЧУЖАЯ НОЧЬ

Трудно длится ночь в чужой стране.
Темный город не сулит мне встречи.
Скоро ль острых звезд засветят мне
Электрические свечи!

Все вокруг чужое, я одна,
От родных вдали, но в колыханье
Воздуха мне слышится дыханье:
То со мною здесь моя страна.

Силы черпаю в ее отваге
И живу, дышу ее добром.
Не она ли водит по бумаге
Здесь моим пером?

Ночь таинственная и чужая,
Ты прочтешь ли рукопись мою?
Запоешь ли, заново слагая,
Песню ту, что я сейчас пою?

Чужеземка, вникни в эти строки,
Ты темна, а рукопись ясна:
Здесь огонь, что вспыхнул на Востоке.
Жизнь моя, моя страна.

БАХШИШ*

Рассвет, как дым, что пахнет сытной пищей.
Огромный город с виду так богат,
Но он похож на дом невесты нищей,
Где украшенья взяты напрокат.

«Бахшиш!.. О, сколько чаяний и жалоб
В том слове, что все время ты твердишь!
«Бахшиш! Бахшиш!..» Земля вольней дышала б,
Когда б ты, парень, не просил «Бахшиш!»

Бахшиш — звонок на шее верблюжонка,
Что караван надежд спешит догнать,
Когда «Бахшиш!» кричишь ты резко, звонко,
Не унижаешь ли отчизну-мать,
Как будто бросила она ребенка
И ничего о нем не хочет знать!

Ты — жгучим зноем кованная сила,
Ты — мышцы, что терпеньем налились.
Ты мне напоминаешь кипарис,
Чьи корни грубость нищеты вспоила.

Бывает больно иногда смотреть
На океан, слепительный и синий.

---

* Бахшиш — подаяние.

Взглянуть на лик, что потемнел, как медь,
Еще больней — я поняла отныне.

Твою печаль я сердцем узнаю.
Тебя все время точит, точит мука.
Не так ли ствол могучий каучука
По капле источает мощь свою?

О, если бы плоды созрели сразу
В тепле, в слезах твоих раскрытых глаз!
Но зуб неймет, хотя и видно глазу,
В стране, что райским садом разрослась!

Ты создал край, подобный сновиденью,
Оберегаешь каждый лепесток,
Чтоб на него не сел и мотылек,
А сам бредешь, бездомный, чуждой тенью.

На древней сей земле священен слон,
Повсюду почитается корова,
Лишь ты, изгой, бедой испепелен,
Лишь ты, хозяин, не имеешь крова.
Когда ж ты робкое свое «Бахшиш!»
В меч разума и правды превратишь?

Твоя нужда растет, как листья чая
Твоих полей... Ужели сто богов
Блаженствуют на ложе облаков,
Не слушая тебя, не замечая?

«Бахшиш!..» Глаза и сердце, как рука,
Протянуты... О чем ты просишь страстно?

Брат, сердце я тебе отдать согласна,
А медью не унижу бедняка!

Ты просишь счастья! Но его не просят,
Оно твое. Оно в земле, в реке,
В твоих садах, что щедро плодоносят,
В твоей ко мне протянутой руке!

ЗЕРКАЛО

Нас провожал в дорогу день погожий,
Здесь — дождь и дождь, и тысячи людей
Под зонтиками на грибы похожи.
Сезон дождей.

Наборщицы со свежелою газетой
У типографии в условный час
Советской песней, по-японски спетой,
Встречают нас.

Темны их пальцы и темны спецовки,
Но в их глазах какой-то светлый зов.
Сердца их бьются, как слова листовки,
Слова борцов.

Старинных знаков их не понимая,
Почувствую листовок правоту:
Они, как чайки, в теплый вечер мая
Взлетят в порту...

Вслед за хозяином проходим чинно.
Работницы нас ждали, как сестер,
Но заглушает гулкая машина
Их разговор.

Нам по старинке поклонились низко
Все, ни на миг работы не прервав;
И дернула меня линотипистка
Вдруг за рукав.

Два зеркальца она в руке держала,
Одно из них она вручила мне,—
Оно подруги прелесть отражало
В чужой стране.

Работа, напряженная работа
Людей и созданных людьми станков...
Там, где ценнее жемчуг Мокомото
Всех жемчугов,—

Я поняла, что и жемчужин краше
Та дружба, что вошла в судьбу мою,
И зеркало рабочей дружбы нашей
Не разобью!

ВЕСЕННИЙ ВОДОПАД

С Е Б Е

Что ж ты притихла? Зачем ты грустишь?
Радости в ясных глазах не видать...
Хочешь затворницей в келью уйти?
Мнишь ли ты в битве одна побеждать?

Где твоя воля, и гордость, и пыл?
Власть над разлукою? Смех над судьбой?
Взор, что и в сумраке пламенем был?
Где разминулась надежда с тобой?

Годы прошли? Не беда, что прошли!
С кем навсегда остаются они?
Неповторимая, в темной дали,
Жизнь озарила прошедшие дни...

Все устают на дороге. С людьми
Сядь отдохни; это дружеский круг!
Сердце ли чье к тебе рвется — уйми
Боль его ран и направь его стук...

Если же чей-то стихает напев,
Смех беззаботный уходит из черт,—
Ты возврати ему песню и смех,
Хоть бы и собственной песне в ущерб.

...Тысячи замыслов, жаждущих рук,
Взлетов и спадов, трудов и даров...
Ты исходила материки:
Вспомни! — и вычерпай кладезь дорог.

Выйди на поиск огня своего!
Вспомни себя! (А верней — позабуди!)
Слушай! Из хаоса, из ничего
Сок исцеленья для мира добуди!

Выйди из немощи темных углов,—
Кто-то заждался пера твоего!
Выйди — и выжми из камня Любовь:
В ней осмысление вся и всего!

Не покоряйся же впредь бытию:
В реку ревущую смело входи!
Помни про лучшую песню свою:
Лучшая песня всегда впереди!

О С Е Н Ь

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мой близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне..
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

ВЕТЕРОК

Мне твои неведомы черты,
Для меня невидим ты в долине,
И кого напоминаешь ты,
Ветерок, не знаю и поныне.

Не держала я в руке твою
Руку, что мое ласкает тело.
Я твою улыбку узнаю.
Но ее воспеть я не успела.

Ты даруешь людям благодать,
Ты явился из волшебной сказки.
Где, чтобы тебя живописать,
Звуки я найду, слова и краски?

Кто ты? Почек молодая дрожь
Иль чарующий полет плясуньи?
То ли словно птица ты поешь,
То ль травой трепещешь в новолунье?

То ли это пенятся ключи?
То ли томно плещутся излуки?
То ли звездные лучи
Светлые к земле простерли руки?

То ль к груди прильнувшее дитя
Мне дарует чистоту дыханья!
То ли, тканью шелковой блестя,
Облаков раскрылись одеянья?

То ли песня в сердце рождена,
Ищет, ждет сочувствия людского?
То ли стародавняя весна
Молодостью вечной веет снова!

То ли ты, прохладный ветерок,
Робких листьев осушаешь слезы?
Ты ли прилетел в заветный срок
И велел устам раскрыться розы?

Подари мне свежесть доброты,
Охвати меня ширококрыло,
Даже если я твои черты
Кистью слова не изобразила!

ЗЛО

Властно

мрак всю землю охватил,
Все лучи, все искры погасил он,
Только этих маленьких светил —
Глаз моих —
он потушить не в силах.

И спешит молчание помочь.

Изловчась, все заглушает звуки.

Непроглядна

и безмолвна ночь,

Мрак и злость,

и ревность,

месть и муки...

Тяжким грузом плечи истомит,

Но моей он воли не задушит,

Искрошу я этот полог тьмы,

Все, что им содеяно, разрушу!

Пусть лишь мрак услышал голос мой,

К людям моя радость

все ж пробьется!

...И еще раз

по ресницам

боль,

Как свинец расплавленный, прольется...

ЛУННАЯ НОЧЬ

Бывал ли ты в ночном саду,
Обрызганном луною?
Земного мира красоту
Постиг ли ты со мною?

То дремлет в облаках луна,
То внемлет веткам вишен,
То скачет неуком она,
И в речке топот слышен,
То блещет зеркалом в пруду.
Я встала над водою
И встретилась в ночном саду —
Лицом к лицу — с собою.

Ловлю звезду, еще звезду
И смешиваю вместе,
И по родной земле иду
С охапками созвездий.

Земля похожа на ковер:
Луна, как мастерица,
Древесный выткала узор
И листьями гордится.

Забыты лужицы дождем,
И тысячи осколков
Луна разбросила кругом,
Как будто их нащелкав.

Блестит роса,— иль то огни,
Рассыпанные ветром?
И все таинственно в тени.
И ясно в мире светлом.

Как может спать сейчас в гнезде
Бесчувственная птица!
Но сон живет во всем, везде,
И только мне не спится.
Лицо подставила луне,
И в ярком чуде этом
Луна — на мне, луна — во мне,
Слилась я с лунным светом.

Зачем же радость бытия
Мы делаем короче,
От наших дел дневных тая
Блестящий праздник ночи?

ГНЕЗДО

Птенцы устремились в сверкающий путь,
Как в пасти дракона,— в гнезде своем птица.
Тоскует и ноет под перьями грудь,
Печальное сердце дрожит и томится.

— Где ваши птенцы?— задают ей вопрос
То птица-соседка, то ветка густая.
А их ветер дней подхватил и унес,—
Умчалась крылатая, юная стая.

То дети шумят или ветер? И мать
Свой дом опустевший никак не наладит,
Лишь грудью, в тоске наболевшею, гладит
То место, где дети любили лежать.

* * *

Желтый месяц.

Вы, может быть, вспомните

Дыни ломтик изогнутый!

Я — припомню дитя,

что лишилось отца

И согнулось, несчастьям не видя конца.

Но в кружении дней и ночей

Совершается время.

И внезапно —

над нами, над всеми

Выплывает луна, разливая сиянье округлое.

Так и ты, о дитя мое смуглое,

Весь расправишься,

Грудь распрямится,

И огромное счастье в ней тысячекратно вместится!

ВЕСЕННИЙ ВОДОПАД

Властной радости кудесник,
Влагодой музыки богат,
Вдохновения предвестник,
Дарит песню водопад.

Пыль серебряную с ходу
Изо всех швыряет сил,
Словно в битву за свободу
Он со скалами вступил.

Словно он зиме в отместку,
Заковавшей воду в лед,
Подчинил живому плеску
Все, что дышит и цветет.

Солнце-лучник мечет стрелы,
Выгнув радугу, как лук,
И поток стремится смелый
На долину и на луг.

Чтоб трудиться стала влага,
Чтобы мир его признал,
Водопад, земле на благо,
Ищет речку иль канал.

Так и ты, мой стих певучий,
Сна не знаешь на пути,
Чтоб работою созвучий
В сердце чистое войти.

ХОЧУ НАЙТИ ВЕСНУ

Я в эти дни хочу найти весну,
Чтобы она развеяла усталость.
Как осень, я одета в желтизну,
Как ветка, без плодов теперь осталась.

Мне в эти дни так хочется весны!
Я не одна, друзья со мною рядом.
Они со мной нежны и мне нужны,
Чего ж ищу я долгим, грустным взглядом!

О, как стремлюсь я в эти дни к весне,
Как песен жажду я самозабвенно!
О том, о чем молчу я в тишине,
Перо мое расскажет откровенно.

О, как нужна мне в эти дни весна,
Подобно той, что в юности шумела!
Но снегом я теперь занесена,
Я — ветвь, подрезанная неумело.

А так нужна мне в эти дни весна!

НА ЗЕМЛЕ Я РОДИЛАСЬ

Хоть на земле родилась я,
Но птицею меж туч скольжу.
От солнца отделилась я,
Огонь его в руках держу.

Судьба моя зари светлей,
Хотя глаза вобрали мглу.
Мое перо — в руке моей
Подобно верному веслу.

Стихи, написанные мной,
Парят в стихии, мне родной:
С Земли взмывает серебром
То, что начертано пером...

В мир устреми открытый взор!
Заря — как вспыхнувший костер.
Светлее солнца и зари —
Жизнь человека, посмотри!

Не знает жизнь, что значит лень,
Ночь светит, звездами блестя,
И набирает силы день
Во чреве ночи, как дитя.

Кипучи дни и вечера.
«Сегодня» краше, чем «Вчера».
И жизни каждая пора —
Как чаша света и добра.

И я, родившись пред зарей,
Благодарю за то судьбу
И не хочу, чтоб мрак седой
Взобрался на мою арбу.

Хоть жизнь моя уже — чинар,
Я преклоняюсь пред травой:
В ней — юности исток живой
И песен вдохновенный дар!

НЕ ОТНИМАЙТЕ У МЕНЯ ПЕРА

«Когда-нибудь у вас я украду
Перо». —

Вы мне сказали это в шутку,
Но в шутке вашей слышу я беду,
Грозящую и сердцу и рассудку.

Не отнимайте у меня пера,
Не делайте меня глухонемою!
Другого много у меня добра,
Возьмите все, свой выкуп я утворю, —
Не отнимайте у меня пера!

Я не Хафиз, и я дарить не буду
Вам города!

Поэзию мою
И пламень сердца вам я отдаю,
Чтобы для вас он запылал повсюду.

Как любящая, верная сестра,
Я посвящу вам ночи и утра,
Исполнить вашу волю я готова,
Но только мне мое оставьте слово,
Не отнимайте у меня пера!

Не хватит хлопка вам! Я хлопком стану,
Зерна не хватит? Стану я зерном.
Болезнь начнете? Исцелю я рану,
Настанет праздник? Разольюсь вином.

Я воспою ваш путь нелегкий, правый,
Я расскажу, как ваша мысль остра,
Я стану летописцем вашей славы,
Я опишу ваш подвиг величавый,—
Не отнимайте у меня пера!

Мое служенье вам — стихосложение.
Перед родным народом я в долгу, —
Так дети пусть продлят мое служенье,
Когда перо держать я не смогу.

Я счастьем насладилась небывалым, —
Я присягнула детям и перу.
Когда без них останусь,— я умру,
Мое лицо закройте покрывалом,
Но если вы хотите мне добра, —
Не отнимайте у меня пера!

ПОЧЕТНОЕ МЕСТО

«Вот место вам почетное», — не раз
Хозяева твердили мне в усладу.
Друзья, не все равно ли, где я сяду,
Лишь место я б нашла в сердцах у вас.

Коль вижу я себя во взгляде друга,
Себе кажусь я выше всех царей.
Чем должность друга, — средь земного круга, —
Что может быть почетней и светлей?

Мой край родной, за ласку благодарствуй,
Тружусь я для того, чтоб ты расцвел.
Поэзия — единственное царство,
Где я занять хотела бы престол.

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней —
Они слынут недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстоянье велико —
Мне мысль арабов кажется бесспорной, —
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак, —
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, капле, что почет и непочет!
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Как бы чего-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была полна,
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья.
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

Я Б Л О К О

Течет вода вся в разноцветных бликах:
Со светом перемешана она
И, как тропа в грядущее, ясна.
Эй, девушка, не покидай арыка!

Гляди-ка: яблоко несет волна,
Подбрасывая ртутною ладонью:
Как розов бок один и желт другой!
Как хочешь, но обычай есть такой:
Скорей пустишь за яблоком в погоню
Да брось в того, кто отнял твой покой.

А если плод заветный не добудешь,
Умчится яблоко в водоворот,
И тщетно вслед ему глядеть ты будешь —
Само к нам счастье в руки не плывет.

НЕВЕСТУ ПРИВЕЗЛИ

**В соседский двор невесту привезли.
Весь день звучат сурнай и карнай,
Два юных сердца жителей Земли
В единую мелодию сливая.**

**То старина, то юность всем слышна
В прозрачно-тонком голосе свирели.
Во двор влетела свадьба, как весна,
Цветы весны в душе зашелестели.**

**Да славятся невеста и жених!
Прекрасна тяжесть свадебного трона...
...Все тяготы пусть делят на двоих!
Да будет радости вдвойне у них!
Да длится миг свиданья окрыленный!**

ДОСТАТЬ МНЕ СОЛНЦЕ!

— Кусочек солнца я тебе достану,
Как сердца часть дарю тебе сейчас.
Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб знала ты: твой пламень не погас!

Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб взбушевал огонь в твоей крови,
Чтоб ясный взгляд искрился неустанно
И щеки розами цвели твои!

Кусочек солнца я тебе достану.
Да будет ярок твой жемчужный смех!
Ты вспомни путь свой по Узбекистану:
Как сладостно ты окрыляла всех!

Кусочек солнца я тебе достану
(Возможны ль бейты об одной строке?!),
Чтоб сердцу разъяриться, как вулкану,
Дарить огонь и в счастье, и в тоске.

Кусочек солнца я тебе достану!
Пусть над тобой струит он теплый свет!
Храни его, подобно талисману,
С частицей сердца моего...

— Нет! Нет!

Не слишком ли мелки твои расчеты?!
Что делать мне с частицею, с куском?..

Уж если велики твои щедроты,
Так подавай все солнце целиком!

Все, все отдай! Слей пламя воедино!
Огонь и страсть не делят пополам!
Однажды приняла я половину,
И на душе навек остался шрам.

Мне мощь нужна для крыльев, для полета,
Ведь встречных ветров на земле не счесть!..
Уж если ты способен на щедроты,
Так подавай мне солнце — все как есть!

Достань мне с неба жаркое светило!
Пусть излучает радость каждый стих!
И да наполнит солнечная сила
Друзей моих, читателей моих!

СЕРДЦЕ ОСТАЛОСЬ У ВАС

Я ваши сердца увозила с собой,
Свое — оставляла у вас.
О нем я стихи сочиняла порой,
О нем на земле тосковала родной.
Но где ж мое сердце сейчас?
Я шла по уступам высокой гряды.
С трудом одолела гранит.
Дождями давно мои смыты следы,
Но словно свеченье далекой звезды,
В горах мое сердце горит.
Я в шахту спускалась, где пыльная мгла,
Где ценной породы жильё.
Тропинка моя становилась светла:
Как лампу шахтерскую, в руки брала
Я жаркое сердце свое.
Подснежники, вишни во всей новизне
Глазами светились детей.
Я сердце увидела в их глубине, —
То сердце, которое бьется во мне
Все чаще, смелей и звучней.
Я знаю, что счастью не будет конца,
Покуда сердца горячи.
С тех пор, как я выбрала жребий певца,
Ко мне устремляются ваши сердца,
Как в реку — ручьи и ключи.
Я вас узнаю по приливу тепла,
По звездам сияющих глаз.
Не ваши ль сердца я в стихах принесла?
А к вам я за собственным сердцем пришла.
Оно ведь осталось у вас.

РАДУГА

Иду по дороге
В дыханье весны.
Тюльпаны вокруг
Разбрелись просторно.
Горят,
Переливчаты и красны,
Как будто
Спелых гранатов зерна.

Внезапно туча —
Литой стеной.
Ветер. Ливень
В полный рост.
Но тут же природа
Рукой озорной
Цветной
Преодо мной
Изогнула мост.

Мост?!
Да ведь мост мне нужнее всего!
Тюльпаны,
Весну,
Как запас хлеба,
С собою беру,
И — о торжество! —
Дорогою песни —
Радугой
В небо!

С цветного кольца
В самый жар чудес,
В людские сердца,
В глубину небес!

Радуга!
Ты словно Завтра великое!
О долгожданная!
О семиликая!
Точно из сказки
Предстала, пресветлая,
Новые краски
Сулишь, семицветная!
Сердцем ликую, дышу, живу
И по тебе плыву
Наяву —
Коли такое мне счастье дано! —
Вверх,
Как в замедленной съемке кино.

Иду.
Каждый шаг мой
Волшебно нов.
Иду сияньем
Семи поясов.
Плавню ступаю
По самому краю,
Всем существом своим
Счастье вбирая.

Радуги радость,
Живую струю,
Будто бы младость
Глотаю, пью

Сердцем,
Губами сухими,
Глазами...
Чувств молодых
Разгорелось пламя!

Вверх поднимаюсь
Почти без усилий.
Чую: бесследно исчезли,
Сплыли
Годы былые
В лучах семицветных...
Пусть исчезают навек,
Хоть нет в них
Лжи,
Очерственья,
Жестокости,
Все же
Есть в них печали,
Что душу гложут...
Прибыло силы.
Пут не осталось.
Радуга смысла
Грусть и усталость.

Иду.
Сверкают мои пути.
Путем народа
Хочу идти.
Как солнце путь моего народа.
Деянья его — словно звезд лучи.
Не им ли множатся
Год от года
В зданье бессмертия кирпичи?!

Счастье,
Печали
С народом слиты.
Жить бы и дале,
Как мне велит он!
Только бы мне наконец удалось
Жизни его ощутить ось,
Песен гирлянду сплесть
В его честь...

Что ж, у народа сердце не счастье!
Может, войду не в одно, так в другое...

Благо перо не просит покоя.
Отдых мне чужд, как старость чужда.
И не семью — семистами сияний
Радуга в дали влечет и манит
К тайнам,
В неведомые места.
Одoleвать велит перевалы:
«Дальше еще шагни, поспеши!
Обогатись красой небывалой,
Да утолится жажда души!
Глубже вдохни семицветный пламень!
Сплавь его в звонкое стихотворение!
Знаешь сама: лишь пустое мгновение
Сердце томит, словно тяжкий камень.
Знаешь сама, что людское признание,
Каждое к людям дошедшее слово
Душу от зла ограждает заранее
И горячит ее снова и снова».

С миром слияние — колдовство...
Не упустить бы мне ничего!
Мне бы изведать, измерить ныне

Силы, живущие в человеке:
Видеть, как золото ищут в пустыне,
Как приручают дикие реки...
Радуга!
Выше меня подними!
Я — среди сияний твоих семи,
Все же дорога моя — прямая.
Небо в нее вошло
И Земля...

Иду,
В потоках твоих бурля...
О, сколько песен собрать должна я!

О Ж И Д А Н Ь Е

Мучительная тайна ожидания,
Протянутые в будущее руки...
Терзайся, приобщенный к этой тайне,
И не спеши избавиться от муки.

А день за днем
Огнем надежды грейся,
Вверяя ослепленно, но не слепо
Себя всему, чем иступленно грезил,
Что боль живая, а не мертвый слепок.

ДОРОГИЕ ЧУВСТВА

ВЕСНА

Где снег? Бесследно звездочки его
Исчезли, как мгновения былого...
Младенческого света торжество
Душа весною излучает снова.

Шалят, как дети, в небе облака.
Ну, а земля чарующе нарядна,
Душе подростка, сердцу старика,
Поверьте, одинаково отрадна.

Исчезли зеркала — ни льдинки нет.
И возраст человека в день весенний
Определяется не мерой лет,
А мерою счастливых потрясений.

Нас радует и розовый миндаль,
И птаха неказистая, и даже
Вплотную приближается к нам даль,
Опережая ожиданья наши.

Весна! И каждый хлопковый росток,
Мне кажется, взойдет не только в поле,
Но и в моей груди, на грядках строк,
Исполненных и нежности и воли.

ВНУК

Черноглазый внук влетел, точно вихрь, ко мне.
Вырвал лист из-под пера, змея смастерил,

И уже бумажный змей реет в вышине,
Тянет в небо малыша изо всех он сил.

Но не выпускает внук летуна из рук,
Хоть бечевку на себя дергает с трудом.
Оторвавшись от стихов, я гляжу, как внук
Твердо на земле стоит в дворике родном.

Он точь-в-точь как дед его, боек и смышлен,
И черны до синевы и вихор и бровь,
Вечным, кажется, огнем переполнен он,
Точно в жилах у него солнце, а не кровь.

Оставаясь на земле, рвется в небо змей,
Словно мысль моя, малыш, о твоей судьбе:
Что за дерзкая мечта есть в душе твоей?
Что ты будущему дашь, что оно — тебе?

Если б не было у нас дорогих внучат,
Мы не знали бы, как жизнь и любовь звучат.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Среди голых деревьев — плакучая ива,
Как поэта мечта, и ярка и вольна,
И кудрями Меджнуна она справедливо
Названа — так любви одержимо верна.

Здесь какой-то старик, красотой упоенный,
Отдыхает от тягот зимы и утрат:
На плечах — то ли дождик прозрачно-зеленый.
То ль весны изумрудно-прозрачный халат!

Это нежная ива в нижайшем поклоне
Тянет губы и руки к земле дорогой,

Чтоб губами прильнуть к ее щедрой ладони,
Чтоб погладить кормилицу влажной рукой.

Жизнь дарует земля и деревьям и людям.
Разве землю свою покидает народ?
И в раздумьях о мире, о боли и чуде,
Верность почве храня, эта ива живет.

Разве верность нуждается в чьем-то участие?
Если б не было верности, не было б счастья.

САДЫ

Сады моей родины в дружном цветенье:
У каждого дерева повесть своя,
Свой опыт и нрав. Но любое растенье
Живет, от другого забот не тая.

У веточки каждой свой путь непреложный,
У каждого цветика свой аромат,
Но служат друг другу опорой надежной
Деревья, как брату любимому брат.

В садах моей родины дружные весны,
Не знаю, какой мне милей уголок!
Здесь каждая пядь, как сосуд кровеносный,
Питающий каждого сердца цветок.

Тревожится брат — и не спится другому,
Без хлеба один — не поест и другой.
Свет этому саду! Мир этому дому,
Где нет ни души без опоры благой!

Все судьбы — единого целого части,
Я знаю: без дружбы немислимо счастье.

М Е Ч Т Ы

Мне кажется порой: мои мечты —
Никак не могут воплотиться в дело, —
Так мало времени, так много суеты,
И так я недостаточно успела!

Я выпила, взболтав, словно кумыс,
Земного счастья и несчастья море,
Но не насытилась, — моя витает мысль,
Словно корабль, в космическом просторе.

То на Чарвакской ГЭС звенит мой стих,
То сею хлопок я в Талимарджане,
И хлопок вырастет, белей белков глазных, —
Не это ль исполнение желаний?

Но никакой мечте предела нет,
Она всегда, как горизонт в дороге,
И равен вечности желаний наших свет,
И нет конца живительной тревоге!

Когда бы не было взыскующей мечты,
Не достигало б счастье высоты.

Т Р У Д

Временами и спится мне худо,
И волнуюсь из-за пустяка,
В голове возникает запруда,
Загрязняется мысли река.

Я в обиду вхожу, словно в тину,
Захлебнусь, но припомню опять:
Над железом отцовскую спину
И всегда терпеливую мать.

Точно так, как отец мой когда-то
Отливал наконечник сохи,
Вновь тружусь от зари до заката,
И слагаются в строфы стихи.

Что ни слово, то пласт мой целинный,
Что ни строчка, то снежный обвал.
Но уже молодой, соловьиный
Сад возвращенный восторжествовал!

Труд — дитя нашей мысли и страсти,
Без него мы не ведали б счастья.

Р О Д И Н Е

Учила ты: в слезах нет прока,
Строга, как с дочерью, со мной,
Но не слыхала я попрека,
Как и от матери родной.

В беде и счастье я с тобою,
И песнь моя — тебе родня.
Воспламенюсь — зальешь водою,
Угасну — вновь зажжешь меня.

Дивилась всякому я чуду,
Чужой листве, реке чужой,
Но отовсюду, отовсюду
К тебе стремилась всей душой.

О родина, я, как заклятье,
Твержу один и тот же стих:
Не отвергай моих объятий
И не лишай меня своих!

Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле

В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

В день моего рождения опять,
Как ежегодно, ночь без сна промучась,
Я мать свою, страдая, вижу — мать
В тот час, когда моя решилась участь.

И крови ток, и сердца робкий стук
Безмолвно вопрошают без ответа:
Великих ли я стоила ей мук,
Как долго длилось ожиданье это?

Читаю в прошлом трудно, по складам.
Там мать моя, чтоб боль уменьшить болью,
Прижав руками к животу сандал*,
Оплачивает жизнь мою собою.

По-детски безмятежный лоб в поту,
И как с прабабок принято в народе,
Конец ее косы в иссохшем рту —
Так все должно быстрее свершиться вроде.

Пять дней, пять мук глядят в ее окно.
На лошади соседской виновато
Отец мой поскакал уже давно
За повивальной бабкою куда-то.

От мук извечных мать еще юней.
Один комок огня и льда — мы обе,

---

* С а н д а л — род домашнего очага.

Но волей бытия мне тесно в ней,
Как некогда горам в земной утробе.

Страшит мгновенье каждое, как взрыв.
Но знает мать, причастна к древней тайне,
Что, только дверь в мученья отворив,
Пройдешь туда, где больше нет страданий.

Ждал мир весны, цветенья, тишины,
Меня. И ждали, замерев, как тени,
Пять сыновей, что раньше рождены,
Чтоб и мое отпраздновать рожденье.

И, словно колосок, мой голосок
Рванулся в жизнь, и я на свет явилась,
Чтобы губами отыскать сосок,
Дарящий упоительную милость.

Все лаской, удивлением, игрой
Со мною и во мне самой рождалось,
Но это были плоть ее и кровь,
Жизнь матери, любовь ее и жалость.

Когда же подошла пора уйти —
Как испокон веков, взрослея, дети,—
Отпасть, лишиться ласковой груди,
Казалось, что лишусь всего на свете.

А мать? Как отлучить ей от себя —
Пускай и понимает: не удержишь!—
Кровинку, в чьей улыбке — вся судьба,
Все мужество ее и вся надежда...

Теперь, перебирая струны строк,
Хочу ей благодарно поклониться

За них, благословляя их исток,
Я — сердца материнского должника.

Ничем вернуть свой долг я не смогла:
Нет средств таких и нет такой науки.
Но жизнь сама ребенку я дала,
Узнавши цену ей ценою муки.

ТОСКУЮ СНОВА ПО ВЕСНЕ

Тоскую снова по весне,
Как этот куст, как эта почка.
Тоскую снова по весне
Душой, иссохшейся, как почва.

Еще ты у зимы в плену,
Земля, но лоном жарким, нежным,
Как сердцем жадным — я, весну
Зовешь с цветеньем яблонь снежным.

И, песней плен зимы круша,
Даря земле ее впервые,
На крик срывается душа,
Приемля муки родовые.

Весна! Устав от зимних снов,
От беспощадности суждений,
Хочу весенних легких слов,
Где безобидный свет без тени.

О закрути, разбереди,
Весна, как в юности, в начале!
И от меня отгороди
Собою все мои печали.

ЗАКАТ

Говорят, что прекрасен закат.
Вот и я с ним столкнулась в пути.
Говорят невпопад, наугад,
Что он лучше рассвета почти,
Что он глаз, как рассвет, не слепит,—
Отчего же так больно моим?
Говорят, что огонь его спит,—
Отчего же пылаю под ним?
Говорят, он, бесстрашный такой,
Не боится заоблачных круч.
Отчего же повсюду щекой
Ощущаю живой этот луч?
Говорят, его жизнь коротка.
Говорят, что он символ конца.
Говорят, что закат и тоска —
Два синонима, два близнеца.
Отчего же ты песен полна,
Повидавшая виды душа?
В платье осени поздней душа
Даже больше еще хороша!
Нет мне дела до прожитых дней
Из оврагов, садов и дорог.
На закате острей и сильней
Рвется сердце опять за порог.
Что прошло, стороной обошло,
Что пришло, подытожив пути,
Только жизнью меня обожгло
И поможет закат обойти.

**ПРИНЕСЛИ БУКЕТ ЦВЕТОВ
МНЕ ДЕВУШКИ**

Памяти Айдын Сабировой

Принесли букет цветов мне девушки,
Хрупких, словно сон у престарелых.
Принесли букет цветов мне девушки,
Красных, словно кровь, как утро, белых.

В вазу я букет цветов поставила,
Чтоб они как можно дольше жили.
Вижу: стихотворное послание
Девушки в букет цветов вложили!

Добрая строка строкой сменяется,
Я такое чувствую волнение,
Будто я — земля, и начинается
Неожиданно землетрясение.

Я дрожу, смятением охвачена:
Разве я похвал таких достойна?
Я и смущена и озадачена:
Ну-ка поразмыслию я спокойно!

Может, потому хожу в любимицах,
Что в грядущее дорога ваша
Мне, как чаша розовая, видится,
Полная любви и света чаша.

ПРИРОДА, Я ПРОТЕСТУЮ!

Зачем, породив меня слабым созданием,
Любовь ты дала мне большую такую?!
Нигде не найти исцеленья страданиям,
С израненным сердцем жила, протестую.

Зачем, одарив меня счастьем когда-то,
Да так, что вздыхали от зависти люди,
Мгновенным ударом все, все отняла ты
По воле своей, по жестокой причуде?!

Что тягостней смерти?! Владычит над нами!
Ропщи, протестуй, а печаль не стареет...
Как долго я шла сквозь холодное пламя,
Сквозь пламя печали, что душу не греет'

Былой красоты не увижу опять я...
Безмерное счастье, безмерная мука —
К обоим меня ты швырнула в объятия,
Дивясь, что меня не убила разлука...

Да, сила сильнее твоего удивленья
Спасает меня и ведет сквозь невзгоды:
Я радость чужую возрастила в терпенье,
Терпения ты не дала мне, природа!

Сто счастлих чужих я в душе возрастила,
Судьбою других я дышу неустанно!..
И в этом мое исцеленье и сила,
И жизнь моя снова полна и желанна.

Цветущей юности моей остаток,
Что к небесам когда-то поднимал!

Могу ль еще равняться в первородстве
С тобою, буря? Быть глаза в глаза?!
Я чую: под моей рукою гнется
Все грозы перенесшая лоза.

Когда б не буря, я не знала б света!
Как молния — священный дар стиха...
Когда б не буря, не удел поэта, —
Была бы жизнь моя пуста, глуха.

НАПРАСНО ПРОЖИТОЕ МГНОВЕНЬЕ

На небесах, на суше, в океане —
Повсюду жизнь... Шумит ее родник.
И, совершая нужное деянье,
Мы сами украшаем каждый миг.

А день, который бесполезно прожит,
В ночной тиши нас тяготит и гложет.

Пусть гложет! Всякому на пользу это!
Без недовольства ведь и жизни нет.
Не будет мрака, не оценим света,
Не обойтись без горестей и бед...

Лишь пустота — смертельна для поэта!

КАПЛИ БЕСКОНЕЧНЫЕ

Камилю Яшену

Ночь.

И снова — бессонница.
Нервы напряжены.
Что-то вот-вот тронется...
Что-то стучит в оконницу.
Рвется из тишины.

Что там? Хочу понять.
В слух обращаюсь. Так ли?
Вот опять и опять
Точат ночную гладь,
Падают мерно капли.

Прядает тишина.
Падают семена,
Каплют в ночное лоно,
Чертят за кругом круг.
Темен их перестук,
Но подчинен закону.

Этот закон — ритм.
Время его творит...
Капли все полновесней,
Ярче, звонче, крупней,

В двери души моей
Дерзко стучатся песней.

Повелевают круто:
— Шире открой тетрадь!

Слушай! Бери! Не трать
Золотые минуты.
В каждой — времени зов...
Время властно и жестко
Ждет от тебя — хоть горстку! —
Достойных его плодов!

* * *

Стихи, со мною бывшие в больнице,
С удушьем и ознобом наравне,
«Спасибо» молвить помогите мне
За доброту, что может только сниться.

Мы вместе с вами скажем «благодарствуй»
За легкие прикосновенья рук,
Они, как наилучшее лекарство,
Случилось, исцеляли злой недуг.

О, как порой дышалось тяжело!
Лежу недвижно в душевной полудреме.
А голос рядом все нежней, знакомей.
И, словно сквозь прозрачное стекло,
Там, в вышине,—

я ощущаю это!—

Пробилась струйка воздуха и света,
И, дрогнув, отступили страх и зло.

...В палатах спят.

У самых трудных даже,
Хоть ненадолго — боль приглушена.

Лишь вы одни, не знающие сна,
Лишь вы, о сестры, день и ночь на страже!
Не только шприц и белая таблетка,
Оружье ваше — нежность и тепло.
Вот и мое страданье отошло,
Я поправляюсь... Опустеет клетка...

И я на волю вылечу... Пора!
Спасибо, милосердная сестра,
За то, что, сидя здесь, у изголовья,
И не смыкая воспаленных глаз,
Вернули мне сокровище здоровья,
Что я могу стихи писать сейчас
Любви, терпенью вашему во славу.

Да будут, сестры, ваши сны легки,
Как наша благодарность, как стихи,
Что вам одним принадлежат по праву.

ДОКТОР!..

Доктор! Вы сказали: в легких — дело,
Легкие — простужены, больны...
Чтоб в груди стихотворенье зрело,
Легкие, конечно, мне нужны.

Что ж, на медицинском небосклоне —
Много звезд... Является сюда
Что ни день, то новая звезда,
Смотрит, изучает всесторонне.

«Шумы в легких!.. Да и кровь, на горе,
Слабовато борется сама».
Доктор!.. А быть может, корень хвори
В том, что в жилы ворвалась зима?

Если кровь бурлит и жаром пышет,—
Легкие легко и вольно дышат...

Доктор!.. Что там ни вливайте в вены —
Снадобья, надежду... даже кровь,—
Все ж законы жизни неизменны,
Молодость к нам не приходит вновь.

* * *

Послушно сердце лишь одной любви.
Земля и небо — все ничто пред нею.
Он взглянет — и огонь в твоей крови,
Язык твой немеет, леденея.

С любовью ты не сладишь нипочем,
Ты цепью не скуешь ее железной
И золотым не отомкнешь ключом.
И гнев, и уговоры — бесполезны.

В осколки душу разбивает взгляд,
И все ж любовь хранит осколок каждый.
Два берега, как два крыла, летят,
Два сердца мучатся единой жаждой.

ГОСТИ ЯВИЛИСЬ

Откройте,
Откройте окно перед ними,
Чье имя
Не сразу найти мне дано...
Весенние вестники?
Гости залетные?..
Вот они! Вот они!
Сестра, распахните пред ними окно!

Весна чуть намечена голубизною
На тонких сучках, на земле, на карнизах,
В сиреневых почках, очерченных хрупко.
Откройте окно
Перед парюю сизых,
Пронизанных светом, любовью, весною!..
Воркуют они — голубок и голубка.

Откройте окно!.. Я услышу их ближе,
Весну ощущающих раньше нас всех,
Их грудки крутые, их перья увижу.
Я вторгнусь в их мир! Разгляжу их обличье...
Откройте окно!
Не такой это грех —
Ушиться весеннею радостью птичьей!
Быть может, за легкими их крылами
Желанной, единственной песни пламя,
Той песни, что я ожидаю давно?

Откройте окно!

Или нет — погодите!

А вдруг мы спугнем это вешнее диво?

Любовь, как весна, и робка, и стыдлива

У всех на земле и во все времена.

Не надо!.. Их нежное счастье —

в зените...

...Не надо, сестра, открывать окна!

ГОДЫ, ГОДЫ...

Вот и осень моя убывает,
Зимний холод сжигает меня.
Я не знала, что холод бывает
Ненасытней любого огня.

В дни, когда моя жизнь пламенела,
Разве знала подобную боль?
Белый иней ложится на тело,
Как на рану открытую соль.

Я с холодной зимой в поединке,
Плачу — слезы мои не текут,
Превращаются в острые льдинки
И лицо постаревшее жгут.

Годы, годы... И я содрогаюсь,
Как побитая градом листва.
Неужели я с жизнью прощаюсь
И душа моя тлеет едва?

Или все мне приснилось в больнице,
И цветут за окошком сады,
И со мной никогда не случится
Этой самой последней беды?

Ах, больничная белая койка,
И озноб, и тоска... Все равно,
Хоть и сердце не камень, но стойко
Перетерпит и это оно.

ОТКРОЙТЕ ОКНО!

Только снег на вершинах отсюда я вижу,
Пододвиньте кровать к голубому окну.
Белый снег... Белизну я сейчас ненавижу,
Дайте я на зеленую землю взгляну.

Все деревья, как девушки, чисто умылись,
Причесались, надели наряд из парчи,
Руки-веточки солнечно зазолотились,
Словно к небу с земли потянулись лучи.

День весенний идет, как художник всеильный,
На урюк он легчайший румянец кладет,
А гранату он дарит багрянец обильный —
И меня пусть вниманием не обойдет!

Пусть к лицу не пристанут весенние краски,
Так хотя бы дыханье весны! В вышине
Мной воспетые птицы поют без опаски,
Пусть хотя бы их песни ворвутся ко мне!

Сердце музыки жаждет,— окно распахните!
Легким хочется ветра, раскройте окно!
Ничего нет целебней весенних событий,
Ах, простите, окошко раскрыто давно.

Это душно и тягостно мне от болезни,
И постель — то как снег, то как белый огонь...
Залетают в окно соловьиные песни,
И цветы осыпаются мне на ладонь.

* * *

Словно снег осыпается с белой луны.
Словно пар опускается с неба.
Тридцать дней пролетели.
Начало весны.
Тридцать дней моих были — и нету.

Мне взлететь бы, как этот таинственный снег,
И над временем и над недугом.
Только легкости давней покудова нет —
Нынче тело командует духом.

Тридцать дней!..
Целый месяц бесценный прошел.
Кто же скажет мне, сколько осталось?
Сколько дней и минут?..

Безучастным ножом

Не кромсай —

подожди, моя старость!

БЕССОНИЦА

Ночей и дней добрососедство...
Но где-то затерялся сон,
Ушел в песок, и мне в наследство
Бессонницу оставил он.

О ночь, я у тебя в неволе,
Мне тяжела сплошная тень,
Но о моей не знает боли
С тобой соседствующий день.

Клянуп тебя и умоляю,
Гоню тебя из дома прочь,
И все-таки благословляю
Тебя, мучительница ночь!

Мне за мое долготерпенье
Даруешь — что ни говори —
И радостное вдохновенье,
И предвкушение зари.

Ты достаешь из тьмы природы
Все драгоценности свои, —
И вижу я былые годы
Незабываемой любви.

Легко ли, если ночь бессонна?
Но, час рассветный обрета,

Я улыбаюсь изумленно,
Как выспавшееся дитя.

Мне всякий раз, когда светает,
Блаженно чудится в тиши,
Что тьму не утро отесняет,
А тихий свет моей души.

СОЛНЦУ

Солнце!

Из когтей жестокой ночи —
Вырвалась я к милости твоей.
За окошком — все нежней, все кротче
Гулит пара сизых голубей.

Жизнь блистает в красках небывалых
Предо мной, томившейся впотьмах.
Солнце, ты играешь на руках —
От болезни бледных, исхудалых,

Овеваешь волосы и лоб
Золотыми, теплыми крылами...
А давно ль меня терзал озноб,
Изо льда меня бросало в пламя?

Но, опять признав меня как друга,
Солнце, ты даруешь благодать
И остатки моего недуга
Обещаешься уврачевать.

Дышит аромат фиалок слабый,
Комната сияет белизной...
Друг мой Солнце!..

Уступить могла бы
Я тебя лишь вечности одной!

КОГО ТЫ ЖДЕШЬ?

На дорогу смотришь вновь и вновь.
Вижу, ты забыла о покое.
Что с тобой, красавица?.. Любовь?
Я-то знаю, что она такое!

Обещал прийти и не пришел?
Мучишься, а все же смотришь гордо.
Сердце у тебя как мягкий шелк,
Но свои слова ты держишь твердо.

Вижу, губ душистых лепестки
Пламеннее, ярче заалели.
Мечут искры гнева и тоски
Милые твои глаза газели.

О дитя! Тебе противна ложь!
Не случилось быть тебе коварной.
Ну признайся мне — кого ты ждешь?
Как зовется он, неблагодарный?

Или, знаешь, — лучше промолчи!
Надо ль называть непостоянство?!
Все бывает. Радуги лучи
Осеяют лишь на миг пространство.

Не грусти! Звезда взойдет, блестя,
Для души, не знающей измены.
Верь, любовь придет к тебе, дитя!
Счастье ты отыщешь непременно!

* * *

Завидую былым утрам, ночам и дням:
Я молодость мою ревную!
Мне жаль мою мечту, оставшуюся там,
Ту грусть и радость озорную.

Жаль дерзкой храбрости, отчаянности той,
Доверчивости, стоящей прозренья,
Любви наказанной, печали изжитой
И запоздалого смиренья...

Тех дней, когда несли на огненной волне
Меня мечты путем знакомым,
И песню радости гремело сердце мне,
Хотя рассудок был закован.

Казалось: ничего в огромном мире нет,
Лишь только смех, как солнце, ясный...
Теперь в душе твоей весь мир, весь белый свет,
Но где тот смех? Тот жар прекрасный?!

* * *

Вся жизнь ее была любовью огнекрылой,
Любовь кипела в ней мятущимся ключом.
Но, зависти полна, природа зарубила
И счастье, и любовь
безжалостным мечом.

Рассудок потеряв, она зажала рану
Дрожащею рукой. А кровь лилась, лилась...
Упала...

Но тотчас, подобная джейрану,
Подбитому в горах, шатаясь, поднялась.

И, мужество собрав, рванулась к жизни снова.
Не в жизни ли самой — рожденья смысл и цель?!
Неужто не спастись из тупика глухого?..
Покорно уступить?! Погибнуть неужель?!

Желанье жить росло в душе неудержимо.
В родник живой воды преобразился лед.
И сердце расцвело, забыв печали гнет,
Как по весне земля позабывает зиму.

Кипят в ее душе и радость, и восторг,
Пускай от детскости былой следа и нет,
Но жизнь опять полна, но жизнь, как прежде,
манит.

Блестяя и бурля, влечет ее поток.

О люди!..

Вновь душа ее сильна, тепла.

Она бы не смогла и помышлять о чуде,

И радость возратить вовеки б не смогла,

Когда б не мать-земля.

Когда б не вы, о люди!

НЕВЫСКАЗАННОЕ

В смущенье видишь:
их осталось много —
Тех слов,
что высказать не удалось.
А может, их-то жгучая
тревога
Сердца людей пронзила бы
насквозь!

Тебе мешала робость
или вялость...
Неужто их с собою унести?!
Ведь если слово людям
не досталось,
Как ты отыщешь новые пути?..

О чувства!..
Ураганы и бураны!
На миг притихните
в груди моей!
Чем больше повидашь
мир подлунный,
Тем смелость проявлять
тебе трудней.

Все ж для сомнений
истекает время.
Окрепли чувства.
Рвутся на простор.

НЕНУЖНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Ненужные волнения рассей,
А не рассеешь — подчинюсь покорно.
Со дня разлуки столько долгих дней,
А я все жду, все жду тебя упорно.

Ты словно мною выращенный сад,
Меня плодами наградивший втрое.
За муки, радости (не счесть наград!)
Навеки я в долгу перед судьбою.

От лишнего волненья огради,
Отраву жгучую не лей мне в жилы!
И от обид ненужных пощади,
Чтоб снова я стране моей служила.

РАСПУТЬЕ

Писала я,
И мыслей вереницу
Подстегивал бичом горячий стих.
Но есть в тетради у меня страница
Пустая
Меж других страниц моих.

Она зияет где-то посредине
Между зарей и угасаньем дня.
Она подобна выжженной пустыне.
Она — как рана в сердце у меня.

Распутье...
Влево повернуть иль вправо?
А путь уже немалый позади.
Там долгие труды мои, там слава
И боль загубленной любви в груди.

Распутье.
Сколько здесь оттенков всяких:
Успокоенье.
Горечь.
Властность.
Честь.

Хоть на стихах слезы горячей накупь,
Но рваться вверх
Стремленье
Тоже есть.

Распутье.

Гибель счастья и усталость.

Руины. Пламя вечного огня.

**И рану, что в душе навек осталась,
Лечить подделками — не для меня!**

Но возникает, душу освежая,

Зиянье заполняя до конца,

Сознание, что радость есть чужая,

Что я людские радую сердца!

Как не бывает пустоты в природе,

Так в жизни нет бессмысленных помех.

Вовеки не наполнится колодец...

Боюсь, не хватит мне распутий всех!

Э Т Ю Д

Зима.

Снега белы, что облака.

Снега белее материнской груди.

Зима сияет, празднично-легка.

Прозрачность. Свежесть. Девственность.

Безлюдье.

Тончайшим снегом опушенный сук —

Как веточка вишневая в апреле.

И, как весной, душа проснулась вдруг,

И весело ей на чужом веселье.

Я О ЖИЗНИ ПРОШЕДШЕЙ

Перелистав прошедшего тетрадь,
Я поняла, что не жила вполсилы:
В дни счастья не боялась хохотать,
Когда любила, всей душой любила.

Во что одета, в ситцы иль в шелка,
Не замечала от избытка чувства.
Любовь погибла, и пришла тоска,
Смягчить ее мне помогло искусство.

Припоминая жизнь за годом год,
Не предаюсь ненужной укоризне.
Утратам и дарам потерян счет.
Изведала я горе и почет...
И я за это благодарна жизни!

Б У Д У Щ Е Е

Будущее!

Ты пред глазами моими.
Спешу,
ухватясь за подол мечты,
Навстречу тебе...

И все уловимей
Твои громоздящиеся хребты.
Все оцутимее, все родней
Гордые выси
грядущих дней.

«Завтра!»

Кто в прошлом
тебя не звал,
Радуюсь дням счастливым заранее?!
Бегу.
Взбираюсь на перевал,
Не складывая
крыльев желания.

«Завтра!»

Чудеснейшая из стран!
Тайна для нас —
твоя стать, твоя суть.
Знаю одно:
ни мудрец,
ни тиран
Не пресечет твой победный путь!

«Завтра!»

Вижу твой мощный кряж.
Чем одаришь ты людей, ликуя?..
Что возрастишь?

Какая из чаш
Все-таки перевесит другую?
Что одолеет,
что встанет над всеми?—
Непогрешимое
взвесит
Время.

Наше Сегодня —

народов пир,
Где за труды воздают с лихвою.
Светел и ярк

сегодняшний мир.
Завтрашний мир —
лучезарней вдвое!

«Завтра!»

Спешу за тобой...
Куда ты?..
Повремени!..

Хоть минутку побудь
С нами,
детьми эпохи крылатой,
К звездам
впервые наметившим путь!
Нет, убегает, огнем паля...
Вечно в пути оно — как Земля.

«Завтра!»

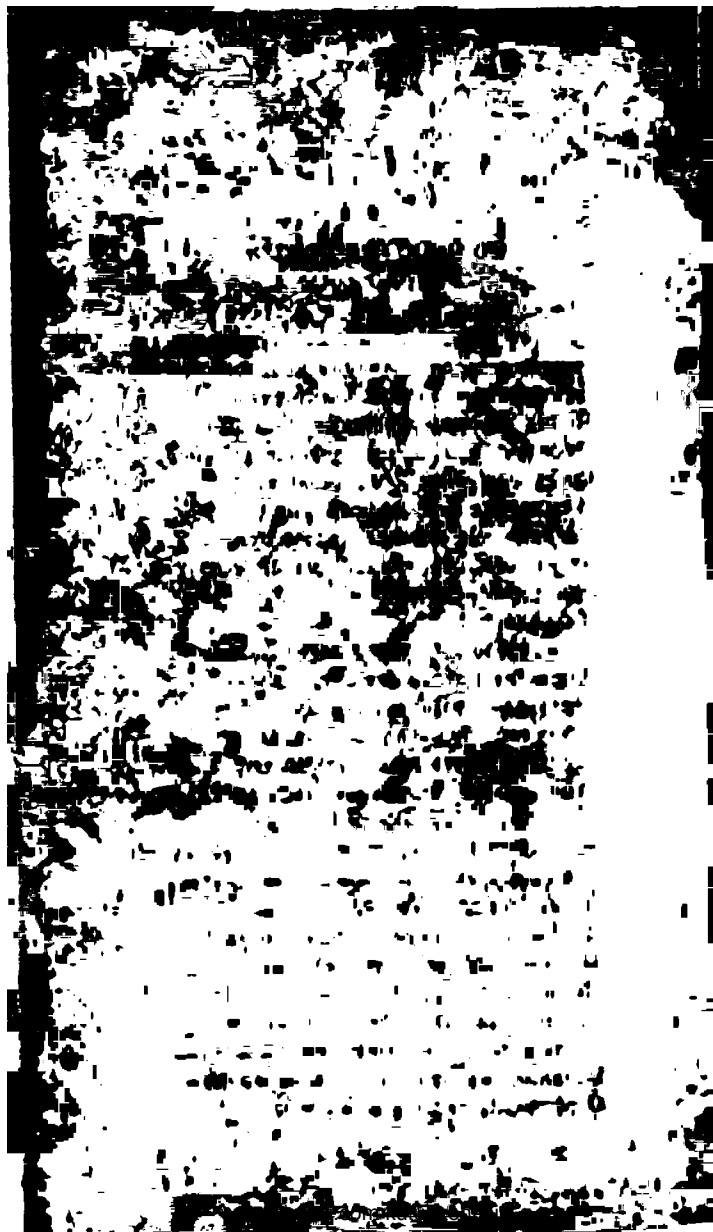
Постой!
Осени мой стих!
Крыльев твоих ловлю серебро.

В небе парят они...
Все же с них
Нет-нет
на дорогу
слетит перо.
Вон серебрится издалека...

Где я следов твоих не нашла?!
На рукавах,
На концах платка —
Перышки твоего крыла.
На беспредельном, как мир, дастархане,
«Завтра», я чую твоё дыханье.
Пусть я тебя не схвачу, пусть!
В песню не заключу, пусть!
Пусть моя жизнь — лишь одно мгновенье,
И, зацепившись за выси гор,
Все ж не рассмотрит тебя в упор
Мое вдохновение,
Пусть воспоют тебя в песнях иных —
Короток существования миг!—
Те, что юнее нас, дерзновеннее.
Все же, о Завтра, тебе — хвала!..
Волнуюсь, будто сама создала
Новых, великих стихов сияние.
Юность вернулась к душе моей
И все звучней, все сильнее в ней
С Временем нашим, с людьми слияние!

НОЧЬ ПОЛНА СТИХОВ

НОЧЬ ПОЛНА СТИХОВ

Мне чудится, что ночь полна стихов,
И пусть не всех ее живые звуки
Влекут к себе,— рабочий день таков,
Что сильные, натруженные руки
Покоя жаждут в тишине ночной,—
Мне ночь нужна, она дружна со мной,
Когда она поет, и мне поется,
И снизойдя к желаниям моим,
Покорно сон со мною растается.
Ну что же, сон, ступай, спеши к другим,
Они в тебе нуждаются!
Им надо
Спокойно отдохнуть в твоей тиши,
А у меня другая есть отрада —
Свеченье человеческой души.
В ночном сердцебиении завода
Я слышу явственней сердца людей,
Огни жилищ, бульваров, небосвода
Становятся мне ближе и родней.
Без тех огней нам было б в мире пусто!
А над землей, чтоб заново сверкнуть,
Летят, летят созвездия искусства
И образуют новый Млечный путь.
И ответ их высокого служенья
Мы в памяти признательно храним,
И неподвластны силе притяженья
Их тяга к нам и наши чувства к ним.
Вдохновлены трудом и делом правым
Соратники, творцы и мастера,

И я горжусь, что обладаю правом
Встречать их как хозяйка и сестра.
Дел много у меня, но что за счастье —
Глаза приблизить к дружеским глазам!
О, если б сердце разделить на части
И поровну раздать его друзьям!
О, если бы создать стихотворенье
С крылатой мощью страсти и ума,
Отважное, как родины боренье,
И светоносное, как жизнь сама!
Чтоб, как достойный спутник, шла я с теми,
Кто достигает истинных высот,
Кто трудится, опережая время,
И этим самым время создает!
Рождается в душе за словом слово,
Как в горных скалах — пенная струя,
Моим глазам не надо сна ночного:
Постичь им надо сущность бытия.
Мой стих выходит утром с хлопкоробом,
С рабочим вместе он вступает в цех,
Но по ночам с волнением особым
Мне хочется работать ради всех.
Пусть погружен мой город в сон глубокий,—
Не сплю, встречаю за столом зарю:
Чистейшие свои слова и строки,
Мне кажется, я по ночам творю.
Тогда я вторю колыбельным песням,—
Бессмертному сказанью матерей,
Лиманам лунным,
Рощам поднебесным,
Весне садов
И глубине морей.
Ищу первопричину всех событий,
Я внутренним наполнена огнем...
Пусть не дано мне пресыщаться сном,
Но чем же пресыщалась я, скажите?!

Т Ю Л Ь П А Н Ы

Тюльпаны, тюльпаны,—
Повсюду тюльпаны,
В тюльпанах вселенная вся:
Вдали водопад закружился багряный.
Над самым ущельем вися.
А здесь, предо мною,
Сияя, ликуя,
Лежит беспредельный ковер,
И дальше ни шагу ступить не могу я,—
К тюльпанам прикован мой взор.

Ну что ж, повинюсь,
Я была молодою,
Топтала, срывала цветы,
Хотя и пленялась я их красотой,
Мне не было жаль красоты.

Как жадно цветы вырывала я с корнем,
Дивясь то одним, то другим,
И красное пламя тюльпанов
Я к черным
Глазам прижимала своим.

Как будто на ватном цветном одеяле,
Лежала на поле ничком,—
И горы теснились,
И доли пылали,—
Я их обходила пешком.
Прошли облаков

И годов караваны...
Долины пылают опять.

О нет, ни за что не осмелюсь тюльпаны
Теперь я топтать и срывать.

И мысленно я заклинаю прохожих
Земную беречь красоту:
Взгляните!
На детские щеки похожи
Долины в румянном цвету!

Мне кажется:
Каждый трепещущий венчик —
Живой кровеносный сосуд.
Как дети в семье жизнестойкой,
Пусть вечно
И вольно тюльпаны растут.

Тюльпаны —
Младенцы весеннего края!
Тюльпаны — вблизи и вдали...
Над ними я песню свою простираю,
Как над колыбелью земли.

О ТВОРЧЕСТВО!..

О злая страсть!.. Покоя моего
Губительница!.. Ты — сильней всеильных!
Ночей моих безжалостный светильник,
То — своенравнейшее существо,
Которое в мучительную ночь
Я то зову, то прогоняю прочь.

Недуг, которым тяжело я больна,
Бальзам, который исцеляет раны...

Уйди!.. Оставь меня!..

Я жажду сна!

Перо бросаю на пол...

Как ни странно,—

Все тихо.

Я гашу светильник свой,
В подушку зарываюсь головой...

Да, головой... Но в голове моей,
Подобно стае птиц, мнутся думы.
Шумят.. Вот-вот оглохну я от шума...
Их неумный гомон все слышней...

Послушайте вы, птицы!..

Поздний час!

Эй, прекратите дерзкие забавы!
Летите прочь!.. Ведь крылья есть у вас!
Ведь все же я на сон имею право!
Нет!.. Сердце все воюет с головой.
По жилам ток струится огневой.
Вновь кто-то — в комнате, меня тревожа...

Пусть я — поэт, но женщина я все же!
Как все другие, я поспать должна,
Чтоб утром встать, помолодев от сна...

Увы!.. Неумолимая волна
Несет меня на жесткий берег бденья...
Ищу перо... Где быть ему, перу?..
Не нахожу.. В поспешности, в забвенье
Чуть слышно бормочу стихотворенье...
Я запишу позднее, поутру...

О муза!.. На тебя я негодную.
И то дружу с тобою. То — враждую.

Но день приходит, словно критик, строг.
Придирчивое обращает ухо
К стихам, проверит каждую из строк...
И, если в строчках ни паренья духа,
Ни теплоты сердечной не найдешь,
Цена моей ночной работе — грош!
И все, что я насочиняла ночью,
Перечитав, я разрываю в клочья.
Но иногда... Стихи, что я творю
В жестоких муках,
  вдруг заденут струны
В сердцах...

  И я встаю встречать зарю,
Подобно женщине счастливой, юной,
Чей облик сладкий сон омолодил.
И я смеюсь — в приливе свежих сил.
И, позабыв страдания ночей,
На жизнь опять я получила право...

О творчество!.. Судьба моя и слава.
Болезнь и счастье.

  Лик души моей.

ВОЛШЕБНАЯ СВИРЕЛЬ

Художнику Чингизу Ахмарову

Я пред величием, робкая, стою,
Пред красотой мысль моя немеет,—
О них строка заговорить не смеет,
Так как же с мыслью слово я солью?

Смотрю — и задыхаюсь от волнения:
Восторг мой перед красками таков,
Что я немею от благоговенья,
И сил мне не хватает для стихов.

Я этой кисти чудо и особенность
Пыталась выразить в стихе живом,
Но, зачарованная мастерством,
Такая дерзость превращалась в робость.

Смогу ли сделать песней полотно,
Когда так трудно краскам в строчках тесных?
О как мне далеко до вас, кудесник,
Которому животворить дано!

Природа одарила вас, не зная,
Что будет вам завидовать, мой друг.
При виде вашего джейрана вдруг
В душе увядшей вспыхнет юность мая.

Жар сердца, ваша кисть и острый глаз
В пласты столетий проникают смело,
Вы, время подчинив себе всецело,
Былое оживляете для нас.

Забытый люд — и гневные владыки...
Одна судьба у шахов и царей:
От бури мести праведной их лики,
Как камни, тонут в глубине морей.

Со мной вступают предки в разговоры:
Вот зодчий, вот писатель, вот феллах.
Я — во дворце бессмертья, где узоры
Вы нанесли навеки на стенах.

Я вижу свой народ многовековый:
Он беден был — душа была горда.
С его лица мои уста готовы
Снять слезы, будто градинки с плода.

В глазах, в глаза судьбы глядевших грозно.—
Нет, не печаль, возмездья жар святой.
Их чернота — о боже! — светит звездной,
Не сонною, а нежной чернотой.

Вот ангел — не царевна, не княгиня,
Хоть золотым украшена венцом,—
То мученица страсти, то рабыня
С надменно-целомудренным лицом.

В стихе смогу ли воссоздать боренье
Мятежных чувств? Где я найду слова,
Чтоб этих красок повторить горенье,
Слиянье разума и волшебства!

Расписанные стены и порталы —
Сказанья встреч, вражды, любви, разлук,
И зорь, и зарев отблеск небывалый,
И каждой краски — страстный зов и звук.

Вы прошлое нелегкое узбека
Могучей кистью воспроизводя,
Явили солнце нынешнего века,
Взошедшее для нас после дождя.

Что вам успех и славы шум хвалебный?
Подвижнический труд — вот ваш оплот.
И мне свирелью кажется волшебной
Такая кисть, что песню создает.

Искусство не находит выраженья
В деньгах иль жемчугах. Его завет —
Самопожертвованье и служенье
Народу, чтоб в сердцах зажегся свет,

И лишь в сердцах ему дано бессмертье,—
Так вправе ли я с вами говорить?
Мой славный живописец, мне поверьте:
Вы рождены, чтоб вечность нам дарить.

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Самеду Вургуну

1. СВИДАНИЕ

Свиданьем дивным я вдохновлена,
И скорбный праздник сердца не нарушу.
Сегодня не каспийская волна —
Печаль и радость всколыхнули душу.

К Вургуну мы идем...

Перед дверьми
Остановилась я в благоговеньи...
Нет, не коснусь своей ногой ступеней!..
О сердце!.. Над землею подними!

Взлетим!..

На белом камне этих плит
Еще горят следы его живые.
Я вижу их заметы огневые...
Неужто шаг людской их пригасит?

О сердце... Легкость дай стопам моим!
Пусть на мгновенье станут невесомы!
Хочу под сенью дорогого дома
Соприкоснуться с вечностью на миг!

Ступеней ряд!..

Он помнит, он видал,
Как нарастает вдохновенья шквал.
Здесь легкая фантазия витала...
И иногда он здесь бродил усталый.

Кто не вступал под светлый этот свод?..
И те, о ком везде гремела слава,—
Кто говорил с хозяином по праву,
Ученики, читатели, народ...

Юнцы и старцы из далекой дали,
Быть может, также волновались, ждали...

Нет, никого не заставлял он ждать!
Здесь каждый человек был гость желанный!
Радушием
Хозяин был под стать
Родной своей земле — Азербайджану.

«Был!..»
Боже мой!
Уже — за гранью мира
Прекрасный облик, и глаза, и взгляд...
Но дом его, семья, друзья и лира
Черты неповторимые хранят,
Чтоб мы живое услышали слово,
Чтоб мы его увидели — живого!

Благодарю, о сердце!
Ты в пути
Незримые мне подарило крылья.
Так соверши еще одно усилие;
Свиданье приближается...
Взлети!

2. ПАПИРОСА

Я — не курильщица.
И папирос
Я не люблю.
Но пред одной-единой,

Докуренной едва до половины,
Сегодня мне затрепетать пришлось.
Лежит она и ждет уже давно,
Увядшей стала, стала пожелтелой.
Она — как недопитое вино,
Как сердце, что ответить не успело,
В котором что-то вдруг оборвалось,
В котором больше — ни любви, ни слез.

Но, кажется, невидимый дымок
Куруется до сих пор еще над нею...
Он в этой дымке легче думать мог,
В ней становились образы виднее,
Мне кажется, на папиросе — след
Едва возникшего стихотворенья
И тут же — след последнего боренья
С костлявой, той, кого жесточе нет.

Воитель, покорявший не в бою
И не оружием — другою силой!..
Кто мощь крылатую сломил твою?
Чья злоба твой полет остановила,
И только песнь осталась на земле?

Желтеет папироса на столе.
Тоскуя горько о губах поэта,
Все вянет, вянет на столе она...
Да, недокурена она — одна,
А сколько, сколько песен недопето!

ПУШКИНУ

Знаете, я — женщина Востока,
А у нас законы таковы:
С тем, кого мы любим столь глубоко,
Говорить положено на «вы».
Пушкин!.. Люди разных поколений
Чтут у нас ваш лучезарный гений!

И Восток поэтами гордится.
Он многообразен, наш диван:
Раб в оковах,
Пленная вдовица,
А случилось, и могучий хан,
Утомясь от безграничной власти,
Предавался стихотворной страсти.

Издавна Восток с искусством дружен.
Столько роз вместил наш старый сад,
Столько ослепительных жемчужин
Росами на лепестках блестят!
Звезды яркие у нас зажгли
Навои, Хафиз и Физули!..
Быть меж ними на почетном месте
Не обидно и для вашей чести.

Можно, я на миг в тот сад войду?..
Скромной тенью проскользну по следу
И послушаю, о чем в саду
Старцы мудрые ведут беседу.

Окружив кудрявого певца,
Чей глагол людские жег сердца.

Вот они под ароматной сенью
Не спеша беседуют в тиши.
Молвит Навои:

«Стихотворенье —
Это спутник жаждущей души»...

Я сказать ни слова не посмею,
Но, признаюсь, с детства и позднее,—
Да, в течение всех дней моих!—
Спутником моей души был стих:
Навои родного лад высокий,
Ваши, Пушкин, огненные строки.

В нашем солнечном Узбекистане,
От Пальмиры Северной вдали,
Так же, как с печальной Лейли,
Я сдружилась с вашей милой Таней,
В чьей судьбе — как мне понятно это!—
Верность наша женская воспета!

Пушкин! Вы когда-то предсказали,
Что к народам вы придете всем,
Но о тех вы думали едва ли,
Кто при вас был темен, глух и нем
И кого топтал ваш век жестокий,—
О безгласных женщинах Востока.

А теперь... О как вы нам близки
В дни веселья, в смутный час тоски!..

Знаете, ведь правнучки Заремы
И калмычки — женщины степной —
Ваши сказки, песни и поэмы

Переводят на язык родной.
И находит племя молодое
В ваших строках не одно былое.

Тем-то гениальность и сильна,
Что в одно связует времена.

С нашим днем вы слиты нераздельно,
Но когда над сыном мать поет,
То она протяжной колыбельной
Будущим векам передает
Вашу мудрость, ваше милосердье,
Ваше, Пушкин, гордое бессмертье!..

КАРАВАН МОЕЙ ЖИЗНИ

(Новогоднее стихотворение)

Мое волнение все острее...
Полночный час настал.
Вновь караван судьбы моей
Ступил на перевал.

С печалью оставляю тот —
Пресветлый прошлый год,
Он, как друзей любимых дом,
Наполнен был теплом.

Не шутка это — целый год,
Когда не молода!
А что меня в грядущем ждет:
Удача иль беда?..

Тот год, как щедрая рука,
Мне чудеса дарил,
И я жила — горда, крепка,
В приливе новых сил.

Сверх меры вознаграждена,
Чем я воздать смогу?
Судьбе и людям я должна,
Кругом, кругом — в долгу!

Удастся ли мне дать ответ,
Друзья, достойный вас?!
Ведь за плечами — столько лет!
Скудеет сил запас.

Что ж, если вянет в некий срок
Людское естество,—
Я брошусь в песенный поток
Народа моего.

Со счастьем всех людей сольюсь.
— Извечен наш союз!—
Но будут новые стихи
Как ручейки,— тихи.

Терпенье, верность, строгий труд
Они в себя вберут,
И я дорогою одной
Пойду с моей страной.

Веленью лучших чувств моих
Послушен был мой стих.
Да не нарушит новых строк
Ни горечь, ни упрек!

Не изменю своих путей
И в будущем году,
И караван судьбы своей
Все выше поведу.

СЕРДЦЕ НА ЭКРАНЕ

Неправда, доктор... Не мое оно —
То сердце, что сжимается столь мерно!
Нам с ним покоя не было дано,
Отобразили вы его неверно!

Нет, сердце, что своим считала я,
То устремлялось ласточкой к лазури,
А то взбиралось, будто бы ладья,
На гребни волн
под грозный рокот бури.

Мы с ним всегда горели и горим...
Откуда это ровное биенье?!
Ритм сердца?! Может статься, это — ритм
Родившегося в нем стихотворенья?..

Нет, мир, что в сердце заключен моем,
Не может уместиться на экране!
И сердце —

темной ночью белым днем —
Игралище волнений и желаний!

Стремясь в сердца другие прорасти,
Оно ломает узы тесной плоти,
Оно всегда в движении, в пути,
В погоне за мелодией, в полете!..

А может быть, летя сквозь ураган.
Оно устало от последней вспышки,
И в этот миг случайный — передышки
Его перенесли вы на экран!

БЕЗЫМЯННЫЙ ПОДАРОК

Был он прислан — букет безымянный —
В день счастливый, в день свадьбы твоей.
Взволновалась ты,— это ль не странно?—
Иль цветов не видала пышней?..

Но казалось тебе, что усталость
И раздумье легли на цветы.
Точно чья-то душа сомневалась:
«Может статься, рассердишься ты?..»

Кто прислал их?.. Кто тот, неизвестный,
Что и встречи с тобой не искал?..
Но подарок его бессловесный
Тайно сердце твое приласкал.

Верно, кем-то была ты любима,
Чья-то ласка — робка и нежна —
Вкруг тебя трепетала незримо,—
Не видна, как при солнце — луна.

Кто — он? Где он? Узнаешь едва ли...
Но когда бы для каждой, для всех
Вот такие цветы расцветали,—
Жизни цвет не увял бы вовек!

НОВЫЕ ЗЕМЛИ

Новые земли ждут новых рук,
Жаждают новых дорог!
Ждут, чтобы ты разбудил их, друг,
Чтобы ты им помог!

Новые земли ждут, чтоб для них
Тоже зажглась заря.
Ждут они добрых забот твоих,
Молят тебя, говоря:

— Знаем, что мысли твои летят
К звездам и облакам,
Все ж обрати на землю свой взгляд.
Друг, опустишь к нам!

Мы позабыты, мы не нужны,
Расшевели застой!
Освободи от злой тишины!
Вспрысни живой водой!

Долго ль нам бременем быть для всех?!
Солнце — не в радость нам!
Нам не на пользу ни дождь, ни снег.
Это ж — позор и срам!

Эй, разрыхли засохшую гладь
И семена готовы!
Может пустыня злаки питать
Чистые, как любовь!

Люди!.. Спорьте с трибун о нас,
Можете даже ругнуть...
Станем мы счастьем для ваших глаз,
Гордо расправив грудь.

Новые земли ждут сильных рук,
Земли дехканина ждут.
К нам обратись
и увидишь, друг:
Вознаградится труд!

ПРОСТИ МЕНЯ, МОЯ МОЛОДОСТЬ

О молнии мы знаем: просверкнет
И все!..

Блистанье это быстротечно.
А молодость?.. Нам кажется, что взлет
Весенних наших сил продлится вечно.

Да, да, я виновата пред тобой,
О молодость моя!.. Тебе, возможно,
Казалась я холодной, скупой,
А иногда — не в меру осторожной.

Прости за то, что у руки моей
Замедлить бег твой не достало силы!
Вулкан бурлящих молодых страстей
Израненное сердце не вместило.

Удар тот первый слишком был остер.
Глубокой ране — все не исцелиться.
И в существе моем и до сих пор
Беззвучно стонет каждая частица.

Да, я жила, порывы притушив,
Не искрилась, не высекала искры...
Почуяв надвигающийся взрыв,
Рассудком я его гасила быстро.

Ты радостью была обделена,
Счастливых дней тебе досталось мало.

Но чувствами, которым грош — цена,
Я, молодость, тебя не унижала.

И знай, о нерасцветший мой цветок,
Что о тебе грустила я несмело
С тех самых пор, как на тебя он лег,
Тот снег нetaющий, как саван белый!

ЗВЕЗДНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

«Не светят звезды», — так нам говорят.
В природе странностей таких довольно.
Но, если в небо устремляешь взгляд, —
Глазам от звездного сиянья — больно.

О тайнах звезд спросите у меня.
Я знаю силу звездного накала —
Не раз в потоки звездного огня
Я, восторгаясь, душу окунала.

А звездный дождь?!

В жестокий час тоски
Те ливни звездные забыть могу ли?!
Они пылали, зимам вопреки,
И грели, словно солнышко в июле.

И если кто тебя звездой звезд
Признает и полюбит беспредельно,
Расслышишь ты
и через сотни верст
Звучанье звездной песни колыбельной.

* * *

Письмо от друга наконец пришло,
И сквозь конверт оно меня ожгло...
Да не остынут чувства молодые!
Мы сохраним их — возрасту назло!

ХОЧУ УЗНАТЬ...

Сколько их,
Сколько людей вокруг,
Там, вдалеке,
И рядом со мной!..
Каждый — совсем особый, иной.
Каждый из них с другим
Несравним.
В каждом — отдельный мир заключен.
Если бы, солнечным став лучом,
К сердцу его отыскать пути!..
Нет, не могу найти!

Люди!.. Мне хочется вникнуть в них!
Скрытых желаний вкусить живицу.
Губы свои погрузить в родник.
Воздухом стать.
Во всех раствориться.

В жилы их влиться,
Сердец биенья
Преображая в стихотворенья,
Зернышко
В каждой найти судьбе.
Каждого показать себе.

Чтобы себя он увидел сам,
Освободясь от смущенья ненужного.
Как я хочу исцелить недужного,
В сердце больного пролить бальзам!

О как хочу,
Как хочу я знать —
Кто в этот час утешенья жаждет!
Жаль, что живем мы только однажды!
Тысячу жизней я отдала б
Тем, кто печален, обижен, слаб!
Не для того ль и на свете я?
Разве не в этом — смысл бытия?!

Сердце мужское я знать бы хотела!
Может ли так же и сердце мужское
Вываться прочь за земные пределы,
Если любовной горит тоскою?!

Женское сердце — оно мне известно:
Из одного нас лепили теста...

Женские судьбы!.. Их без числа
Я на плечах своих пронесла.
Думать о женских путях не устала...

Не оттого ли мудрее стала?..

ДРУЗЬЯМ МОИМ

Как сердце у меня сейчас болит!
От одиночества растёт усталость.
Нет, мне никто не причинял обид,—
По вас, друзья, душа изголодалась!

Без вас я ввергнута в пучину бед.
Когда б сейчас всех вас могла собрать я!
Без ваших жарких споров и бесед
Мне жизнь — не в жизнь, друзья мои, собратья!

И по бумаге чуть бредет перо
Лишь потому, что жгучее желанье
Всех вас увидеть так во мне остро,
Что не хватает силы для посланья!

Где вы, друзья?..

Я прилечу, спеша.

Пусть вы меня, случалось, побеждали,
Но в спорах закаляется душа,
И, закалясь, она — прочнее стали.

Покой мне вреден.

Моему перу

Не тишина нужна — боренье, пламя!..

Так я живу.

А если и умру,

То пусть умру в кругу друзей, меж вами!

ДОЖДЬ

Природы щедрое дитя,
О добрый дождь, не ты ль
Летишь с небес, шумя, блестя,
С земли смывая пыль?!

К пустыне, к жаждущим степям
Прильнет губами высь,—
Как будто Ева и Адам
В объятии слились,

И приближается весна,
И бурно тает лед,
Тобой оплодотворена
Земля опять живет.

Прими, о дождь — целитель трав —
В учение меня!
И заблещу я, каплей став,
Пустыни прочь гоня,

И всем росткам и семенам
Я силу жизни дам,
И, как дехканин, в суть труда
Проникну я тогда.

Не счастье ль это — каплей стать,
В огромный мир войдя?!
Вкуси, о сердце, благодать!
Иди путем дождя!

Шуми, о ливень!.. Оживи
Бесплодие пустынь!
Пусть хлещешь ты больней любви,—
Ударь сильнее! Хлынь!..

Вновь зажигая свет во мне,
О дождь, живой струей
Оставшиеся в глубине
Песчинки боли смой!

ОГНЕННЫЙ ВОДОПАД

Ночь, словно море — без конца, без края.
Созвездья, будто на волнах, дрожат.
И там, вверху, пылает, не сгорая,
Фонтан огней, струистый огнепад.

То не гроза ль во всей великой силе?..
Нет, это люди озарили высь!
Огонь с водой они соединили
И приказали им, двоим: «Борись!»

И борются,
И пламени багрянцы
С кипучей влагой не кончают спор.
Как есть — цыганка в исступленном танце,—
Кружится, плещет косами костер...

А мы, как будто по ступеням храма,
По лестнице восходим не спеша.
То замирает, то опять упрямо
Летит навстречу пламени душа.

Две женщины. И — третий между нами.
Ведет нас под руки наш добрый друг.
Мы знаем, что мужского сердца пламя
Живит нам сердце, окрыляя дух.

Наш друг, секретом жизненным владея,
Порою сам Везувию под стать.

ИЩУ!

Хотя я устаю, и день рабочий,
Чтоб выспаться, небесный гасит свет,
Займствую часы у поздней ночи:
Того, кого со мною рядом нет,

Ищу!

Передо мною зеркало былого,
В нем я сама и друг мой, и весна,
И первое рифмованное слово,
С которым музыка обручена,—
И смерти нет, и молоды мы снова!—
Я доказательства, что жизнь вечна,

Ищу!

У тех, кого я выкормила грудью,
У тех, в чьем сердце кровь моя кипит,
Уже свои пути и перепутья,
Свои мечты, свой повседневный быт.
И я не только в памяти своей,
Но и во всех приметах жизни нашей,
Того, кто был меня умней и краше,
Смелей, и окрыленной, и сильней,

Ищу!

Проходят дни своею чередою.
И сопрягают на своем ходу

Труды с тщетою, и плоды с мечтою,
С восторгом боль, и с радостью беду.
Того, с кем поделиться бы хотела
Тревогами, связующими нас,
Забочами, нелегкими подчас,
И радостью, которой нет предела,

Ищу!

Ищу его и не могу найти!
Но разве наши разошлись пути?
Но разве наши дети, наши внуки
Не повторяют друга моего?
Нет, никогда мы не были в разлуке!
Но я ищущего, ищущего...

ТЕБЯ ВОСПЕВАЮ, ЖИЗНЬ!

Когда не могу я излиться до дна,
Хоть жизни бесценным сознанием полна,
Когда я бессильна, когда больна,
И чувства бесплодны, и мысль тяжела,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Когда для меня ты опять нова,
Как новой талантливой книги глава,
И снова в душе затрепещут слова,—
Проклятье безмолвья сжигая дотла,
Тебя воспеваю, жизнь!

Когда свои песни природа поет,
По осени зреет на ветке плод,
Иль горы зимой одеваются в лед,
Чтоб снова земля по весне расцвела,—
Тебя воспеваю, жизнь!

О жизни!.. Ты совсем как ребенок!.. Вдруг
Ты радость мне даришь, а то — испуг.
Ты — труд мой бессонный, мой вечный недуг!
В те дни, когда жду, чтоб откликнулся друг,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Как редкостный дар, ты сладка и светла.
Ведь каждая жизнь, пусть она и мала!—

Но в ней чудесам все равно нет числа!..
Чтоб в памяти заново жизнь я прошла,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Но мне воспевать тебя все сложнее,
Ведь я это — ты!.. Разомкни, разбей,—
Не выйдет!.. Окрепни в душе моей,
Чтоб счастье излить я в стихах смогла,
Тебя воспевая, жизнь!

Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.

ПОЭМЫ

**ФАРХАДОМ ЗВАЛСЯ ОН
ВСЕ ПОМЫСЛЫ МОИ В ШАХИМАРДАНЕ
ПОЭМА ОГНЯ И ДОРОГИ
МУШОИРА**

ПОЭМЫ

ФАРХАДОМ ЗВАЛСЯ ОН

I

Прозрачно небо. Ветер с гор
Долины освежил простор.
Вершины снежной белизна,
А у подножья гор — весна.

Среди утесов по тропе,
Навстречу солнцу и судьбе,
Мечтой о девушке объят,
Шел смелый юноша Фархад.

В его глазах — любви недуг.
Но где бальзам от этих мук?
Он среди гор, среди долин
Идет искать свою Ширин.

Волнением встречи дышит грудь,
Способен горы он свернуть.
В пустыне б, верно, сад расцвел,
Когда бы он Ширин нашел.

Тогда, водой напоена,
В сад превратится вся страна.
Фархад любимую найдет,
Он силы у любви берет.

Ширин придет, придет она,
Как в небо светлая луна.
И скажет: «Дал ты жизнь стране.
Ты стал, как счастье, дорог мне!»

О, если б видела Ширин,
Как он тоскует здесь один,
Она узнала бы, что он
Навечно с нею обручен.

Он пел о солнцеликой, той,
Что блещет дивной красотой.
Ему внимает горный край,
И вторит песне звонкий най.

И этой песней опьянен,
Его мелодией пленен.
Неся прохладу, ветерок
В лицо джигита дул. Цветок —

Его у нас зовут райхон —
Раскрыл свой розовый бутон,
И в голубые небеса
Нежнейший запах полился.

Внимая песне, тростники
Качнулись в лад ей у реки.
Внимая песне, соловей
Забыл мгновенно о своей.

И лань, готовая к прыжку,
Застыла вдруг. Свою тоску
Он, в песню вылив, изнемог
И тихо на землю прилег.

И позаботились о нем
Цветы, роскошным став ковром.
Колючка на сухом песке
Желала стать цветком в руке.

И, как заря в горах, багрян,
Расцвел для юноши тюльпан.
Весь воздух, что звенел вокруг,
Желал унять его недуг.

Певец влюбленный замолчал.
И голос эха зазвучал:
— Тебя Фархадом нарекли
Во славу матери-земли.

Пусть это имя повторят
Леса и горы все: «Фархад!».
Что означает с давних пор:
«Великий победитель гор».

Чтобы свою Ширин найти,
Ты сроешь горы на пути.
Смелей иди, гор властелин,
И ты найдешь свою Ширин!

...Аплодисментов мощный вал
Собой заполнил светлый зал.
Стоял артист, и торжество
Во взгляде было у него.

Опущен занавес. И вновь
Он поднят. Будоражат кровь
Аплодисменты без конца,
Цветы летят к ногам певца.

Стоял артист. Как был он рад,
Что людям по сердцу Фархад,
Что песня для людей как свет,—
Ему награды большей нет.

И долго, долго не стихал
Искусством покоренный зал.

II

Жизнь, как долинная весна,
Была безоблачно ясна.
Пестрели на лугах цветы,
Смеялось солнце с высоты,
Под этим солнцем жил народ,
Смотря уверенно вперед.

Но, небо счастья затемнив,
Весну в ненастье превратив,
На родину напал фашист...
Тревогу протрубил горнист.

И пожилой и молодой
С оружием встали в грозный строй.
Ни сил, ни жизни не щадя,
И день и ночь бои ведя,
Мы шли к победе. Хлопкороб,
Простой рабочий, землекоп,
Художник — все богатыри,
И среди них — Кабул-кари.
Искусству он сказал: «Прощай!»
И в бой пошел за отчий край.

III

Кабул-кари пришел в себя.
Глаза сиянием слепя,
Стояло солнце в вышине.
Он поразился тишине.

Лежал он в поле недвижим,
Его оружие — рядом с ним,
И, как струна, напряжена,
Давила уши тишина.

Вот, пронизав его насквозь,
Дыханье боя донеслось.
Он поднял голову, взглянул.
И взгляд в просторе утонул.
Степная Украины даль
Лежала как сама печаль,
И канонадой ухал фронт,
И весь в огне был горизонт.

Где ни ступил проклятый враг —
Разграблен дом, разбит очаг,
«Пускай же жала пуль моих
Разят врагов, находят их!
О месть святая! Ты бойца
Зовешь бороться до конца.
Но ранен я. Я не могу
Идти вперед и мстить врагу.

Бессильный, должен я лежать,
Мне автомат не удержать:
Огонь мою сжигает грудь.
Я продолжать не в силах путь.

Но сердце — хочет жить оно
И жаждою борьбы полно.
И ослабевшая рука
К оружию тянется, пока
В сознание я... Ты прочь, слеза!
И гневом ожили глаза.

Кабул-кари еще живет,
Еще душа его поет:
«Отчизна милая моя,
Мои родимые края!
Чтобы свободу отстоять,
Чтоб водворился мир опять,
Проявим мужество в борьбе,

Отчизна, я служу тебе!
Во имя солнца над тобой
Готов идти я снова в бой».

И к солнцу устремил свой взгляд
Кабул-кари, герой Фархад.
Уже кончался сил запас,
Казалось, он уснет сейчас.

Он в небо чистое глядел:
Прозрачный воздух голубел.

И, словно в зеркале, он в нем
Себя узнал в краю родном.
И смерть, что рядом с ним была,
На шаг послушно отошла.

Увидел он Узбекистан,
Друзей и щедрый дастархан,
Знакомый двор, старушку мать—
Ему ее не обнимать.

В атласном платье, как заря,
Его улыбкою даря,
Навстречу, радости полна,
Идет любимая жена...

Себя на сцене видит он:
Стоит он, рампой озарен,
Фархадом, в муках о любви,
С огнем в глазах, с огнем в крови.

Он видит горы, что крушил,
Весь край родимый, где он жил,
Весь мир, что был на счастье дан,
Любимый свой Узбекистан.

И ощутил он сил прилив:
«Я в бой пойду! Я буду жив!»
Душа огнем опалена.
Его к себе зовет война.

Руины черные сквозь дым
Плывут в молчанье перед ним.
Поля пшеничные в огне,
И тучи дыма в вышине.

Пожары — их теперь не счесть,—
Все говорят: «Священна мечь!»
И долетает издали
Тяжелый, долгий стон земли.

Он ясно видит пред собой
Своих друзей, идущих в бой,
И как под натиском атак
На запад покатился враг,
Как с красным знаменем вперед
Победа гневная идет.

Он медленно глаза смежил,
Себя спросил он: «Как я жил?
На сцене я Фархадом был,
Искусство я, как жизнь, любил.

Мне сцена словно дом родной,
А песнь была б моей сестрой.

Когда разгромлен будет враг —
Я знаю, это будет так,—
С тобой я буду, мой народ,
А кто с тобой — тот не умрет!»

* * *

Река спокойная течет,
Арча зеленая растет
На берегу. В тени ветвей
Могила. Надпись есть на ней:

«Лежит здесь тот, кто пал в бою,—
За жизнь он отдал жизнь свою,—
Герой-боец Кабул-кари».
При свете утренней зари
Здесь шепчут травы. Ветерок
Качает розовый цветок—
Райхон у нас его зовут.

Навечно здесь нашли приют
Напев Лейли, тоска Ширин.
Спокойно спи, Отчизны сын!
Луна с заоблачных высот
Серебряные слезы льет,
Она заходит, говоря:
«Заря! Скорей взойди, заря!»

ВСЕ ПОМЫСЛЫ МОИ В ШАХИМАРДАНЕ

Как будто требуя с деревьев дани,
Шумит новорожденная река,
В которой отразились облака.

Все помыслы мои в Шахимардане.
Я среди гор, а горы выше нас.
С охапкою цветов в безмолвный час
Я поднялась к поэту на вершину.
Он спит, учитель мой. А я стою.
Я принесла сюда мою судьбину.
Все, чем живу, что век я не покину, —
Мое перо, поэзию мою.

Прислушиваюсь к скорбному затишью.
Ни жалобы, ни вздоха, ни слезы
В природе этих гор. Я только слышу
Живое сердце нашего Хамзы,
И в шуме ливня, в звонком шуме света,
Мне кажется, я слышу разговор,
Мне кажется, вершины снежных гор
Читают облакам стихи поэта.

Мне кажется, идет живой Хамза,
Идет Хамза по травам в свежих росах.
Для бедняка усталого он посох,
Он для слепого зоркие глаза,
Он воля для борца, он для него
В мучениях родившееся слово.

Он среди тех, кто в царстве лжи унижен,
Кто по законам лжи всегда неправ.
Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам,
И песнь, расправив крылья вместе с веком,
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

Как новый мир, сияет лоб широкий.
Вокруг не молкнут горные потоки,
Неистовых страстей водоворот.
Поэт все чаще, чаще хмурит брови,
Но говорит он каждой каплей крови:
«Пусть Ленин в кишлаках у нас живет!»

И вот я выхожу из мавзолея,
Где боль далеких лет, где спит поэт,
А в сердце возникает, пламенея,
Свет Ленина, неугасимый свет.
И голоском таким же серебристым,
Как стих певца, чарующий сердца,
Рассказывает девушка туристам
О гибели поэта и борца.

И все идут в музей, полны раздумий.
Здесь нет голов отрубленных и мумий,
Изображений шахов и князей,
Не блещет и кольчугами музей.
Но здесь Хамза: то с Куйбышевым рядом,
То посреди подруг, в кругу сестер,
Что сбрасывают паранджу в костер.
То он творит стихи, глядит в простор
Задумчивым и напряженным взглядом.
Здесь песня есть с ее высоким ладом.
Всю обстановку воссоздал музей:

Любовь и верность боевых друзей,
Народный гнев, что низвергался градом,
Здесь все, но мы не видим черной тьмы,
Увенчанной обманами чалмы,
Напитанной смертельным, мерзким ядом,
Не видим тьмы, что, прячась там, внизу,
Убила — чалмоносная — Хамзу.

Он молод был, так беззащитно молод!
Утес, что черной молнией расколот,
Степь, на которой длился долгий бой,
Песнь удивленная своей судьбой,—
Вот так на фотографии темнело
Убийцами истерзанное тело,
Листок сжимает смуглая рука,
И недопета на листке строка.

Мне кажется, вовек я не устану
Бродить по новому Шахимардану.
Он назван в честь певца — Хамзаабад.
Стихотворение напоминая,
Бежит родник, бежит струя сквозная,
И падают слова, как водопад.

Я книгу раскрываю на припеке...
Ужели воздух раскален, как печь,
Ужели это солнце хочет сжечь
В моих руках трепещущие строки!
Но нет, прохладой веет на востоке,
И каждый луч летит, летит скорей
К приволью пионерских лагерей.

Смотрю: отряд цветов голубоокий
Выходит из-под снежных покрывал,
Чтоб стать среди долины на привал,
И радости взмывает вал высокий,

И кажется, что день заперывал.
А я иду и знаю: не устану
Я учинять допрос Шажимардану.

Земля моя! Пред каждою твоей
Пылинкою склониться я готова,
Но ты ответь мне, боль мою развей:
Ужель его не услышала зова?

Ужель к добру ты приравняла зло?
Как ты могла дарить свое тепло
Исчадьям тьмы и песнопевцу света?
Иль ты была чужда судьбе поэта?
Иль ты была, родная, так слепа
Безумной материнской слепотою,
Что, этой кровью жертвуя святою,
В тот миг ты не разверзлась, что толпа
Фанатиков во мгле твоей сокрылась!
Зачем волкам ты оказала милость!
Волков уничтожают — вот закон,
Который светом и добром рожден!

Вы, горы, выше нас. Ветрам и бурям
Дорогу преграждали вы не раз.
Когда на вас глядим, глаза мы шурим:
Ведь солнце дремлет на плечах у вас!
Так почему ж, услышав бурь свирепость,
Глухими вы остались, точно крепость
Трусливого и слабого царя?
Когда ночная тьма, разбой творя,
Свободу и поэзию душила,
Куда девалась, горы, ваша сила?
Пусть вы его оплакали потом,
А стали вы тогда ему щитом?

Вода, вода! Как песня, ты желанна,
Свободна, как душа Узбекистана,
Могуча, как законы светлых книг.
Зачем не защитила ты родник
Кипучих песен, чистоты душевной?

Зачем ты не размыла берега,
Зачем ты не низверглась на врага
Всей мощью светоносною и гневной!
Нет, я такой обиды не снесу!
Зачем, река Ак-су, зачем, Кок-су,
К поэту вы не протянули руки
И не спасли его от смертной муки?

Вы, ураганы, бури и ветра!
Зачем вы не вопили до утра,
Зачем тогда всю ночь не завывали,
Зачем с вершин вы камни не срывали,
Чтоб их обрушить на свирепый сброд?
О, если бы к народу вы воззвали,
Певца сумел бы защитить народ!

А ты, мой стих! Родился ты певучим,
Ты звонким окрыляешься созвучьем,
Летишь ты по земле, не зная сна.
Но ты — известный иль не знаменитый,—
Запомни: чтобы правде стать защитой,
Тебе отвага воина нужна.

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета.
Что в мире есть наследники Хамзы!

Добрый матерью кажется нам она,
А тебя —

мы духовным отцом зовем.
Как земля ярким солнцем озарена,
Так внимаьем народа
ты озарен.

«Наш Айбек творит...» —
нежен взгляд жены
Оказалась жизнь к поэту щедра,
Одарила сокровищем без цены!
Сердцем ласкова,
чуткой душой мудра.

Трудолюбием мужу она под стать,
Доброта ее там, где нужней всего,
Сыновей Айбека — нежная мать,
В дни болезни — язык и посох его.

Благороден облик ее и прост,
Обаятелен острый и гордый ум!
Ведь в науке
не из последних звезд
Несравненная Зарифа-ханум.

Словно бейта согласные две строки,
Были жизни их счастливо сплетены.
Речи мужа, тихое слово жены
Повторяют с почтением ученики.

III

Если взял ты в удел писательский труд,
Навсегда, как Айбек,
с землю сроднись:
Почки замысла дрогнут,
и зацветут
Гроздья слов, и нальются плоды страниц.

Не глазурью цветной мечети блещут,
А рубинами крови, алмазами слез.

Что ж владыки?

Исчез в песках караван,
По дорогам столетий тащивший их,
Имена и обличья укрыл туман.
Шум шагов в пыли забвенья затих.

А сейчас нам Айбека шаги слышны:
Мерно, гневно — иначе здесь не пойдешь.
И откликнулось эхом из тишины
Шелестенье давно истлевших подошв.

Сколько душ, сколько тел!

Этот полз, тот летел
В славе, в сраме, за платой, под плеть.
Скользкий камень вот так же хищно блестел,
И слетали головы с плеч...

Как печаль вековая, густа тишина.
Звука, вздоха никто не издаст.
И пустыми глазницами

обхона

Свет и радость высасывает из нас.

Обхона, обхона, не твоя вина
В том, что стала ты памятником беды.
Ведь усталому путнику

слаще вина

Был глоток сбереженной тобой воды.

Где вода, там живому — не умирать,
В обхоне дух бессмертья был заключен.
Сам себя на позор обрек эмират,
Осквернивший жизни святой закон.

Тот, кто щедрое лоно твое, обхона,
Превратил в кровавую клеть, в тюрьму,
Нами проклят на вечные времена,
В наших солнечных днях нет места ему!

Мы с великой тоской глядим на тебя,
Обхона,

                                символ тьмы и трусливых зверств...
«Если б не было Ленина и Октября,
Не один еще гений угас бы здесь»,—

Говорит Айбек.

                                Боль в его зрачках:
Всем загубленным тут он душой сродни.
На него
                                со слезящегося потолка
Неотрывно смотрят глаза Айни.

Горбит плечи писатель, прямой всегда.
Он на беркута раненого похож.
Черным горем его нагрузил зиндан,
Он истерзан.

                                Его пробирает дрожь.

В этот день, на что бы он ни глядел,
Пред его глазами стоял Айни.

«Здесь, в зиндане,
                                во тьме и гнилой воде,
Он грядущую радость в себе хранил.

Сила духа и мужество жили в нем.
Закаленные муками,

                                вновь и вновь
Полыхали строки живым огнем,
И бунтарская в них клокотала кровь»,—

Размышленьями делится с нами Айбек.
Зреют образы в недрах его ума.
А над Арком парит золотой туман,
Словно дух Айни реет там, в тиши,
Говоря:

«Против света бессильна тьма.
Сколько тем нераскрытых...
Айбек, пиши!»

Мы вернулись в гостиницу нашу.
А тут
Две смущенных студентки, юнец-студент:
Их прислал за нами весь институт.

Зал заполнен!
И все с нетерпеньем ждут!
И пока стихи на губах цветут,
В темноту незаметно ныряет день.

IV

От черты горизонта, полна, вольна,
Животворную воду несла река.
И по сердцу Айбека плеснулась волна
Новых чувств.

И взлетела его рука
Окрыленно к вершине гордого лба.

Он подался вперед.
И цветущий мир
Перед ним, не таясь, распахнул себя,
Гордый тем, что желанен, доступен, мил.
Может, мнился поэту новый герой?
Или пение пери услышал он?

Или видел:

играет лань под горой
С добрым солнцем, покинувшим небосклон?

Словно легкая дрожь прошла по спине,
Нервно вскинулась крупная голова...
И жена Айбека, склонясь ко мне,
Прошептала догадливо:

«Ты права —

Он работает.

Именно в этот миг
Новый замысел возникает в нем.
Происходит рождение новых книг.
Тлеет искра, что сделается огнем».

Как голодный сметает крошки в ладонь,
Так я в память свою пытаюсь собрать
Слово каждое,
чтобы вкушать потом
Твою мудрость, прославленный мой собрат!

А долину прорезавшая река
И течет, и сверкает, как Млечный Путь.
В ней пасутся отарами облака.
И торопится солнце в волне сверкнуть.

И чем ближе, тем ярче слепит глаза,
И чем ближе, тем слаще прохлады вздох.
А потом уж и вовсе понять нельзя:
Блики брызг или звезды радуют взор.

Рассыпающий золото — Зерафшан,
Посмотри, как свиданию рад Айбек:
Вышел он из машины, и грузный шаг
Странно стал похожим на детский бег.

Вновь дорога.

        Давно позади Бухара.
Почему ж до сих пор задумчив поэт?
Неужели, исполненный зла и добра,
Голос города что-то кричит ему вслед?

Я ведь видела: шли к нему люди в дом,
Чтобы память свою расстлать пред ним,
Чтоб исполнить свидетелей честных долг.
И в работе смешались ночи и дни.

И листал он судьбы, годы листал,
Осторожной рукой касаясь страниц.
Карандаш над бумагой тогда летал,
Умоляя усталость:

        «Посторонись!

Не лишай поэта последних сил,
Не мешай работе, пока он тут.
Видишь, пот чело его оросил,
Словно сам он вершил и битву и труд».

До сих пор мне эта картина видна:
Напряженные, горестные глаза,
От волнения поэту речь не верна,
Задыхаясь, он силится мне сказать:

«Здесь готовая книга — любой рассказ,
Потому что отчетливо в нем видна,
Без парадности, фальши и без прикрас,
Суть живая истории. Ведь она

Не стоячая лужа в зеленых кругах,
А бурлящий и вечно живой родник!
Давним прошлым оброненные жемчуга

Нам пора подобрать, нанизать на нить,
Чтобы их от забвения сохранить.

У словесности нашей

немало звезд,

И к народу нельзя идти налегке,
Чтобы длился ее плодоносный рост,
Сердцу надо пылать и писать руке».

Папироса погасшая зажжена,
В синем дыме комнаты не видать.
Друг, помощница ласковая — жена
Что-то быстро записывает в тетрадь...

А потом, усталый, он шел гулять.
Как прекрасна вечерняя Бухара!
Сотни сотен огней развлекают взгляд,
Как узоры сказочного ковра.

Бухара, ты — не пленница под чадрой:
Облик твой деловит, опрятен, толков.
И домов твоих светлых веселый строй,
Словно по небу — шествие облаков.

Всюду властно господствует новизна:
Новый дом, новый сквер и новый завод...
В древнем городе новая жизнь видна.
С новой силой гостей он к себе зовет,
Прославляет новые имена.

Новой гордостью полная Бухара —
Драгоценная брошь на груди земли!
С недоступных когда-то слоев добра
Поколения новые пыль смели.

Схожи с сердцем пульсирующим города:
До селений дальних текут от них
И плоды промышленного труда,
И наук уроки, и мудрость книг.

А недавно открытый бухарский газ,
Точно речи звук или зов письма,
Незнакомые люди, дойдет до вас
И живое тепло принесет в дома.

И талант — он не замкнут в себе самом,
Не стреножен словами «сейчас» и «здесь»:
Он, сердца разбудив и согрев собой,
Из эпохи в эпоху летит, как весть.

Тех, кого старый строй угнетал, душил,
На страницах книг воскресит Айбек.
Освещенные светом его души,
Средь живых пребудут они вовек.

VI

Как бурно мчащийся арык,
Дорога резко рассекла
Бесплодную Чули-Малик
И прямо в сказку нас ввела.

Прекрасный город Навои,
Волшебный сад в стены сухой,
Похожи улицы твои
На строки радостных стихов!

Ты свеж, как внешний шум дождя,
Твоя листва нежна, как шелк,
Живой поэт как будто ждал
Нас в гости и навстречу шел.

Кто говорит, что пять веков
Меж ним и нами пронеслось?
Не пять веков, а пять венков
Из алых, неувядших роз!

Звучит благоуханный бейт,
Где буква каждая ценна,
И услаждает, как шербет,
Язык,
и греет сердце нам.

С народом вместе шел поэт
На труд, на праздник и в бои.
А нынче источает свет
На карте
имя Навои.

Айбек шагает вдоль домов,
Словам хвалы теряя счет.
И как бы видит ряд томов,
Что не прочитаны еще.

Он говорит:
«Смотрите, тут
Чудесно соединены
Полет фантазии и труд,
И новь с дыханьем старины».

Здесь мудро зодчий сочетал
Проспектов праздничный простор,
И зелень строгую чинар,
И белый контур дальних гор.

А площадь — та лугам сродни:
Купается в лучах она.

И в сладкой прячутся тени
Кафе, цветник и чайхана.

Хрустальный плещется фонтан...

«Где ж комбинат?—

Айбек спросил.—

Я побывать хотел бы там,
Хватило б времени и сил».

И тут же, тяжело дыша,
Умерил он шаги свои.
Но слышала его душа
Живое слово Навои.

Звучал повсюду детский смех,
Как сотни звонких родников.
И юный город, горд и смел,
Сверкал и цвел среди песков.

VII

Он нас торопил, в нетерпении весь...
Любые дороги ему хороши:
«Поедем на Талимарджанскую ГЭС!
Я должен немедля увидеть Карши!»

Все люди ему интересны, нужны,
Все что-то должны показать, рассказать...
И, жгучей бессонницей опалены,
Темнели всевидящие глаза
Поэта.

И чувствовал каждый из нас,
Здоровьем и жизнью его дорожа,
Что нынче работает он на износ.
Но можно ли горный обвал удержать?

И вот, проявляя законную власть,
Любезный хозяин воскликнул:
«Домла!»*

Чтоб к чаше покоя устами припасть,
Прошу вас на время оставить дела.

Ваш труд благороден.

Страницами книг
Умеете вы, зажигая сердца,
Связать поколения, чтоб в сына проник
Огонь, вдохновлявший на подвиг отца.

Но я многословен...

Простите меня.
Пожалуйте в вашу машину, домла».
И снова дорога змеилась, маня,
Куда-то звала и куда-то вела.

И возле ущелья два черных жука —
Два ЗИЛа притихли, застыв на траве.
Прохлада, как ласковая рука,
Поэта погладила по голове...

Лежат одеяла на белой кошме.
Кошма, словно лодка на море цветов.
Любезный хозяин сидит на корме:
Беседой и пиром он править готов.

«Товарищ директор, начните рассказ!
Совхоз ваш в республике славен давно.
Айбек с интересом послушает вас
И мы, недостойные, заодно».

---

* Д о м л а — почтительное обращение к человеку в знак уважения к его знаниям.

Смеется директор:

«Для длинных речей

Как будто не время.

Взгляните сюда:

Лепешки пока что огня горячей,

Свежи, ароматны питье и еда».

И вправду —

на скатерти виноград

Просвечивал яхонтом и янтарем,

Пиалы с кумысом построились в ряд,

Дымилась баранина,

и озарен

Полуденным солнцем был сотовый мед,

И масляной грудой лежал богурсок.

Айбек же

не сладости в руки берет,

Но алый гранат, источающий сок.

И мне, разломив, предлагает гранат:

«Вот чудо-лекарство.

Секрет его прост».

И доброй усмешкою светится взгляд.

И в шутку ему задаю я вопрос:

«Но вылечить может гранат от чего?»

А он отвечает:

«От прожитых лет.

Вам станет опять восемнадцать всего!

Хотите?» —

«Конечно, хочу!

Впрочем, нет...

Я стану моложе?

Но, значит, бедней!

Ведь годы — не только источник седин...

Нет, милый учитель,
из прожитых дней
Забвенью отдать не могу ни один.

Как можно забыть все, что было со мной,
Весь путь, что в страданиях и счастье пролегал?
Себе я судьбы не желаю иной,
Хоть, может, закат мой не так уж далек». —
В ответ мне ни слова никто не сказал.
Хозяин неловкую тишину
Нарушил:

«Попробуйте «кора жанжал!» —
И мне виноградную гроздь протянул.

Айбек восхищен:

«Ах, узбекский язык!
Велик словотворец, художник народ.
Один виноград для него «озорник»,
Другой же он «сердцем голубки» зовет.

Кишлак вдруг назвал «радость сердца» —
Вадиль.

Так жажда прекрасного в нем велика!
И, словно алмазы чистой воды,
Сияют слова года и века.

А мысль о закате — ненужная мысль...»
И, чтобы волнение унять, охладить,
Он жадным глотком выпивает кумыс
И долго в глубоком молчанье сидит.

А мимо, как белые облака,
Овечьи отары неспешно бредут.
Узорчатым поясом вьется река.
На ближней поляне ветрами раздут

Пожар ярко-алых тюльпанов.

И гость

Сидит, опьяненный дыханьем весны.

Директор ему говорит про совхоз —

Поэзией цифры сухие полны!

Узбекский каракуль...

Вам скажет знаток —

И головой поручится за то —

Что каждый плоёный его завиток

Сегодня воистину золотой.

А вот и чабан. Он подобен орлу:

Остер его взор и фигура стройна.

И просит Айбек:

«Позовите к столу,

Пожалуйста, этого чабана».

Чабан в две руки взял поэта ладонь

И сел, проявив благородство и такт.

И снова кумыса белесый огонь

В пиалах забился и заклокотал.

И снова беседа лилась от души:

К вопросу вопрос, за рассказом рассказ.

Родная земля, точно щедрый бахши,

Все новые песни слагала для нас.

Какие тона по воде растеклись!

А травы

атласными стали на вид...

Урал Тансыкбаев,

нужна твоя кисть,

Чтоб это мгновение остановить!

«О женщины,— к нам обратился Айбек,—
Любое желание ваше — приказ.
Скажите ж часам, чтоб умерили бег.
Они не посмеют ослушаться вас!

Жестока упорная гонка часов.
Как часто от времени мы отстаем!
А этот грабитель бессовестный — сон:
Третью жизни почти мы ему отдаем».

«К себе вы излишне суровы, домла:
Вы ж только к утру задремали слегка!»—
«Мне жаль и минуты, что зря протекла
Жить надо бессонно, как эта река.

Саксон-дара!

Боже, еще бы сто лет
Любить этот край и бродить по нему.
А после пусть гаснет приветливый свет:
Без грусти я принял бы вечную тьму...»

И он замолчал,

и вторично в тот день,
Хоть радостно было кругом и светло,
На солнце надвинулась черная тень
И нас опахнула тяжелым крылом.

Но тут же растаял тревоги туман,
Сожженный веселым весенним огнем.
Цветной и зеленый шумел океан...
Айбек предложил нам:

«Поплаваем в нем!
От дивных красот я едва не ослеп,
Хочу колдовство их развеять чуть-чуть.
Вон едет старуха верхом на осле.
Куда и откуда лежит ее путь?»

Идет он по травам, как вброд по реке
Идут, позабыв про ладью и весло,
И звездочкой светит ему вдалеке
Нечаянной встречи живое тепло.

И возле старухи замедлил он шаг,
Склонился пред ней, как почтительный сын.
Поношенным был ее красный мурсаг*.
Весь облик печать увяданья носил.

Но рядом

нарядно, беспечно, легко
Светилось лицо всех бутонов нежней!
«Как звать тебя, девочка?» —

«Хурилико...»

И смотрит: а кто же стоит перед ней?
Я краткое имя шепнула ей.

Вдруг

Счастливым румянцем она расцвела!
В глазенках восторг, изумленье, испуг:
«Да нет же... Как можно...

Тот самый домла,

Который... «Священная кровь»! «Навои»!
Читаешь — и радость, и слезы рекой...»
«А может быть, глядя косички твои,
Он пишет поэму и «Хурилико»...

Красавица, я за тебя не боюсь:
От зла и от сглаза тебя сбережет
Не в косы вплетенная ниточка бус,
А свет, что над нами свободой зажжен».

---

* М у р с а г — верхний халат с короткими (до локтей) рукавами (одежда старух).

Так молча я думала.

Время текло,
И делались тени синей и длинней.
Уж солнце, как соком налившийся плод,
Готово сорваться с небесных ветвей.

«Простите, что мы задержали вас, мать,
Должно быть, делам вашим я помешал.
А вам не трудиться,
а есть бы да спать,
Да сказки рассказывать малышам.

Давно вы покой заработали свой».
И, рот прикрывая концами платка,
Смеется старуха, трясет головой.
Глаза ее — меркнувших два уголька...

И нас приглашает в свой дом заглянуть,
Отведать вечерней чабанской еды.
Потом они обе продолжили путь.
Дорожная пыль приняла их следы...

И, как «послезавтра», и «позавчера»,
Прабабка и правнучка шли над рекой.
И ночь на одну надвигалась, черна...
И солнечный день расцветал для другой!

VIII

Он хотел Шахрисабз посетить —

и не смог.

Он хотел в Пачкамар заглянуть —

не успел.

Торопясь, приближая свой радостный срок,
Майский праздник в кумач наряжался и пел.

И, конечно же, три поколения семьи,
Словно ветви, листвою увенчавшие ствол,
Отложив все дела и заботы свои,
Без Айбека не сядут за праздничный стол.
Но потом, когда праздник уйдет со двора,
Схлынет шум многолюдья и пиршества

зной,—

За работу пора!

Без чернил и пера
Истомилась бумага пустой белизной.

Он прощается, к сердцу ладони прижав...
Он идет...

Под ногами — асфальт и бетон.
Плечи сгорблены.

Нам его словно бы жаль,
Хоть совсем не нуждается в жалости он.
Вот жену он берет, как птенца,

под крыло...

Небеса раскрывают объятия ему,
Я дрожу...

Отчего?

Ведь на солнце тепло.
В горле — слезы горячим комком.

Почему?

Отчего в пенье ветра услышала я
Четкий голос тревоги, дыхание зла?
И предчувствий дурных роковая змея
В сердце, вытеснив радость,

зачем заползла?

Никогда не сдавался болезням Айбек,
Шел без жалоб своим многотрудным путем.
И сегодняшний день, и исчезнувший век
Нес в душе он.

И был каждый час им учтен,
Чтоб не таял бесследно, как утренний снег.

И еще суждены ему долгие дни.
Как могуч он, обличем похожий на льва!
Ждут перо и бумага.

И жаждут они
Новых мыслей, готовых облечься в слова.

Так себе говорили мы.

И не посмел
Ни один черной правде в глаза заглянуть.
Но уже, как завистник,
точила смерть

Свой топор
и пускалась в недалекий путь.

Как мы были беспомощны и слабы
Меж больничных стен и недужных тел!
Опрокинутый факел в руке судьбы
Не пылал, а дымился и еле тлел...

Смерть, коварный разбойник, немой палач,
Почему ты безмерно сурова к нам?
Вот ушли Шейхзаде, Какхар и Гулям,
А теперь по Айбеку несется плач...
Что оставишь ты будущим временам?

Выбираешь ты лучших.

Таков Айбек!
Хоть была нелегка дорога его,
Никому не завидовал он вовек,
Не унизил за жизнь свою никого.

Остановлен стремительный бег часов.
Замыкая дорог и путей кольцо,
На поэта надвинулся вечный сон.
Но взгляните, взгляните в его лицо!

Он — не мертв.

Он как будто слегка устал.
Это — тень покоя, не смертный мел!
Так ложится пахарь под тень куста,
Или путник вытягивается на кошме.

Он — в плену у работы.

И смерть слаба,
Чтобы вдруг на молчанье его обречь!
Словно звезды, сияют над ним слова.
Он безмолвен,

и все ж продолжает речь.
Жизнь большого поэта — не краткий миг:
Ей в годах и пространстве границы нет.
Ты листаешь страницы знакомых книг,
Значит, снова — в дороге, в трудах поэт!

У могучей реки приток не один —
Потому и пески его не сомнут.
Так и отчее дело продолжит сын,
Так и дедово имя прославит внук.
Откровением новым глаза слепя,
Вновь поэма страницами шелестит...
Мы глядим в нее — узнаем себя.
Значит, жив Айбек.

Значит, он — в пути!

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора.
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!

Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описанье!
Чья мысль остра!
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!

Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон.
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,

То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!

На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напоминал по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и к свету.
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычаи Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом:
На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком.

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.

Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье!
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!

Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней,
И ветры, вырывая из сердец

Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали;
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты..
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставляли, как мосты
Для нашей дружбы, нашего сближенья,—
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О вечер Индии! О песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенье всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире,
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...

Ты — весть о хлебе, благе и покое.
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!

Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, источник.

Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилье,
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов;
Пусть все, кто сеет, все, кто строит счастье,
Услышат этот зов.
Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира!
Мушоира!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРЕНИЯ

Признание

Здесь родилась я. <i>Перевод</i> <i>Вл. Державина</i> . . .	9
Признание. <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	11
Два стихотворения. <i>Перевод</i> <i>А. Кондырева</i> . . .	12
Звезда. <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	15
«Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне нужен ты!..» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	16
Моя печаль, твоя беда... <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i> . . .	17
«Счастливую любовь он воспевал, мой саз...». <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	18
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевод</i> <i>М. Алигер</i>	19
Зацвел урюк. <i>Перевод</i> <i>К. Симонова</i>	22
Мечта. <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	24
«Все прекрасное, святое...» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	26
«Давно твой взгляд я не ловила взглядом...» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	27
Где твой привет? <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	28
«В сердце много песен...» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i> . . .	29
Памятник. <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	30
Без тебя. <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	32
У памятника. <i>Перевод</i> <i>М. Борисовой</i>	34

Тает снег

Сюзане. <i>Перевод</i> <i>С. Сомовой</i>	37
Садовник далеко. <i>Перевод</i> <i>В. Липко</i>	39
С оружием в руках и в шинели. <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	41
Мы встретимся! <i>Перевод</i> <i>Вл. Державина</i>	43
Тает снег. <i>Перевод</i> <i>А. Кочеткова</i>	45
Отважным. <i>Перевод</i> <i>А. Кочеткова</i>	47
Отомсти! <i>Перевод</i> <i>Вл. Державина</i>	49
Песня. <i>Перевод</i> <i>С. Сомовой</i>	51
Золотая осень. <i>Перевод</i> <i>С. Сомовой</i>	52
Мое дитя. <i>Перевод</i> <i>М. Борисовой</i>	54
Навстречу. <i>Перевод</i> <i>С. Сомовой</i>	56
Зебо. <i>Перевод</i> <i>Ал. Ревича</i>	58

Дыхание жизни. Перевод М. Борисовой	61
Сирень. Перевод Н. Гребнева	62
Две подруги. Перевод С. Сомовой	63
Здесь будет дорога. Перевод Н. Гребнева	67
Не пройти войне! Перевод С. Липкина	69

Зеркало прозрачных родников

Невеста. Перевод Н. Гребнева	73
Мотылек. Перевод С. Липкина	75
На мосту. Перевод С. Сомовой	77
В поле. Перевод С. Сомовой	79
Соловей. Перевод С. Сомовой	81
Моей подруге. Перевод Н. Гребнева	82
На озере. Перевод М. Борисовой	85
Вечер на реке. Перевод Ю. Нейман	87
Южная ночь. Перевод Ю. Нейман	88
Лукавоокая. Перевод А. Иванова	90
Председатель. Перевод Ю. Нейман	92
Женщина в парандже. Перевод Н. Гребнева	95
Возле фонтана. Перевод М. Борисовой	97
В сосновом лесу. Перевод С. Сомовой	98
Победительницам. Перевод С. Сомовой	100
Мать. Перевод С. Сомовой	102
Весна. Перевод Н. Ушакова	104
Чабан. Перевод Р. Морана	106
Девушка-зоотехник. Перевод Р. Морана	108
Снег. Перевод С. Сомовой	110
Иду я городом родным. Перевод С. Липкина	111
С Новым годом! Перевод Р. Морана	113
Мартовским утром. Перевод С. Сомовой	114
Великое рождение. Перевод Н. Гребнева	115
Свет. Перевод С. Липкина	116
Частица солнца. Перевод Н. Гребнева	117

Теплота

Бессмертная моя... Перевод М. Борисовой	121
«Я двигаюсь водным, земным и воздушным путем...» Перевод С. Липкина	125
Стихи о Таджикистане. Перевод С. Сомовой	126
Навстречу песне Алатау. Перевод С. Липкина	131
Кокчетау. Перевод С. Липкина	132
Чародейство облака. Перевод С. Липкина	134
Тюбетейки с пушистыми султанами. Перевод С. Липкина	136

Вечер на Балхаше. Перевод С. Липкина	138
Удочка. Перевод Б. Пармузина	140
Звезды Вуадилы. Перевод С. Липкина	141
Строки памяти. Перевод А. Наумова	146
Мой рассвет. Перевод С. Липкина	150
Снова царит весна. Перевод Н. Матвеевой	152
Дорога в поле. Перевод С. Липкина	154
О вас покою, земляки. Перевод А. Наумова	157
Мираб. Перевод Ю. Нейман	164
Теплота. Перевод С. Липкина	166
Болгария. Перевод С. Липкина	168
Родные. Перевод С. Липкина	171

Раздумья

Читателям. Перевод С. Липкина	175
Зависть. Перевод С. Липкина	176
В глазах звезды... Перевод Ю. Нейман	178
Портрет, который я должна написать. Перевод С. Липкина	180
В океане. Перевод С. Липкина	182
Краткая встреча. Перевод С. Липкина	183
Дерево. Перевод С. Липкина	184
Раздумья. Перевод С. Липкина	185
Небольшое селенье. Перевод С. Липкина	187
Такое сердце у меня. Перевод С. Липкина	189
Говорят... Перевод Ю. Нейман	191
Морщинками меня не попрекай... Перевод Ю. Нейман	192
Перед зеркалом. Перевод С. Липкина	193
Садовник. Перевод С. Липкина	194
Жизнь полюбить. Перевод С. Липкина	197
Вечер. Перевод С. Липкина	198
Любовь. Перевод А. Наумова	199
Вишни. Перевод С. Липкина	201
Пловец и мечта. Перевод С. Липкина	202
Чужая ночь. Перевод С. Липкина	203
Бахшиш. Перевод С. Липкина	204
Зеркало. Перевод С. Липкина	207

Весенний водопад

Себе. Перевод Н. Матвеевой	211
Осень. Перевод С. Липкина	213
Ветерок. Перевод С. Липкина	214
Зло. Перевод З. Тумановой	216

Лунная ночь. Перевод С. Липкина	217
Гнездо. Перевод С. Липкина	219
«Желтый месяц...» Перевод З. Тумановой	220
Весенний водопад. Перевод С. Липкина	221
Хочу найти весну. Перевод С. Липкина	222
На земле я родилась. Перевод Ю. Нейман	223
Не отнимайте у меня пера. Перевод С. Липкина	225
Почетное место. Перевод С. Липкина	227
Капля. Перевод С. Липкина	228
Яблоко. Перевод И. Лиснянской	230
Невесту привезли. Перевод Ю. Нейман	231
Достань мне солнце! Перевод Ю. Нейман	232
Сердце осталось у вас. Перевод С. Липкина	234
Радуга. Перевод Ю. Нейман	235
Ожиданье. Перевод Р. Казаковой	240
Дорогие чувства. Перевод И. Лиснянской	241
В день моего рождения. Перевод Р. Казаковой	246
Тоскую снова по весне. Перевод Р. Казаковой	249
Закат. Перевод Р. Казаковой	250
Принесли букет цветов мне девушки. Перевод И. Лиснянской	251
Природа, я протестую! Перевод Ю. Нейман	252
В объятьях бури. Перевод Ю. Нейман	253
Напрасно прожитое мгновенье. Перевод Ю. Ней- ман	255
Капли бесконечные. Перевод Ю. Нейман	256
«Стихи, со мною бывшие в больнице...» Перевод Ю. Нейман	258
Доктор!.. Перевод Ю. Нейман	260
Лодка жизни. Перевод Ю. Нейман	261
«Послушно сердце лишь одной любви...» Пере- вод Ю. Нейман	262
Гости явились. Перевод Ю. Нейман	263
Годы, годы... Перевод И. Лиснянской	265
Откройте окно! Перевод И. Лиснянской	266
«Словно снег осыпается с белой луны...» Пере- вод А. Наумова	267
Бессонница. Перевод И. Лиснянской	268
Солнцу. Перевод Ю. Нейман	270
Кого ты ждешь? Перевод Ю. Нейман	271
«Завидую былым утрам, ночам и дням...» Пере- вод Н. Матвеевой	272
«Вся жизнь ее была любовью огнекрылой...» Перевод Ю. Нейман	273
Невысказанное. Перевод Ю. Нейман	275

Ненужные волнения. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . . .	277
Распутье. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	278
Этюд. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	280
Я о жизни прошедшей. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . . .	281
Будущее. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	282

Ночь полна стихов

Ночь полна стихов. <i>Перевод С. Липкина</i> . . .	287
Тюльпаны. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	289
О творчество!.. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	291
Волшебная свирель. <i>Перевод С. Липкина</i> . . .	293
В гостях у поэта. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	296
Пушкину. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	299
Караван моей жизни. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . . .	302
Сердце на экране. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	304
Безымянный подарок. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . . .	305
Новые земли. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	306
Прости меня, моя молодость. <i>Перевод Ю. Нейман</i> ман	308
Звездная колыбельная. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	310
«Письмо от друга наконец пришло...». <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	311
Хочу узнать... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	312
Друзьям моим. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	314
Дождь. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	315
Огненный водопад. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	317
Ищу! <i>Перевод И. Лиснянской</i>	319
Тебя воспеваю, жизнь! <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	321

ПОЭМЫ

Фархадом звался он. <i>Перевод С. Сомовой</i> . . .	327
Все помыслы мои в Шахимардане. <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	335
Поэма огня и дороги. <i>Перевод М. Борисовой</i> . .	340
Мушоира. <i>Перевод С. Липкина</i>	366

ЗУЛЬФИЯ
ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ

Стихотворения и поэмы

Перевод с узбекского

Редактор *И. В. Заленская*
Художественный редактор *А. Г. Пономарев*
Технический редактор *В. Н. Барсукова*
Корректор *Т. И. Красильникова*
ИБ № 504

Сдано в набор 28. 03. 78 г. Подписано в печать 17. 11. 78 г.
Формат 70×90^{1/32}. Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л.
11,65. Тираж 25000. Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор
№ 39—78.

Отпечатано на полиграфкомбинате ТШПО «Матбуот» Государ-
ственного комитета УзССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли на бумаге № 1. Ташкент, ул. На-
вои, 30. Заказ № 1149. Цена 1р. 40к. На мелованной бумаге;
цена 2р. 10к.

Уз2
3—93

Зульфия.

Такое сердце у меня: Стихотворения и поэмы.—
Т.: Изд-во лит. и искусства, 1978 С.—376 с.

Новая книга стихов и поэм народной поэтессы Узбеки-
стана Зульфии «Такое сердце у меня»— волнующее свиде-
тельство верности, любви, духовной красоты человека, для
которого «без родины нет на земле ни солнца, ни звезды во
мгле».

Уз 2